Михаил Волков

На румбе — Полярная звезда

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книгу составили две повести: «Бухта Одиссея» и «На румбе — Полярная звезда». В них рассказывается о полной суровой романтики службе военных моряков Тихоокеанского и Северного флотов. Герои книги — молодые лейтенанты — командиры торпедных катеров и опытные командиры, политработники, чьи знания помогают становлению молодых офицеров. Автор сам отдал морской службе более тридцати лет, поэтому и события, о которых повествует М. Волков, носят характер воспоминаний и по времени действия относятся к началу шестидесятых годов. О том, какими путями приходят юноши на флот, рассказывается в очерке «Мечте навстречу».

Для массового читателя.

- На румбе — Полярная звезда
  -
  - БУХТА ОДИССЕЯ
    - НАЗНАЧЕНИЕ
    - КОМДИВ ТУРКОВ
    - БЫКОВ
    - НА КОМАНДИРСКОМ МОСТИКЕ
    - ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ
    - КАЮТ-КОМПАНИЯ
    - ЭКИПАЖ
    - ОКНАМИ НА ЗАЛИВ
    - СТАРШИНА БАГЕЛЕВ
    - ШТУРМАНСКИЙ ПОХОД
    - УЗЕЛ НАДО РУБИТЬ
    - ФЛАГ ПОДНЯТ!
    - БУХТА ОДИССЕЯ
    - ПЕРВАЯ АТАКА
    - БОЦМАН ЛИТОВЦЕВ
    - КРЕЙСЕР ШВАРТУЕТСЯ К КАТЕРУ
    - ЧП
    - МОРСКОЙ КОМПОТ
    - НОЧНЫЕ СТРЕЛЬБЫ
    - ПОБЕДНЫЕ СЕКУНДЫ СТРЕЛКОВА
    - КАТЯ
    - НА ПРИЗ ГЛАВКОМА
    - ДО СВИДАНИЯ, ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ!
  - НА РУМБЕ — ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА
    - ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

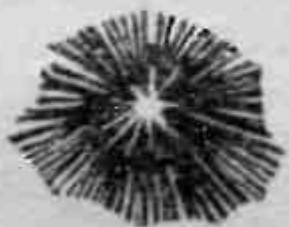
- ЗВЕЗДА МОРЕХОДОВ!
- РИТУАЛ ПАМЯТИ
- КОМАНДИР
- ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
- РАДИОГАЗЕТА «ПОДВОДНИК»
- ЕГОРЫЧ
- МОРЕ — НЕ ПОМЕХА
- СМЕШИНКА
- НЕПТУН
- «ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»
- МАЛАЯ ПОДВОДНАЯ СПАРТАКИАДА
- ОДНОСМЕНКА
- АЛЕКСАНДР КЛИМОВ
- НА ПИРС ШВАРТОВЫ БРОШЕНЫ

○ МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ
- МОРЕ
- Я БУДУ МОРЯКОМ
- ФЛОТСКАЯ ФОРМА
- УЧЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

На румбе — Полярная звезда

Михаил Волков

На румбе — Полярная звезда



Документальные повести и очерк

БУХТА ОДИССЕЯ

НАЗНАЧЕНИЕ

Весь длинный путь от Ленинграда до Владивостока выпускник Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе лейтенант Сергей Стрелков мысленно продолжал разговор со своей невестой. Катя незримо присутствовала в купе и как бы делила с ним томительное вагонное однообразие.

Он все время помнил ее такую маленькую и прижавшуюся к нему на перроне Московского вокзала, ощущал под рукой мягкий шелк волос, видел серо-голубые глаза, вопрошавшие: «А как же я?»

«Ты не горюй, Катюша, — успокаивал он ее, — ведь совсем ненадолго разлучаемся. Диплом, считай, ты уже защитила, отстажируешься и сразу ко мне…»

Огромная страна прошла перед глазами Сергея. Видел он столб «Европа — Азия» на границе частей света, полюбовался озером Байкал, даже отведал знаменитого омуля.

Поезд, миновав крутые зеленые склоны, пригородные строения и железнодорожные пакгаузы, втягивался на первый путь владивостокского вокзала. Впереди был край великой державы — Тихий океан.

— Дальше поезд не пойдет, Вера Петровна, — шутливо сказал Сергей, как бы заканчивая бесконечный дорожный разговор с соседкой, пожилой учительницей из Можайска, которая отправилась на Дальний Восток «к сыну и внуку». Судьба столкнула их в Москве у воинской билетной кассы.

Сын Веры Петровны, молодой стройный капитан 3 ранга, встретил мать на перроне. Он обнял ее, и они оба замерли, не замечая толчеи, царившей вокруг.

Стрелков, поставив чемоданы, смущенно переминался рядом.

Мать с сыном попрощались с Сергеем и ушли. Он огляделся, вздохнул. Его никто не встречал.

— Ну вот, Катюша, мы и прибыли к месту прохождения службы…

Ночь Сергей провел у военного коменданта вокзала в небольшой комнатушечке, которую гостеприимный хозяин называл «предбанник». Там стояли тахта и кресло, любезно предоставленные в распоряжение прибывшего. Идти в гостиницу комендант отсоветовал.

— Там даже в коридоре раскладушки ставят. Переночуете здесь, а утром в отдел кадров, благо рядом.

Сергей от души поблагодарил заботливого коменданта, но

тот отмахнулся:

— Полно, лейтенант, сам пять лет назад был в таком же положении, понимаю. Спите, утро вечера мудреней.

Ворочаясь на тахте, Сергей вспоминал: как же все это произошло, что он попал на Тихий океан, а не на Балтику, куда ему было обещано.

А все решилось в последний момент…

Еще перед государственными экзаменами вызвал Сергея к себе начальник курса на беседу.

— Ну что, Стрелков, учеба, можно сказать, на исходе. Сдадите госэкзамены и на флот. Стажировки у вашего курса не будет. Флоту нужны кадры. Вот я и хотел бы уточнить с вами, куда и в качестве кого вы желали бы попасть после выпуска?

Последняя курсантская практика Сергея проходила в подразделении торпедных катеров на Балтике. По душе пришлась ему жизнь катерников. Маленькие, юркие катера, огромная скорость, стремительные выходы по тревогам, скорые возвращения в базу, боевая кипучая жизнь. Дружный коллектив. Что может быть лучше?! И потому на вопрос начальника курса он не колеблясь ответил:

— Ну, конечно, на Балтику. На торпедные катера.

— Хорошо, — сразу же согласился начальник курса. — На катера, так на катера. Поздравляю, балтиец!

— Спасибо, товарищ капитан первого ранга, — обрадовался Сергей, — большое вам спасибо!

А потом? А потом было общее построение в огромном сияющем зале Революции. Вручение лейтенантских погон и кортиков. Прохождение торжественным маршем уже в офицерской форме, был зачитан приказ о назначениях. И только тогда Сергей услышал:

— …Лейтенант Стрелков Сергей Иванович в распоряжение отдела кадров Тихоокеанского флота…

«Как Тихоокеанского?» Сергей не поверил своим ушам. Но приказ есть приказ. Оказывается, в последний момент разнарядка изменилась и часть выпуска попала на Дальний Восток.

При встрече с начальником курса Сергей не успел задать вопрос. Начальник опередил его.

— Приветствую тихоокеанца. Повезло вам. Нет ничего лучше, чем начинать службу в далеких местах, а кончать где-нибудь на Балтике или на Черноморском флоте. Поверьте мне, юноша.

Вот так и решилась судьба Стрелкова…

Утром Сергей первым делом сбегал на почту и дал телеграмму Кате: «Салютую Владивостока люблю целую Сергей».

Потом, по возможности приведя в порядок форму, измявшуюся в дороге, направился в отдел кадров.

Работник отдела кадров, немолодой капитан 3 ранга с многочисленными колодками наград, бросил короткий оценивающий взгляд на Сергея и сразу же предложил:

— Есть хорошая должность в Совгавани, не желаете?

— Нет, — решительно отказался Сергей, — не хочу. Хотелось бы, если это возможно, на торпедные катера.

— Есть и на торпедные катера, — охотно согласился капитан 3 ранга, — а то можно и на крейсер?

— Лучше на торпедные катера.

— Ну ладно, так и запишем. Стрелков — торпедные катера. В объяснения вдаваться не буду, все вам расскажут там, на месте.

— А где это?

— Добраться не очень просто, но надежно. Сейчас выйдете на улицу Ленина и на трамвае доедете до кольца. Там наши флотские машины часто ходят, да и рейсовые автобусы есть, «проголосуете» и через несколько часов на месте. Желаю успеха.

Капитан 3 ранга крепко пожал Стрелкову руку и вздохнул:

— Завидую я вам, молодым, и все-то еще у вас впереди. Жаль, что нельзя повторить это прекрасное время. Впрочем, оно у нас было иным. Я выпускался в сорок первом.

На вокзал Сергей возвращался, как на крыльях. Торпедные катера! Все-таки хорошо жить на свете. Все в этот миг казалось ему прекрасным. И солнечное утро, и город внушительно обосновавшийся на склонах сопок, и гладкая, без единой морщины бухта Золотого Рога, по которой стремительно скользил на выход в океан голубоватый эсминец. Сергей залюбовался им. Все: линии корпуса, мачты и рубки, слегка откинутые назад трубы, говорило о высокой скорости и постоянной устремленности вперед. Это сочетание мощи и гармоничности, воплощенной конструктором в металле, всегда поражали Сергея. Даже названия эсминцев, которые он знал, — самых универсальных кораблей флота, заставляли проникнуться к ним уважением: «Строгий», «Славный», «Свирепый», «Грозный», «Гремящий», «Внушительный». Что ни говори, а они оправдывали свои имена…

Забрав свои вещи, Сергей минут через двадцать уже был на кольце трамвайного маршрута.

— Где тут можно сесть в машину или автобус? — обратился он к пожилому мичману с чемоданом и толстенным портфелем в руках.

— Да вот, рядом. Только опоздали мы. Минуту назад одна из-

под носа ускакала. Вон видите вдали зелененькая, как ящерица. Это она.

Он настроился на долгое ожидание, но ему неожиданно повезло. Минут через десять со стороны трамвайного кольца показался автобус с военным номером. Стрелков сразу заприметил, что среди пассажиров большинство флотских, и поднял руку. Автобус остановился.

— Вы не до Океанска?

— Нет, дальше, — шофер-матрос доброжелательно улыбнулся. — Впрочем, могу подбросить до развилки, а там и пешком рукой подать.

— Вот спасибо, выручили вы меня.

— О чем речь.

Несколько часов пролетели незаметно. У развилки шофер притормозил автобус:

— Вам направо, по дороге до конца. Тут недалеко.

Приветственно махнув рукой шоферу, Сергей бодро зашагал навстречу судьбе.

Солнце уже поднялось довольно высоко и стало припекать. Сергей сначала распахнул тужурку, а потом и вовсе снял ее, перекинул через руку, освободился от галстука, расстегнул ворот рубашки и облегченно вздохнул.

Вскоре ровное место кончилось. Впереди, как гигантская прорезь в горах, зияло ущелье. Пахнуло холодком. В ущелье тянуло, как в трубе, и Сергей вновь накинул тужурку. Высоченные скалы громоздились над ним. Они вплотную подступали к насыпи, и Сергей знобко поежился и невольно подумал: «Выскочи сейчас из-за поворота машина — и сойти некуда будет». Он прибавил шаг, и через несколько минут ущелье расступилось и справа открылась уютная бухточка.

«А здесь красиво. Кате, наверняка, понравится, — подумал он, — хорошо, что я выколотил это назначение». Слово «выколотил» не совсем точно отражало положение вещей, ведь особых усилий, чтоб получить это место не потребовалось. Но все равно, как-то приятно было думать о том, что он отказался от других предложений и проявил самостоятельность. Это возвышало Сергея в собственных глазах.

Тем временем дорога взобралась на очередную высотку и перед Сергеем открылась новая бухта. Это — она, его бухта! Он угадал ее сразу. У пирсов и в ячейках эллинга — знакомые силуэты катеров, а из-за крутого мыса неожиданно выскочил показавшийся с высоты сопки таким маленьким торпедный катер. Вот он развернулся и взял курс в бухту, резко сбросил ход, отчего белые усы волн спали и нос его, до этого вздернутый ввысь, сразу

осел в воду.

Забыв про усталость, Сергей сбежал вниз к видневшемуся контрольно-пропускному пункту, конечно, с обязательной будкой и шлагбаумом.

Проверив документы, бравый старшина 1-й статьи козырнул Стрелкову и, поведя глазами направо и вверх, сказал:

— Вон, видите красное здание на сопочке? Это штаб. Вам туда.

Дежурный по штабу встретил лейтенанта приветливо, но, прочитав направление, уточнил:

— Здесь штаб части. Сейчас вам это ни к чему. Идите прямо в дивизион, к Туркову, — и, выйдя с Сергеем из здания, объяснил, как туда пройти. — Кстати, командир дивизиона сейчас у себя. Удачи вам, лейтенант.

КОМДИВ ТУРКОВ

— Товарищ капитан третьего ранга, лейтенант Стрелков прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Стрелков четко щелкнул каблуками, что должно было означать: «вот я каков, флотский, знаю порядок».

Сидевший за столом невысокого роста, коренастый, с быстрым взглядом из-под мохнатых бровей капитан 3 ранга встал, шагнул ему навстречу.

— Здравствуйте, Стрелков! — улыбнулся комдив. — Ну, что ж, фамилия для военного вполне подходящая. Нам хорошие стрелки нужны. А вот насчет «дальнейшего прохождения службы» это совсем даже напрасно. Нет еще у вас, лейтенант, дальнейшего прохождения. Служба только начинается. Училище — это не в счет. Как говорят: «Это присказка, не сказка. Сказка будет впереди». А вы как думаете?

— Не согласен, товарищ капитан третьего ранга, думаю, что училище — это служба, — почему-то охрипшим вдруг голосом отпарировал Сергей. — А если учесть, что до этого я еще юнгой был, то можно сказать, что здесь у меня все же будет «дальнейшее прохождение службы».

Высказав это, Сергей переступил с ноги на ногу и, решившись окончательно, смело поглядел в глаза комдиву. В глазах комдива вспыхнуло любопытство.

— Ах, вот мы какие, даже с юнг начинали? Это важно. И что не соглашаетесь — хорошо. Свое мнение все да надо иметь. Ну, давайте направление.

Он повертел в руках документ, выданный Сергею в отделе кадров флота, и, многозначительно подчеркивая каждое слово, отчеканил:

— Назначен командиром торпедного катера. Заметьте, лейтенант, — командиром. Конечно, торпедный катер не крейсер и не подводная лодка, однако командир есть командир. Это хорошо, лейтенант, начинать свою службу командиром.

Комдив внимательно взглянул на Стрелкова. Даже почему-то встал и отошел к окну, а оттуда еще раз с любопытством оглядел лейтенанта.

— Так. Спорт любите?

— Конечно, — удовлетворенно подтвердил Сергей.

— Небось вспоминаете, как в училище вас наставляли: «Спорт и самодеятельность на флоте нужны позарез, без них службы нет». А я думаю так: «Что в спорте, например, самое главное?»

Он помолчал многозначительно и сам себе ответил:

— Прикладная сторона. Приобрел ценные физические качества — вложи их в службу. Прославлять дивизион надо в море, а не на различных соревнованиях. Впрочем, за сборную команду выступать надо. А чем увлекался?

— Плаванье, водное поло, гребля, парус, — с энтузиазмом отозвался Сергей.

— Хорошо, — одобрил комдив. — Все морские виды спорта. А я вот футбол люблю, — неожиданно добавил он, — до сих пор мяч гоняю с матросами. Мне уж жена говорит: «Не солидно, Петр». А что поделаешь — люблю. Вот только теперь в защите играю, форвардом уже не тяну.

Немного помолчав и еще раз оценивающе приглядываясь к Стрелкову, он продолжил:

— О том, с какими оценками окончили училище и о характеристике — не спрашиваю. Об этом будем судить в море, по службе, а не по бумагам.

Он снова уселся в кресло. Но, взглянув на часы, вскочил и, обращаясь к капитан-лейтенанту, который молча наблюдал за ними со стороны, сказал:

— Борис Сергеевич, ты тут поговори с лейтенантом, а я мигом в штаб слетаю на доклад, — и, повернувшись к Стрелкову, бросил на ходу: — Это наш замполит, капитан-лейтенант Гуськов, выкладывайте ему все начистую.

И он, хитро подмигнув Стрелкову, исчез за дверью.

На душе у Стрелкова стало намного теплее. «А комдив вроде ничего, веселый…»

С минуту офицеры сидели молча. Замполит задумчиво поглядывал на Сергея, а тот с напускным спокойствием рассматривал кабинет комдива. Все было по-спартански просто. Двухтумбовый стол, кресло, по бокам вдоль стен стулья. За столом на стене портрет министра обороны в маршальской форме со всеми орденами и медалями. На столе, под массивным стеклом, какие-то списки, календарь и плотный листок бумаги с надписью: «Короткий доклад — признак высокой морской культуры». В углу, справа от стола на прочной подставке, небольшой сейф. Вот, пожалуй, и вся обстановка.

— Вы, Сергей Иванович, — сказал улыбчиво замполит, — не удивляйтесь и не огорчайтесь. Не любит наш комдив всякой показухи и парадности, а порядок любит. Человек дела, опытный моряк, ветеран войны. Строгий, но отходчивый… А в каком жанре самодеятельности вы выступали?

— Стихи читал, — вздохнув, ответил Сергей и, немного помолчав, добавил: — Свои стихи.

— Ну, что ж, — оживился замполит, — это совсем даже

неплохо. Печатались где-нибудь?

— Было кое-что в газетах.

— А песню не пробовали написать? — замполит даже привстал и наклонился к Сергею. — Очень нам нужна песня о катерниках. Музыканты свои и даже, можно сказать, композиторы есть, а вот с поэтами туговато.

— Можно попробовать, — неохотно согласился Сергей. — Только я так понял, что служба не оставит для этого времени.

— Нет, почему же. Надеюсь, именно служба и вдохновит вас.

Пока отсутствовал Турков, замполит рассказал Сергею об истории части торпедных катеров, ее боевом пути, участии в войне с Японией, об успехах в боевой и политической подготовке.

— Кстати, в спорте наш дивизион традиционно первый в части. Есть даже свои чемпионы флота.

— А как же служба? — вырвалось у Сергея.

— И служба идет хорошо. Главное, чтобы спорт не стал самоцелью. Тут комдив совершенно прав. А что касается организации спортивно-массовой работы, то именно он у нас и есть самый главный зачинатель. Впрочем, вскоре убедитесь сами.

Беседа с замполитом становилась все интересней. Сергей уже гордился, что попал именно в эту часть и к суровому Туркову. К тому же капитан-лейтенант Гуськов хорошо знал людей и был отличным собеседником: умел слушать. И Стрелков приободрился, разоткровенничался и даже кое-какие стихи свои прочитал. Замполит одобрил, хотя и заметил, что нужно «побольше конкретности».

— Ну, ничего, послужите, интересные детали и образы сами придут.

А тут и комдив появился.

— Ну как, комиссар, изучил новенького?

— Да, Петр Федорович, главное — ясно. А все остальное — в процессе совместной службы.

— Ну, лейтенант, — Турков повернулся к Стрелкову, — и повезло же тебе. К самому Быкову попал. Небось, слыхал о таком? Герой Советского Союза, бывший северянин.

Еще бы не слыхать. Знаменитая дымзавеса Быкова, обеспечившая победный исход дерзкой атаки торпедных катеров в августе 1944 года у мыса Кибергнес, известна была каждому курсанту. Сердце Стрелкова радостно сжалось от мысли, что он вскоре встретится со своим первым командиром, да еще каким!

В это время дверь кабинета распахнулась и на пороге стремительно возник среднего роста капитан-лейтенант, удивительно знакомый чем-то Стрелкову. И хоть Сергей никогда не видел Быкова, но почему-то сразу понял — он.

— А вот и Быков, легок на помине, — обрадовался комдив.

БЫКОВ

— Кто меня тут поминал? — вскинул брови Быков. — И добрым ли словом?

— Добрым, добрым, Василий Иванович, — радостно приветствовал его комдив, и глаза потеплели и даже в голосе исчезла хрипотца, он стал чистым и звонким. Комдив откровенно любовался ладной, подтянутой фигурой Быкова. — Вот тут к тебе «для дальнейшего прохождения службы» прибыл лейтенант Стрелков. Принимай пополнение.

— Моряк из юнг, спортсмен, поэт, — уважительно добавил Гуськов.

— Ну-ну, — улыбнулся Быков и внимательно посмотрел на Стрелкова. — Ну, здравствуй, Стрелков.

Быков двумя руками пожал протянутую руку Сергея.

— Давно тебя жду. Нужны командиры. Тут у нас еще на некоторых катерах, правда старых, мичмана стоят на штате, так с войны и остались. Практики они хорошие, ничего не скажу, а вот в теории, — Быков развел руками, — не сильны. — И, оборачиваясь вновь к Стрелкову, спросил:

— Какое училище кончали?

— Ленинградское, имени Фрунзе, — не без гордости ответил Сергей.

— А-а, фрунзаки-женихи, как называют вас в Ленинграде. Хорошее училище. Старейшее в стране. Сам Петр Первый основал.

— Он почти женат, Василий Иванович, — вновь вклинился в разговор Гуськов и со значением посмотрел на Быкова.

— Понятно.

Быков посерьезнел. Это подбодрило Сергея.

— Ну что ж. В его годы и надо жениться, а то потом чересчур разборчивым станет. И та не такая, и эта не годится. Ну, об этом потом. А сейчас, Стрелков, скажу тебе одно. Вовремя ты прибыл, в самый раз. Через двадцать минут выходим в море. — Быков взглянул на часы. — Да, через двадцать, ровно в тринадцать ноль-ноль.

Комдив и замполит дружно захохотали, глядя на ошарашенного Стрелкова.

— Ну, Василий Иванович, ну молодец, — сквозь слезы стонал Турков, — узнаю. Не даром Быков. Сразу, что говорится, быка за рога взял. Только не выйдет он с тобою в море, не сможет, понимаешь?

— А чего вы, собственно, развеселились? — удивился

Быков. — И почему это — «не выйдет»? Как это не готов? Разве может офицер флота быть не готовым к выходу в море?

— Очень даже может, — заявил Гуськов. — Он только что прибыл, не устроен, чемодан и тот, как видишь, в кабинете комдива. А ты — в море.

— Ну и что? — возразил Быков. — А потом представь себе, Борис Сергеевич, что сыграна боевая тревога, надо атаковать противника, о вещах ли в это время думать.

— Эк, загнул, Василий Иванович, — лицо Туркова приняло какое-то комичное выражение ошеломленности и мальчишеской восторженности, — так сразу и тревога. Так сразу и атаковать!

— Да, именно так, дорогой Петр Федорович, — Быков был вполне серьезен. — Морской офицер должен быть всегда в немедленной готовности к бою. На том стоим.

— Все это верно, Василий Иванович, — уже более спокойно отвечал комдив. — Атаковать, как я понимаю, сейчас ты не будешь. А вот Стрелкова надо будет отпустить, ну, скажем, на пару дней, для устройства личных дел.

Стрелков напряженно следил за разговором комдива с Быковым. Он успел влюбиться в этого стремительного человека. А Быков тем временем и не думал сдаваться.

— Нет, Петр Федорович, мы сделаем иначе, предоставьте это мне.

Он снял телефонную .трубку и, дружески подмигнув Стрелкову, бросил:

— Алло! Коммутатор? Говорит Быков. Дайте девятнадцатый. Да, дневальный? Багелева ко мне, в штаб, да побыстрей. Кто говорит? Быков, пора бы уже узнавать по голосу. Ах, да, молодой еще. Так давай Багелева.

Не прошло и двух минут, как в дверь постучали.

В комнату вошел невысокий, кудрявый и, видать, очень бедовый старшина 1-й статьи. Он сделал шаг к комдиву, но тот предупредил его доклад, кивнув в сторону Быкова.

— Молодец, Багелев, быстро бегаешь, — одобрил Быков и широким жестом, указывая в сторону Сергея, представил его. — А вот твой новый командир, лейтенант Стрелков Сергей Иванович. Прошу любить и жаловать.

Багелев быстро зыркнул глазами в сторону Стрелкова, принявшего положение «смирно», и в глазах его мелькнуло сложное выражение сомнения и усмешки, но командиру звена отрапортовал четко:

— Отлично, товарищ капитан-лейтенант.

И приняв внезапно вид обиженного, пожаловался:

— А то ходим, как неприкаянные, вечно прикомандированы.

Мы у лейтенанта Червякова как бедные родственники.

Быков рассмеялся:

— Это вы-то? Ну уж, ни ты, Багелев, ни боцман Литовцев на бедных родственников никак не смахиваете. Так слушай меня внимательно. Я с твоим командиром сейчас выйду в море, ненадолго, на часок с небольшим, а ты тем временем забери чемодан, — Быков кивнул в сторону вещей Стрелкова, — отнеси его в общежитие и передай от моего имени коменданту, что для вновь прибывшего лейтенанта необходимо определить место с завтрашнего дня, а сегодня он переночует в казарме.

Багелев, приложив ладонь к уху, четко ответил:

— Есть! Ясно!

— Стоп! — Быков подошел к Багелеву. — Я сколько раз говорил, что надо отвечать просто «Есть!», никаких «Ясно!» И потом, как руку держишь? Это что ладонь или грабли? Катерник должен быть быстрым и молодцеватым. Ну-ка снова.

— Есть! — выпалил старшина.

На этот раз ладонь резко коснулась околыша бескозырки, вслед за этим последовал быстрый поворот и, подхватив чемодан Стрелкова, Багелев вышел.

— Так я забираю Стрелкова. Нам пора, — сказал Быков.

— Счастливого плаванья, Василий Иванович, — одобрительно отозвался комдив. — Ну и чертушка ты, все-таки. Иди-иди.

И, повернувшись, к Стрелкову:

— Желаю успеха в учебе, лейтенант.

— Спасибо, товарищ капитан третьего ранга, — бодро ответил Сергей.

Из штаба Стрелков вышел ошеломленный и покоренный напористостью Быкова, но, однако, не без доли сомнения. «В море, — думал он. — А черта лысого я знаю, что там делать. А-а, была не была».

После сумрачного кабинета комдива, к окнам которого вплотную подступал крутой склон сопки, яркое солнце, голубая сверкающая гладь бухты ослепили Сергея. Он глубоко вздохнул, и легкие наполнил свежий воздух, солоновато-терпкий, пахнущий океаном. Слуха коснулся чуть слышный гул выходящего в море катера.

Справа, на скале, Сергей увидел остекленную будку дежурного по части, державшего под постоянным обзором все, что происходит в бухте. А слева, почти совсем рядом, всего в каких-то ста метрах — пирсы с ошвартовавшимися у них с обеих сторон катерами. Здесь были и уже знакомые Сергею по практике «Комсомольцы», конструкции Туполева, и типа «Г-5», желобные

катера военного времени, и совсем новые, значительно крупнее и солиднее. Они основательно пристроились к пирсам, с достоинством возвышаясь над своими собратьями по классу.

Быков направился именно к ним.

— Вон, видишь у пирса вторым корпусом катер стоит. Новый, только что поступил к нам. Но надо кое-какие подготовительные работы произвести, в основном с подводной частью, потому и подняли на блоки. Подготовку форсируй. Потребуй с Багелева план работ, с точным указанием времени и сроков окончания.

У катера к Быкову подскочил коренастый белокурый главный старшина.

— Товарищ командир звена, торпедный катер к выходу готов. Дежурный «добро» на выход дал.

— Молодчина, Ведышев. Вот, кстати, познакомься, новый командир, лейтенант Стрелков Сергей Иванович.

— Главный старшина Ведышев, старшина команды мотористов.

— Вы уже плавали, товарищ командир, на этих катерах?

— Нет, — смущаясь, ответил Сергей, подавая руку Ведышеву и с благодарностью пожимая его — широкую, шершавую и потемневшую от постоянной работы с металлом.

Слова «товарищ командир», обращенные к нему, Сергею, взволновали его.

Главстаршина исчез в машинном отделении. Вслед за Быковым Сергей вступил на палубу катера.

НА КОМАНДИРСКОМ МОСТИКЕ

Капитан-лейтенант Быков прошел к командирскому мостику. Гул дизелей заглушал слова, и потому, положив руку на штурвал, он махнул боцману, рослому рыжему моряку, и тот тотчас же сбросил носовой швартов с кнехта и отпорным крюком отвел нос вправо. Затем Быков достал из кармана обыкновенный судейский свисток и дважды свистнул. Стоявший на соседнем катере матрос сбросил кормовой швартов, и катер медленно пополз вперед.

Наклонясь к Стрелкову, Быков крикнул:

— Двигаемся на «стопе». Учти, в положении «стоп» катер дает два-три узла.

Затем он повернул голову к Ведышеву, стоявшему справа у своего пульта, или, как говорят катерники, на «газах», и скомандовал:

— Восемьсот оборотов!

Ведышев передвинул рукоять и, следя за тахометром, довел число оборотов до восьмисот. Нос катера слегка приподнялся, и он заметно увеличил скорость.

Быков повернулся к Стрелкову:

— Видишь, справа внизу и на сопочке два створных знака. Это входные и выходные створы. Становись за штурвал и приведи их на корму.

Стрелков, только что с восторгом глядевший на бухту, отмечая в памяти расположение строений, пирсов, изгибов побережья, был застигнут командой Быкова врасплох и посмотрел на него растерянно.

— Быстрей становись за штурвал, — прокричал Быков, — а то проскочишь створы. Ну, не мешкай, — и Быков отодвинулся влево.

Стрелков шагнул на место Быкова и мысленно скомандовал себе: «Вперед, Серега!» Все случившееся было так необычно и произошло так стремительно, что Сергей даже не успел осмыслить до конца происходящего. Но раздумывать было некогда. Он твердо положил руку на штурвал и, видя, что створная линия уже почти на траверзе, резко переложил руль влево. Нос катера послушно покатился влево. Оглядываясь на створные знаки, Сергей пытался привести их точно на корму, но уже понимал, что немного запоздал. Катер перешел створную линию. «Ничего, сейчас подверну влево и выйду вновь на нее. Главное не суетиться». Сергей уловил вопросительный взгляд боцмана, брошенный в сторону Быкова, и его охватило жгучее чувство недовольства собой: даже боцман видит его оплошность.

Этого еще не хватало.

Быков внимательно следил за действиями лейтенанта, видел, что тот волнуется, что створ проскочили, но никаких команд не подавал. И Сергей ему был несказанно благодарен за это. Его молчание — доверие давало Стрелкову возможность самому исправить ошибку и этим утвердить свое положение на командирском мостике.

Вскоре Сергею удалось вывести катер на линию створов и, найдя по курсу заметный ориентир, он уже не оглядывался назад. Катер уверенно лежал на курсе. Что-что, а вахту рулевого Сергей на практике отработал отлично. И теперь кильватерный след был почти прямым. Нервная дрожь, пронзившая Сергея в момент, когда он вступил на мостик, утихала, исчезла резкая сухость во рту, но волнение все еще не покидало его.

— Скоро повернем влево, — подсказал Быков, — и выйдем в пролив Восточный, а затем у маяка Скалистый войдем в Петровский залив.

Сколько раз во время курсантских прокладок Сергей проходил этим проливом. Весь район Петровского залива был ему знаком как свои пять пальцев. Но это было в кабинете навигации.

Не доходя до поворота в пролив, Быков прокричал:

— Стрелков, видишь слева у пирса Угловой гавани баржу?

— Так точно, товарищ капитан-лейтенант.

— Швартуйся к ней левым бортом.

— Не могу, — неожиданно для себя выпалил Сергей и тут же подумал, что за этой нечаянной фразой тоже стоит кое-какой опыт и ему есть что сказать в оправдание.

— Почему? — в голосе Быкова прозвучала ирония.

— Не знаю маневренных качеств катера, скорость отработки мотористами сигналов машинного телеграфа, инерцию.

— Вот как? — обрадовался Быков. — Молодец! Тогда вот что. На выход и вход в бухту катеров нет. Пореверсируй здесь дизелями. Прикинь на глаз инерцию катера, как быстро он набирает ход при переводе на передний и задний ход. Действуй.

— Есть! — звонко прокричал Сергей.

Разве мог он представить себе еще час назад, что будет так скоро стоять на командирском мостике и самостоятельно швартоваться. Не подкачать бы только, ведь рядом не кто-нибудь, а сам Быков!

Стрелков тотчас перевел телеграф на «стоп». Катер как бы присел, и скорость его стала заметно затихать. Затем Сергей отработал поочередно «задний ход», «стоп», «малый вперед». Реакция мотористов была почти мгновенной. «Отлично, — подумал Стрелков. — Теперь можно и швартоваться».

— Подай сигнал «аврала» звонком, — подсказал Быков. — Видишь справа педальку?

Сергей нажал на нее и просигналил несколько раз: короткий — длинный, короткий — длинный, короткий — длинный сигнал и отрепетировал в мегафон:

— Все наверх! На швартовы становиться!

Когда команда катера построилась на баке, Сергей скомандовал:

— Швартуемся левым бортом к барже, швартовые концы и кранцы изготовить!

Боковым зрением он видел, как подался вперед Быков, следя за маневром катера. «Ничего, ничего, — успокоил он себя, — пока все идет правильно, не тушуйся».

До баржи оставалось не более кабельтова. Сергей под острым углом стал подходить к ней. Когда расстояние сократилось до трех-четырех метров, он подвернул вправо и лег параллельно борту баржи. Теперь до нее оставалось около двух метров.

— Подать носовой! — скомандовал Стрелков, одновременно переводя рулевой телеграф на «стоп» и затем на «задний ход». Когда дизель «забрал» и катер начал ползти назад, Сергей вновь перевел телеграф на «стоп» и скомандовал: «Подать кормовой!»

Вахтенный матрос на барже принял концы и закрепил их на кнехтах.

— Отбой моторам, — добавил Быков.

«Вот черт, а ведь эту команду надо было подать мне», — подосадовал Стрелков.

Дизеля смолкли. Наступила тишина внезапная и необычная. Только теперь Сергей заметил, что взмок от напряжения. Он старался не смотреть в сторону Быкова. «Что скажет?» — подумал он.

— Боцман, — подозвал Быков рыжего детину, — пять минут перекур. Ведышев, вы тоже свободны.

Ведышев вытащил из кармана кусок ветоши, деловито вытер руки и, уходя, одобрительно посмотрел на Стрелкова, мол — «все в норме».

Когда мостик опустел и команда собралась на баке перекурить, Быков повернулся к Стрелкову:

— Ну, что, лейтенант, могу сказать одно. Для начала неплохо. А вот волноваться не надо. Условия и задачи элементарно просты. Что было неточным. Во-первых, проскочил створ, во-вторых, при швартовке подходи ближе. А ну как на барже никого не было бы, так боцман мог бы и сам перескочить на нее и закрепить концы. А так, далековато было. В-третьих, как только дизель забрал на заднем ходу, сразу давай «отбой

моторам», иначе катер опять поползет вперед, ведь абсолютного «стопа» нет. Честно говоря, лихой швартовки не получилось. Но она не всегда и хороша. Если у причала стоят корабли, особенно малые, то лихая швартовка — признак морской серости. Разведешь волну, корабли будут биться бортами, боцмана ругаться. Чего хорошего? Вот так. Выход в залив не отменяю, а пока можешь покурить.

— Я не курю, — радостно выдохнул Стрелков: его окрылила скупая похвала Быкова.

— И правильно делаешь, — одобрил Быков, доставая портсигар и закуривая сигарету. — Долго жить будешь, лейтенант. А я вот курю. Но брошу, пожалуй, — он несколько раз глубоко затянулся. — Оглянись вокруг, Стрелков, запомни ориентиры. Все пригодится. Бухта у нас небольшая. Если смотреть отсюда, то справа глубже, там и пирсы для катеров и эллинг. А в самом конце хозяйственный причал, для швартовки корабля — цели. Есть у нас тут для этого старый СКР. Слева бухта мелкая. Туда не ходи. Это пока основное. Подробности узнаешь потом. А сейчас играй «аврал» и — вперед.

Теперь уже Сергей действовал уверенней, и все же скованность не проходила. С правого и левого борта открывались все новые изгибы побережья, маленькие бухточки, за далекими мысами уже угадывался океан. Но Сергей настолько был поглощен управлением, что многое прошло мимо его взора, отодвигаясь на «потом». Пролив Восточный окончился небольшим островком Скалистый с маяком того же названия. Катер повернул влево и вошел в Петровский залив.

— Прибавь оборотов, — подсказал Быков.

Катер, набирая скорость, как бы приподнимался, нос его задирался, все выше, а по бортам постепенно росли пенные сугробы. Они уже выровнялись с палубой. Море расступилось, образуя водяной желоб, по которому несся торпедный катер. Он уже шел на предельных оборотах. Встречный ветер бил в лицо, и напор его перехватывал дыхание, заставляя порой опускать голову для глубокого вдоха.

— Застопори машины, — приказал Быков.

Сергей перевел телеграф на «стоп». А затем, увидев; скрещенные руки Быкова, понял и дал отбой моторам. Катер еще некоторое время скользил по воде, постепенно теряя инерцию. Из кормового люка показалась фигура в комбинезоне, берет на макушке. Стрелков уже знал, что это моторист Кожин, «наш знатный маслопуп», как охарактеризовал его Ведышев.

— Эх, красота-то какая, — поразился Кожин, — скупнуться бы сейчас.

— Не время, Кожин, в другой раз, — отозвался Быков.

Берет скрылся в люке.

В заливе было не так спокойно, как в бухте. Легкий ветер гнал волну к западному берегу, и катер, стоявший бортом, или, как говорят моряки, лагом к волне, начало раскачивать.

— Не укачиваешься? — спросил Быков.

— Вроде нет, — неуверенно ответил Сергей.

Он вспомнил далекие юнговские годы, первый выход в море на учебном корабле на Каспии и шторм в районе Дербентской впадины. Тяжело перенес он тогда этот поход, приступы морской болезни измотали вконец. Но потом, сколько ни выходил в море, ни разу это не повторилось. И все же ведь было. Потому Сергей и ответил так уклончиво, но, уловив сомнение в глазах Быкова, пояснил:

— В четырнадцать лет, еще юнгой, однажды укачался. А потом миновала меня эта кара.

— Да, это действительно кара, — согласился Быков. — Но настоящий моряк не тот, кто не укачивается, а тот, кто преодолевает эту болезнь. Вот адмирал Нельсон всю жизнь укачивался, однако находил силы перебороть эту слабость.

Он немного помолчал, а потом, посмотрев на часы, вздохнул:

— Хорошо здесь, но время летит. Возвращаться надо. Оглядись вокруг. Это Петровский залив, прямо за кормой у нас пролив Восточный, за ним уходит вдаль остров Бугор, несколько левее маяк Скалистый, а правее — мыс Багровый. Вглядись, ничего не напоминает тебе очертанье скалы Багрового, ее верхняя часть?

Стрелков посмотрел в сторону, указанную Быковым, и вдруг вполне отчетливо различил в скале профиль человека во флотской фуражке.

— Вроде человек, моряк! — удивленно воскликнул он.

— Точно, — хмыкнул Быков. — Вот тебе и природа. Ну ладно, поработаем. Выполни-ка еще одну вводную. Вон, видишь, слева двадцать градусов, дистанция примерно пять кабельтовых — вешка.

— Вижу.

— Так вот, представь себе, что это не вешка, а катер и тебе в море надо подойти к нему и отработать ход таким образом, чтобы я мог перейти, перескочить на этот катер, не швартуясь к нему. Задача ясна?

Вновь взревели моторы. Катер набрал обороты и устремился к вешке. «Еще не пора, — прикидывал Сергей, когда расстояние сократилось до пятидесяти метров. — А теперь как раз».

— Стоп!

Увлекшись машинами. Стрелков не успел переложить руль вовремя, и катер прошел примерно в трех метрах от вешки.

— Разрешите второй заход? — обратился он к Быкову.

— Добро.

Но и второй заход Сергей тоже не рассчитал. Катер прошел близко, да скорость была велика. Стрелков заметил, как Ведышев пытался сам сбросить обороты, но Быков так посмотрел на него, что тот только вздохнул и убрал руку от газов.

И только с третьего захода маневр удался. Катер точно вышел на вешку. Когда расстояние сократилось до двух корпусов, Сергей дал «стоп», затем «задний ход», и катер, вздрогнув, остановился в полуметре от вешки и затем попятился назад. Боцман даже успел протянуть руку и похлопотать по ней, мол, здравствуй, это мы.

— Отлично, — удовлетворенно заметил Быков. — Чувство дистанции есть, маневренные качества катера уловил. На сегодня хватит. Главное — не теряйся. Катерник должен быстро соображать. Не помню точно, по какому случаю, но как-то Главком ВМФ сказал, что каждый командир должен соображать в соответствии со скоростью своего корабля. А так как торпедный катер самый быстроходный корабль, то и командир его должен соображать быстрее всех на флоте. А теперь поворачивай на сто восемьдесят градусов, наше время вышло, пора возвращаться.

Обратный путь был недолгим, и в принципе все курсы Сергею уже были известны. Тем не менее он очень волновался. Быков же был совершенно спокоен. Он даже на некоторое время оставил Сергея одного на мостике и спустился в штурманскую рубку.

— Командир звена доволен, — доверительно наклонился к Сергею Ведышев, — уж поверьте мне.

Стрелков неопределенно пожал плечами. Он был благодарен Ведышеву за участие, но не очень-то верил, что все обстоит именно так.

На подходе к Угловой гавани Стрелков приказал сбросить обороты до «малого» и на такой скорости вышел на входные створы.

— Боцман, поднять позывные, — скомандовал он. Через минуту рыжая голова мелькнула перед глазами Сергея и боцман доложил:

— Товарищ командир, дежурный дал «добро» на вход.

Сергей кивнул головой боцману и глазами отыскал свободный пирс. При швартовке, не желая рисковать, Сергей дал «стоп» явно преждевременно и катер долго полз к пирсу. Сергей досадовал на свою излишнюю осторожность, а Быков ждал молча, и только когда уже, подали швартовы и дали отбой моторам, наклонился к Сергею и подбодрил его:

— Хорошо, только смелей швартуйся. Рано «стоп» даешь.

Но это уже ничего не меняло. Главное было позади. Первый выход, первые задачи и возвращение в базу уже в качестве полноправного командира. Нет, что ни говори, а Сергей был доволен. Не сплоховал.

А Быков, сходя на пирс, протянул Сергею свисток:

— Вот, командир, дарю на память.

И это «командир» из уст самого Быкова было для Сергея высшей наградой.

ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ

Переполненный переживаниями «по самую макушку», Стрелков шагал к казарме дивизиона. Он еще долго сидел после выхода в море у начальника штаба, знакомясь с личными делами своего экипажа. Там же и поужинал. Писарь, старшина 1-й статьи Наливайко, принес из кают-компании наваристые щи и макароны по-флотски.

— Быков прислал, — пояснил он. — А то, говорит, чего доброго не доживете до вечера.

Сергей не стал отказываться. Честно говоря, несмотря на все треволнения дня, аппетит не пропал.

И вот теперь, уставший, он приближался к казарме. Из головы не выходили слова Быкова: «Вот, командир…» «Да, — командир, — ликовал Сергей. — Ну, конечно, подучу еще район плавания, устройство катера, сдам курсовые задачи и все. А начало уже положено. Правда, выход не ахти какой сложный, но ведь все-таки сразу, неожиданно, а — справился же. Нет, что ни говорите, жизнь прекрасна!»

Сергей по своей натуре был романтиком и не стеснялся этого. А сегодня все: и эта уютная бухта в кипени буйной зелени, в полукольце крутых сопок, и легкий ветерок, доносивший с оста мирное дыхание океана, и ласковое солнце, и бездонное голубое небо — все-все настраивало на романтический лад. Вот так когда-то в далеком детстве увидел он впервые гладь Финского залива, золотой купол Морского собора в Кронштадте, как бы выступающий из воды, таинственный и влекущий, и в детском сердце впервые возникло неясное чувство близости ко всей этой красоте. Было что-то колдовское в зове моря и неотвратимое, как судьба. Да, судьба. Теперь Сергей понимал это и радовался, что все в его жизни сложилось именно так.

Поднимаясь по узкой тропке в гору, он наслаждался буйной природой, гулом моря, открывавшимся сверху видом бухты, короткими командами со швартующегося к пирсу катера — всему, что отныне становилось его жизнью. Он невольно поймал себя на мысли, что идет немного вразвалку, как должны ходить бывалые моряки после долгих плаваний по морям и океанам. Это вызвало у него ироническую улыбку. «Какой я все же еще мальчишка», — подумал он, но невольно подтянулся и выровнял шаг.

У входа в казарму его встретил молодой, очень высокий и неимоверно тощий лейтенант с синей повязкой дежурного на рукаве кителя.

— Насколько понимаю, Стрелков, — приветствовал он. — Вещи ваши уже здесь, сегодня ночуете у меня в дежурке. Я заранее извиняюсь за звонки и некоторые неудобства. Придется потерпеть. Ты из Ленинграда?

Дежурный решил перейти на «ты», и Сергей это отметил с удовлетворением.

— Да, сразу после училища.

— А я год назад окончил училище, в Баку, уже дважды сменил местожительство. Сначала в Советской Гавани служил, а теперь, вот уже два месяца, — здесь.

— А семья? — поинтересовался Сергей.

— Семьи пока нет, один, — лейтенант почему-то смутился. — В начале службы одному, понимаешь, как-то легче.

— Да-а, — неопределенно протянул Сергей. — Ну, а как здесь живут?

— Как живут? — переспросил дежурный. — Даже не знаю, что и сказать. По-разному. Те, кто давно здесь — привыкли, а недавно пришедшим — скучновато. Правда, здесь интересней, чем в Советской Гавани, — есть что посмотреть, есть кому себя показать. Но, наверно, все-таки все зависит от человека, от широты его интересов.

— Конечно, — согласился Стрелков, — но мне здесь определенно нравится.

Резкий телефонный звонок прервал их беседу. Дежурный схватил трубку и четко отрапортовал;

— Дежурный по дивизиону.

На том конце провода, видимо, был кто-то из старших, потому что дежурный подтянулся и отвечал коротко, как подобает в разговоре с начальством:

— Я слушаю… Так точно, товарищ командир звена, здесь… Да, да, передаю, — он кивнул головой Сергею. — Тебя, Быков.

Сергей, волнуясь, взял трубку.

— Да, я… Слушаю вас, товарищ капитан-лейтенант.

— Ну, как устроились? — интересовался Быков. — Эту ночь переночуете в дежурной комнате, а завтра найдем вам угол в офицерском общежитии. Пока, извини, лучшего варианта нет. Питаться будете в кают-компании, дежурный покажет. Вот и все.

— Спасибо, товарищ капитан-лейтенант, мне все равно.

— Вот и хорошо. Об остальном — завтра.

Быков повесил трубку, а Сергей еще стоял некоторое время, слушая короткие гудки в трубке и чему-то улыбаясь. Из этого состояния его вывел дежурный:

— Кстати, Сергей, не обращайся к Быкову — «товарищ капитан-лейтенант».

— А как? — удивился Стрелков. — Я ведь по уставу.

— По уставу-то по уставу, да на катерах есть неписаная традиция обращаться по должности. К командиру катера — товарищ командир, к командиру звена — товарищ командир звена и так далее.

— Ладно, учту, — кивнул Сергей.

Его буквально распирало от наплыва радости и счастья, вошедших в его жизнь. Оглядев комнату дежурного, брошенные на окно папки с инструкциями, телефон, сейф, чемоданы в углу, он нисколько не расстроился от этого неуюта, а наоборот, даже счастливо подумал: «Вот я и на месте. Теперь этой мой дом и моя судьба».

Сергей долго устраивался на ночлег, медленно прокручивая в памяти события этого удивительного дня, и жалел только об одном, что рядом не было Кати.

КАЮТ-КОМПАНИЯ

Проснувшись, Сергей не сразу сообразил, где находится. Огляделся: стол, стулья, телефон, сейф… Только дежурного не было.

«А-а… — вспомнил все сразу. — Ну и денек же выдался вчера. Боевой!»

Сергей пружинисто вскочил с койки, сделал несколько приседаний и наклонов вперед, назад и в сторону и стал одеваться, от полноты чувств напевая тихонько:

Не спи, вставай, кудрявая…

«Хотя у тебя там, Катюша, еще вчерашняя ночь! Тебе эта песня не подходит, — мысленно разговаривал он с девушкой. —

Спи, моя радость, усни…

Вот это другое дело».

Стрелков выглянул в коридор. Слева, у окна, с деловым видом сидел новый дежурный, здорово похожий на вчерашнего. Такой же худой и высокий. — Строкин.

— А, проснулся, лейтенант, — приветствовал он Сергея. — Намаялся, небось? Вчера еще двое молодых лейтенантов прибыло. Один, кстати, ваш, фрунзевец. Иванов Борис. По батюшке не помню.

— Борька? — обрадовался Сергей. — Наш, наш. Это хорошо.

— Ну, Стрелков. Пора нам и на завтрак.

Кают-компания находилась совсем рядом. Надо было только подняться немного на сопочку по ступенькам к двухэтажному жилому дому, в первом подъезде которого внизу и помещалась кают-компания катерников.

Бросив фуражки на вешалку, лейтенанты прошли в зал. Сергей воображал кают-компанию солидным помещением с дубовой мебелью, мягкими креслами, уютными столиками, ковровыми дорожками и дорогими картинами, изображающими морские баталии.

А тут — просторная большая комната с двумя колоннами посередине. Напротив входа буфет, в левом углу раздаточное окно из кухни. Квадратные столы с белыми скатертями. На них небольшие вазы с букетами полевых цветов. На каждом столе —

хлебница, масленка, сахарница, солонка, перечница, горчичница и столовые приборы на четверых. На стенках простенькие натюрморты.

«Обыкновенная столовая, — разочарованно подумал Сергей. — А, впрочем, довольно милая».

Зато окна кают-компании с одной стороны выходили к крутому склону сопки, а с другой — к заливу.

Слева у окна за столиком уже сидели три офицера, среди которых Стрелков увидел Быкова. Тот, приветствуя, поднял руку.

— Прошу разрешения к столу, — обратился к нему Строкин. — А ваше место, Сергей, — обернулся он к Стрелкову, — справа у окна с видом на море. Пока не подошли остальные новички, располагайтесь по своему усмотрению.

Сергей занял место вполоборота к окну, так чтоб и залив был виден, и вся кают-компания. Почти тотчас к нему подошла молодая хрупкая официантка в кружевном кокошнике.

— Меня зовут Аня, — улыбнулась она, поправляя белоснежный передник. — А вы новенький?

— Да, — стараясь держаться солидно, ответил Стрелков. — Я — Стрелков Сергей, вчера прибыл.

— Вам что, яичницу или кашу? — спросила Аня. — Кофе или чай?

— Яичницу и кофе, — заказал Сергей и почему-то еще добавил: — Если можно.

— Можно, — вновь улыбнулась Аня и отошла к соседнему столику, куда только что подошли два старших лейтенанта, веселых и возбужденных.

— Анечка, цветочек мой, — пропел один из них, плотный, черноволосый с орденом Красной Звезды на кителе, — мне все, как всегда, только вдвойне. Ужасно голоден, не будь я Веснухин.

— Вдвойне? — нарочито строго переспросила Аня, а у самой в глазах плясали бесенята. И Сергей понял, что будет Веснухину вдвойне, а если надо, то и втройне, потому что отказать такому обаятельному мужчине было просто невозможно.

И тут у входа появился Иванов, подтянутый, стройный. Его светлые волосы были, аккуратно приглажены, и весь он был какой-то торжественный и новенький, как с иголочки.

— Прошу разрешения к столу, — щелкнул он каблуками в сторону Быкова, потом поглядел вправо, и внезапно вся его строгая торжественность как будто улетучилась, он увидел Сергея. Глаза его засияли, и весь он расплылся в широкой улыбке.

— Сюда, сюда, — позвал его Сергей и поднялся навстречу другу. — Здесь твое место.

Друзья обнялись.

Через минуту Борис уже вполне освоился с обстановкой (он всегда удивительно быстро входил в любой коллектив) и, приветливо кивнув Ане, попросил:

— Мне то же, что и Стрелкову. Вот так-так, — обрадованно продолжал он, разглядывая Сергея, — и ты здесь? Хорошо. Один?

— Пока да.

— А я с Зиной. Только она сейчас во Владивостоке. Понимаешь, соседка по купе на пару дней взяла ее к себе, не наговорились за долгий путь.

— Совсем отлично, можешь съездить, если Быков отпустит.

— И ты у Быкова? — изумился Борис. — Нарочно не придумаешь. Нет, что ни говори, а мир тесен. Слушай, а ведь к нему направлен еще кто-то третий, так я слыхал в штабе.

Третий не замедлил появиться. Это был невысокого роста шатен с холодными слегка прищуренными серыми глазами. Он внимательно и бесстрастно осмотрел кают-компанию и, сориентировавшись, подошел прямо к Сергею и Борису.

— Насколько я понимаю, мы — коллеги, будем в одном звене, у Быкова? Андреевский Николай Андреевич, — представился он.

У новенького была неприятная манера тянуть слова.

Стрелков и Иванов поздоровались.

— Вы ленинградцы? — все тем же тоном продолжал Андреевский, усаживаясь, как дома. — Из самого «устаревшего» училища?

Губы его тронуло подобие усмешки.

— Не «устаревшего», — спокойно поправил Борис. — А из старейшего. Усекли разницу, Николай Андреевич?

— Ну, ладно, — неохотно согласился тот, — пусть старейшего, раз так больше нравится. Суть дела не в том. А я кончал Тихоокеанское училище, здешний старожил.

Он аккуратно намазал маслом кусочек булочки и продолжал:

— Так вот, если нужна будет моя помощь, обращайтесь, — и, нетерпеливо оглянувшись в сторону официантки, бросил раздраженно:

— Можно вас? Побыстрей, пожалуйста, я очень спешу.

— Постараюсь, — холодно ответила Аня. Ее улыбки как ни бывало.

Сергей с Борисом переглянулись, и в глазах у них было одно и то же: «Ну и тип!»

А Андреевский спокойно принялся за завтрак, больше не возобновляя разговор.

— Прибавь оборотов, — мигнул Сергею Борис.

Время завтрака кончалось, надо было спешить на общее

построение дивизиона.

— Ну что, познакомились? — раздался рядом голос Быкова. — Итак, все в сборе.

Он подсел на свободный стул и, оглядев внимательно молодых лейтенантов, сообщил:

— Сегодня день организационный. Сначала познакомитесь со своими экипажами, а потом в штаб, там работы вам хватит. А послезавтра будьте готовы к выходу в море. Будет небольшой штурманский поход для ознакомления с районом плавания.

— Мне что, тоже необходимо в этот поход? — осведомился Андреевский. — Ведь, как-никак, здешний?

— Обязательно и всенепременно, — внимательно и строго глядя на Андреевского, подчеркнул Быков. — Захватите с собой хорошие блокноты, ручки и карандаши. Придется много писать и рисовать. С подробностями ознакомлю в штабе, после обеда.

Он взглянул на часы и добавил:

— В вашем распоряжении еще пятнадцать минут.

Друзья вышли из кают-компании.

— Красиво здесь, — вздохнул Борис, любуясь буйной растительностью, заливом и ясным солнечным утром.

Сергей тоже никак не мог налюбоваться бухтой.

— Ну, а как тебе Андреевский понравился?

— По-моему, фрукт, — усмехнулся Борис.

— Похоже. Хотя, кто знает. А вдруг он лучше, чем кажется?

— Дай-то бог. Ну пошли, а то ведь и действительно можем опоздать на построение.

И друзья, минуя лесенку, по очень крутой тропинке начали спускаться к зданию дивизиона.

ЭКИПАЖ

Предстоящее знакомство с экипажем особенно тревожило Сергея. От первого разговора зависело многое. Он понимал это и старался мысленно представить себе все возможные повороты беседы. Уже беглое знакомство — по личным делам — показало Сергею, что врастание в коллектив будет трудным. Из всего немногочисленного экипажа только двое были моложе его, остальные — одногодки или старше.

— Будь осмотрителен, Стрелков, — предупредил Быков. — Никакого гонора. Больше присматривайся. Каждый раз серьезно думай, прежде чем принять решение. Особое внимание обрати на боцмана Литовцева и старшину команды мотористов Багелева. Боцман у тебя солидный, обстоятельный, хозяйственный. Багелев — дело знает, но требует постоянного контроля.

Встреча с экипажем состоялась в ленинской комнате казармы. Стрелкова представил Быков:

— Это ваш новый командир, лейтенант Стрелков Сергей Иванович. Училище окончил в Ленинграде, на флоте с 1940 года, был еще юнгой. Ну, не буду мешать, знакомьтесь. Литовцев и Багелев, введите командира в курс дела о состоянии катера и его готовности к спуску на воду и плаванию.

Быков ушел. А Стрелков вспомнил, как он вчера, возвращаясь из штаба, отыскал на блоке по бортовому номеру свой катер и долго любовался им. Хотя, честно говоря, тот не очень-то и гляделся. Немного обшарпанный, с красными яркими пятнами сурика на очищенных под покраску металлических поверхностях, с дном, обросшим ракушкой и водорослями, и запачканной, а потому прерывистой ватерлинией — катер как бы терял в этом камуфляже стремительность своих обводов и на фоне голубой бухты выглядел аляповато-игрушечно. Но это был его катер!

А вот теперь перед ним был экипаж этого катера. Команда расположилась по обе стороны длинного стола: с одного края сидели во главе с боцманом Литовцевым, с другого — во главе с Багелевым.

«Понятно, — сделал для себя вывод Сергей, — верхняя команда и нижняя». За маленьким востроглазым Багелевым сидели мотористы. Здесь ошибки быть не могло. За плотной, крепкой сбитой фигурой боцмана «в кильватер» расположились… тут Стрелков задумался, восстанавливая мысленно фотографии членов экипажа, личные дела которых изучил накануне.

«Да, видимо, так, — утвердился он. — Этот полноватый

старший матрос торпедист Красанов, а дальше — высокий с тонкими чертами лица, наверно, радист Соловьев. Затем, наверняка, комендоры. Ну и далее все остальные члены экипажа».

Узнал и черноволосого кареглазого, чему-то улыбающегося торпедного электрика Аметова из Татарии и маленького, хрупкого, с коротким ежиком волос и неожиданным стальным взглядом химика Букина.

Стрелков вспомнил, что скоро на катере, как сказал Быков, будет поставлена радиолокационная установка (заводские рабочие уже прибыли). Значит, прибавится еще один человек.

Молчание немного затянулось. Все ждали, что скажет командир, а Стрелков молчал. Он собирался с силами, внутренне подбадривая себя: «Ну, вперед, вперед» и не двигался с места, мучительно не зная, с чего начать. Выручил Багелев.

— Товарищ командир, — вскочил он, — если не возражаете, мы все по очереди представимся и расскажем о себе.

— Хорошо, давайте так, — обрадовался поддержке Сергей. — Начнем с боцмана.

Старшина 1-й статьи Литовцев, голубоглазый, ладный, был краток.

— Ну, что, товарищ командир, — начал он, — моя биография проста…

— Но поучительна, — вклинился Багелев.

Все заулыбались, Стрелков тоже, однако бросил:

— Багелев, вы следующий, а пока Литовцев.

Боцман укоризненно посмотрел на Багелева и продолжал:

— Родился я в двадцать пятом году, на флот попал в сорок третьем, участвовал в войне с Японией. Отец погиб в сорок втором году, мать — колхозница. Есть жена Валя и дочь Света. Живут на Украине. По моей линии катер почти готов. Покрасим только подводную часть специальной краской от обрастания, остальное по мелочи. Разрешите сесть?

— Садитесь, боцман. Багелев, ваша очередь.

Кажется, «мертвая точка» была позади.

Багелев был многословен и с явной претензией на остроумие.

— Я, товарищ командир, служу уже седьмой год, Как говорят «по второму году, по второму заходу». Служить осталось неделю и выпить семь компотов. Холостяк убежденный, моторист прирожденный. Техника на катере — что надо. Все работает с полоборота, — скороговоркой выпалил он, при этом бросая взоры на мотористов и вдохновляясь их улыбками.

Из верхней команды все, кроме улыбчивого Аметова, были безучастны к монологу Багелева, и тот, похоже, свои шутки расточал только мотористам, иногда, впрочем, поглядывая в

ожидании поддержки на торпедного электрика.

Багелев на мгновение остановился. Переведя дух и набрав воздуха, он уже готов был дать новую очередь своего боевого повествования, но Стрелков остановил его:

— Стоп, стоп, немного помедленней, Багелев, а то сразу не уловить сути. Вам с вашей скорострельностью в комендоры надо было идти.

Теперь уже засмеялись все, и Стрелков отметил это. Но Багелев нисколько не смутился и в ответ на замечание командира отчеканил:

— Это точно, товарищ командир. Комендор из меня был бы не то, что наш Еремкин. Ведь он, когда дал первую очередь, то со страху свалился на турель.

Стрелков заметил, как вспыхнуло лицо молодого комендора и как он весь как будто от удара сжался и умоляюще посмотрел на Багелева.

— Багелев, — остановил его Сергей, — о Еремкине не надо. О себе говорите. А он, насколько мне известно, огневую задачу сдал на «хорошо». Значит, комендор добрый.

В глазах Багелева почти неуловимо мелькнуло и тотчас же исчезло какое-то сложное и неприятное выражение. Он снова был благожелателен и, не давая себя сбить со взятого тона, отпарировал:

— Это он стрелял после напарника и утверждает, что попал точно в те же дырки в щите.

«Однако этот говорун себе на уме», — отметил Стрелков. — К нему надо будет присмотреться внимательно».

А Багелев тем временем, по ходу дела чем-то подколов каждого члена верхней команды, уже с восторгом рассказывал о высоких успехах команды мотористов под его, Багелева, руководством.

— Катер наш выглядит хорошо. Но дел еще много. Завтра представлю план работ с указанием срока их проведения, — закончил он свой пространный доклад и улыбнулся хитро м многозначительно.

Доклады мотористов были под стать багелевскому, хотя и менее красочны. Однако школа Багелева так и выпирала: «Все хорошо, все отлично. Кто бы в этом сомневался, но только не мы».

Верхняя команда в этом отношении не имела общего лица. Каждый был индивидуален.

Торпедист Красанов, какой-то рыхлый и вялый, что так не вязалось с его молодостью, говорил несколько обиженным тоном, вроде его кто-то упрекал за службу.

— Я, товарищ командир, одногодок с Багелевым и по сроку

службы и по пребыванию на катере. И напрасно некоторые сомневаются, что мы по торпедной части отстаем от других. И торпеды готовить и стрелять нам не впервой.

— А кто эти «некоторые»? — поинтересовался Стрелков.

— Да есть такие, — неопределенно бросил торпедист, — и даже на нашем катере.

«Похоже, у Красанова и впрямь что-то неладно», — подумал Стрелков, а вслух сказал:

— Все учтем, Красанов. Судить будем не по словам, а по результатам стрельб, так что не волнуйтесь.

Радист Соловьев показался Сергею несколько нервным, и по его сбивчивому тону он понял, что должность радиста на катере оценивается членами экипажа по-разному.

— Я ведь что хочу сказать, товарищ командир, — тут он разволновался и даже стал заикаться. — Вот к-ког-да гов-в-ворят, что р-р-радист бел-л-оручка, то ведь н-н-не верно это.

Сергей знал, что инструкция не позволяет использовать радиста на тяжелых работах, так как рука теряет чувствительность и это сказывается на качестве работы. Но, с другой стороны, понимал, что участие радиста в авральных работах на корабле необходимо и в разумных мерах нисколько не повредит профессиональному мастерству, поэтому на замечание Соловьева ответил дипломатично:

— Я думаю, что вы сами должны понимать, когда ваше участие в общекорабельных работах необходимо, и в меру сил не отказываться от них.

Тут Сергей заметил ехидную и торжествующую усмешку Багелева, брошенную в сторону радиста, и строго добавил:

— Но перегружать вас в ущерб вашему делу я не позволю.

Ответный взгляд радиста в сторону Багелева был более чем красноречив: «Ну, что — съел!» Багелев поморщился и не выдержал:

— Да он, товарищ командир, здоров, как бык. Штангу тягает, а на корабельные работы ни-ни.

— Хорошо, Багелев, — перебил его Стрелков, — думаю, что в нашем небольшом коллективе мы сумеем найти разумное решение всех вопросов.

— Вот так, — удовлетворенно подвел черту Литовцев.

Остальные моряки на катер прибыли недавно. Их выступления были краткими и поверхностными.

Молодой же комендор Еремкин все никак не мог успокоиться после багелевского упрека и оправдывался:

— А в турель я не падал, просто в первый раз закрыл глаза, и то сначала, а потом стрелял лучше.

Доклад торпедного электрика прозвучал на высокой ноте: .

— Товарыщ командыра, — выпалил он, — что если будет нада, сделаем.

И сел.

Все заулыбались, Аметов тоже. Он был доволен. Химик Букин, маленький и тщедушный, неожиданно солидно пробасил:

— У меня в заведовании не только ваш катер. Я как бы помфлагхима. Иногда буду отсутствовать, так надо.

— Надо так надо, — согласился Стрелков, — однако, поскольку вы стоите на штате у нас, отлучаться только с моего разрешения.

— Есть, товарищ командир.

Этакий бас в тощем хрупком теле маленького химика был неестественным и забавным и солидности Букину не прибавлял. Даже наоборот, — казалось, что он пыжится «понарошку», что это вроде представления на сцене. Однако Букин был преисполнен солидности, и Сергей невольно улыбнулся. Букин ему понравился.

— Хорошо, помфлагхим, а остальные, видимо, менее знатные, — улыбнулся он и, обращаясь ко всем, добавил:

— Итак, вкратце все ясно. Экипаж опытный. Люди бывалые. Все внутренние разногласия должны быть отброшены. Стыдно будет нам не найти общего языка в масштабе катера. Перечень всех необходимых работ дать Багелеву сегодня же. А вам, Багелев, завтра к утру представить мне план окончания ремонтных работ и подготовки катера к спуску и плаванию. Вопросы?

— У матросов нет вопросов, — неожиданно бодро за всех ответил Еремкин.

— Ну, что ж, тогда свободны. Занимайтесь своими делами в соответствии с распорядком дня. Если что надо, я буду в штабе.

Все дружно поднялись. Стрелков уловил доброжелательный взгляд боцмана и откровенно восторженный — Аметова. Багелев с деловым видом скомандовал нижней команде: «Мотористам остаться, обсудим один важный вопрос». Красанов все с тем же обиженным выражением на лице молча вышел из комнаты. Поротиков шутя подхватил под мышку Еремкина и легко зашагал к выходу. Соловьев был задумчив и уходить не спешил. Химик Букин что-то сосредоточенно вычеркивал у себя в блокноте и вид у него был крайне озабоченный.

Стрелков, возбужденный и радостный, отметил все это в памяти и подумал: «Надо же, какие они все разные. Трудно, брат, тебе будет, трудно». Вообще-то он был доволен собой. Вроде бы вел себя уверенно, по-командирски. И все же какие-то нюансы в разговоре с Багелевым, Красановым и Соловьевым тревожили.

Единственно кого он принял сразу, серьезно и бесповоротно, был боцман. «С ним сработаемся, — подумал Сергей, — остальные еще не совсем ясны».

ОКНАМИ НА ЗАЛИВ

Стрелкову предоставили вполне приличное место в офицерском общежитии, на втором этаже жилого дома, где были расквартированы семьи катерников.

В светлой просторной комнате (комната была угловая и имела три больших окна) размещалось шесть человек, а значит, стояло шесть коек, шесть тумбочек, шесть стульев. А еще в комнате было два больших шкафа для одежды, квадратный обеденный стол и у левого окна, выходящего на залив, маленький однотумбовый письменный, с двумя креслами по бокам.

Шкафы с натянутой между ними занавеской поставлены были так, что образовали своеобразную прихожую, где разместились небольшой кухонный столик, вешалка и раковина с полочкой для туалетных принадлежностей.

В комнате над столом висел огромный оранжевый абажур, на подоконнике стояли горшочки с цветами и были разбросаны в живописном беспорядке блокноты, галстуки, журналы, газеты и плитки шоколада в ярких обертках.

Один из лейтенантов был недавно переведен к новому месту службы, и освободившуюся койку у окна с видом на залив, к великому удовольствию Сергея, отдали ему.

Когда он появился со своими вещами, в общежитии был только один из жильцов — сухощавый, среднего роста, черноволосый лейтенант, пребывавший, судя по всему, в весьма мрачном настроении.

— Недодаев Виктор, — привстал он с койки и вновь откинулся на подушку.

Вскоре пришли и остальные члены холостяцкой команды. Они ввалились с шумом и смехом, видимо заканчивая какой-то интересный разговор.

— А у нас пополнение, — доложил Недодаев.

— Видим, — прогудел белокурый богатырь. — Платонов я, а это — Приверанда, — показал он на следовавшего за ним тоже рослого, широкоплечего лейтенанта. — Кто следующий?

— Гришин, — выступил вперед плотный кареглазый красавец. Он хотел еще что-то сказать, но, увидев Стрелкова, осекся. — Сережка! Ты? Вот так сюрприз!

И бросился, обнимать опешившего Сергея.

— Ребята, да это же Стрелков, мой старый друг. В юнгах вместе ходили, на соревнованиях встречались. Между прочим, — Гришин принял торжественный вид, — Стрелков — чемпион по плаванию.

— Правда, чемпион? — заинтересовался Платонов.

— Да, что-то вроде этого. Где-то, когда-то был чемпионом, — смутился Сергей.

Из-за спины Платонова показался еще один лейтенант. Сергей его сразу и не приметил. Уж очень тот был мал. В застегнутом на все крючки и пуговицы, аккуратно отглаженном кителе и в брюках с острой стрелкой, он казался каким-то игрушечным, неправдашним. Глаза острые, внимательные.

— Так что, значится, Иван Букасов, — смешно представился он.

— Ванюшечка-душечка, с горошком пирожок, — добавил Платонов, лукаво улыбаясь.

— Ты смотри, — сокрушенно начал Приверанда, стаскивая огромные ботинки сорок шестого размера, — опять где-то разорвал. И где теперь покупать, ума не приложу. То ли дело Ванюше. Пойдет в «Детский мир», купит себе гусарики и носи спокойно.

Букасов сверкнул глазами в сторону Приверанды и отпарировал:

— Ума не приложишь, потому что нет его. Сказал бы тебе, как надо вести себя культурному человеку, да бесполезно, уж больно длинный ты, не скоро дойдет.

— Ну не сердись, Ванюша, шучу, мы ведь из другого дивизиона, — добродушно пробасил Приверанда.

По всему чувствовалось, что Букасов был частым объектом для шуток в этой молодой, веселой и шумной мужской компании. И пусть даже шутки были совсем безобидные, Букасов воспринимал их отнюдь не добродушно. В его реакции были болезненные нотки. И это вызвало у Сергея чувство досады на шутников. Но те и в ус не дули. Они просто не придавали значения своим шпилькам в адрес «Ванюшечки-душечки».

Впрочем, времени для разговоров в этот раз было немного.

«Адмиральский час» кончался, и всех ждали свои неотложные дела.

Сергей провел этот час с Генкой. Друзья не видели друг друга с января, с последней в их жизни спартакиады военно-морских учебных заведений, где они, еще тогда курсантами, защищали честь своих училищ. Сергей — как пловец, Генка — как представитель классической борьбы. Друзьям было о чем поговорить, и все остальные члены холостяцкой команды решили им не мешать.

— Ты у Быкова, а я в звене Дегтярева, — рассказывал Гришин. — Прибыл три дня назад, а познакомился с командиром звена вчера. Хороший мужик. Деловой и спокойный. Люблю

таких. А тебе придется покрутиться. Быков, говорят, ой, ой, ой!

— Ну и пусть, — с жаром возразил Сергей. — Ты даже не представляешь, как это хорошо. Я о таком командире и мечтал.

Час пролетел незаметно.

— Впереди у нас еще вечер, поговорим, — подмигнул Генка, неохотно поднимаясь с койки. — Дегтярев ждет. Пора. Поведет знакомиться с базой. Это, брат, — важный момент. А то подключайся к нам.

— Не могу, Гена, у меня другой план. Мне в штаб надо.

СТАРШИНА БАГЕЛЕВ

В штабе Сергей взял большой альбом спецификаций и углубился в изучение устройства катера. Особых открытий не было. Все, о чем он читал, в какой-то мере изучалось в училище, и потому работа шла споро, и уже к концу дня он в общих чертах освоил материал. «Более подробно расспрошу флагманских специалистов», — решил он.

— Ну что, не боги горшки обжигают? — приветствовал его в штабе Гуськов.

— Да, товарищ капитан-лейтенант. Это так. Хотя кое-что надо будет изучить подробнее, особенно по механической части.

— А вы не стесняйтесь обращаться к специалистам, да и к старослужащим старшинам, — посоветовал замполит. — Вот хотя бы к Ведышеву. Опытнейший специалист, мастер своего дела и человек, замечу, достойный.

— Может быть, и так, — неохотно согласился Стрелков.

«Обращаться к старшинам ему, командиру?..»

Гуськов уловил в тоне лейтенанта нотки сомнения, понял их причину, усмехнулся:

— Значит, у младших по званию учиться не хотим? Так я понимаю?

— Да неудобно вроде бы, — признался Сергей.

— Вот и напрасно, Сергей Иванович. Авторитет свой вы этим не уроните, а знания пополните. Все так делают. Даже Быков.

— Бы-ы-ков? — недоверчиво протянул Стрелков.

— Да, Быков, представьте себе, сам Василий Иванович. И ничего зазорного в этом не видит.

Расставшись с Гуськовым, Сергей никак не мог забыть этого разговора. Все дивился: «Надо же, сам Быков у старшин учится…» И его потянуло к «своим» — к экипажу, словно разговор с замполитом требовал какой-то немедленной проверки, подтверждения.

Сразу после ужина Сергей заглянул в казарму.

В правом дальнем углу спального помещения, удобно разместившись на койке, о чем-то интересном травил боцман. Рядом сидели Аметов, Соловьев и Красанов.

— Я ему говорю, — услышал Стрелков голос Литовцева, — Ручкин, голова-то у тебя пустая. Вот уж час долблю тебе устройство шлюпки, а ты ни бум-бум. А он отвечает: «Никак нет, товарищ старшина, не пустая, раз ничего туда не лезет, значит, там уже что-то есть».

Аметов смеялся до слез, Соловьев и Красанов — сдержанно.

Вытирая глаза тыльной стороной руки, Аметов осведомился:

— Товарыщ боцмана, а Ручкин не говорила, что у него в голова?

— Признался, что опилки, — серьезно ответил боцман.

— Вах, какой опилка, почему опилка? — поразился Аметов.

Тут уж все рассмеялись от души и громче всех Аметов.

Стрелкова встретили приветливо.

— Присаживайтесь, товарищ командир, я мигом всех соберу, поговорим, посоветуемся.

Литовцев вскочил, пододвигая командиру табуретку и подмигнув Красанову, мол «давай-ка собери всех».

Не более чем через минуту боцман доложил:

— Команда почти вся собралась. Нет только Багелева и помфлагхима.

Напротив чинно, по ранжиру сидели мотористы. Рядом с ними Аметов, как всегда с широко открытыми глазами и белозубой улыбкой. Слева от боцмана Красанов. Сегодня у него нет обиженного выражения, глаза спокойные и внимательные. С правой руки радист Соловьев, голова повернута немного набок, острый нос напоминает клюв, взгляд иронический, и чем-то неуловимо он весь смахивает на дрозда. Прямо против Стрелкова основательно устроился комендор Поротиков. Его мощная фигура выражает уверенность в своих силах и радушие. К его плечу буквально привалился худенький Еремкин. Он чувствует себя надежно под мощным крылом Поротикова. И у всех на лицах написано ожидание. Что скажет командир.

— Расскажите что-нибудь о себе, — просит радист Соловьев. — Ведь, говорят, что вы-с юнг начинали свою службу.

— Да, это так, — кивнул головой Сергей. — Но только мне хотелось бы и о вас кое-что узнать. Откровенность за откровенность, как говорится.

Он присел и, не мудрствуя лукаво, начал рассказывать, ничего не утаивая: о любви к морю, о желании еще с детских лет стать моряком, о юнговских годах, о первом шторме и о морской болезни, испытанной им в том незабываемом походе по Каспию.

Слушали внимательно и на оклики соседей отмахивались, мол, проходите, не мешайте.

Рассказ о том, что у юнг вместо длинных ленточек за плечами был небольшой бант сбоку на бескозырке, вызвал общий смех. А Аметов спросил:

— Товарыщ командыра, какого цвет банта?

Это подлило еще больше масла в огонь. Смеялись от души.

— Наверно, красный, — задумчиво произнес Соловьев. — Ведь все же они будущие краснофлотцы.

Аметов согласно и удовлетворенно кивнул головой.

Многое в этот вечер узнал о своем экипаже и Стрелков. И то, что боцман полгода был в оккупации, о чем он до сих пор не может вспоминать без горечи, что мотористы прекрасные танцоры и их «яблочко» — гвоздь программы гарнизонной самодеятельности, что Еремкин — детдомовец, а Поротиков работал в лесничестве, что Соловьев — лучший радист в части, а Красанов хочет после увольнения в запас идти учиться на тракториста, что Букин почти наверняка останется на сверхсрочную службу, а у Багелева — две невесты и он не знает, куда ехать после службы, и многое-многое другое.

Уже почти перед самой вечерней поверкой появился Багелев. Вид у него был очень деловой.

— Ну вот, товарищ командир, — воскликнул он, разводя руками, — вы здесь, а я вас везде ищу. План ввода катера в строй составлен, разрешите вручить. Там вверху под словом «Утверждаю» нужна ваша подпись.

— Ну, что ж, Багелев, давайте. Я его прочту внимательно, а утром верну вам.

Старшина выпятил губы, как обиженный ребенок, которому не дали конфеты:

— А что там читать? Ведь коллективно составляли, знаем, что надо.

— Это правильно, что коллективно, — одобрил Стрелков. — Только прочесть мне нужно обязательно. Я ведь на катере без году неделя.

И Стрелков, свернув в трубочку багелевский листок, попрощался с экипажем:

— Отдыхайте, а я пойду. Мне еще надо подготовиться к завтрашнему дню. Выхожу в море с командиром звена.

Ему не терпелось поскорее ознакомиться с планом работ. Завтра предстоял штурманский поход, и на возможный вопрос Быкова: «Ну, как у вас с подготовкой катера к выходу в море?» — хотелось ответить грамотно и исчерпывающе.

Стрелков облюбовал уютный уголок в ленинской комнате, за шахматным столиком и углубился в план.

Но странно, чем дальше он читал его, тем больше чувствовал недоумение. Многие мероприятия, указанные в плане, были, по мнению Сергея, не обязательны. Время, отведенное для производства отдельных работ, завышено, а срок выполнения всего плана — десять суток — был просто неприемлем.

«Думаю, что в начале следующей недели обкатаем твой катер, — сказал ему вчера Быков, застав в штабе за изучением документации. — Форсируй, командир, работы».

И вдруг — десять дней!

Стрелков с чувством острой досады стал перечитывать багелевскую бумагу.

Но что это! Он задержался на седьмом пункте плана:

«Расконсервация мегафона, ответственный Литовцев, срок исполнения работ — одни сутки».

У Сергея перехватило дыхание. Да это же издевательство? Раструб мегафона, даже если он в масле, промыть горячей водой и протереть можно за несколько минут. Что же это? Не мог Литовцев дать Багелеву в план этот пункт. Значит, Багелев его включил сам.

В комнату заглянул главный старшина Ведышев и вопросительно посмотрел на Стрелкова. И тут Сергей вспомнил совет замполита и решился:

— Товарищ главный старшина, можно вас на минутку. Нужен ваш совет. Подскажите, сколько времени потребуется на производство отдельных работ на катере?

И Сергей взял на выбор наиболее сомнительные сроки.

— Все, о чем вы спросили, можно силами команды мотористов выполнить за полтора-два дня. Не спеша.

— Спасибо, Николай Петрович, я примерно так и представлял.

Теперь Сергею стало до обидного ясно, что Багелев решил его разыграть, чтобы потом посмеяться над своим «зеленым» командиром. Первым желанием было немедленно поднять старшину с койки, выдать ему по первое число.

«Стоп, — сдержал он себя. — Не торопись. Ты — командир, из этого положения должен выйти с честью».

Хорошего настроения как не бывало. Сергей знал, что на флоте любят розыгрыш. Но то, что задумал старшина команды мотористов, не было похоже на невинную шутку. Он посягал на авторитет своего командира, и это было совсем непонятно Сергею. «Ведь ему дальше со мной служить. Что он думает?» Но ответа не было. Вот тебе и Багелев. Да, Быков прав. За ним глаз и глаз нужен.

В общежитии Сергея уже ждал Гришин.

— Заработался что-то ты, брат.

— Да, с экипажем был интересный разговор.

— Ах так. Ну это другое дело. А то я уже начал беспокоиться. Нет и нет. А так хочется обо всем поговорить.

Разговор их затянулся допоздна. А потом Сергей написал первое письмо Кате.

За окном уже была ночь, густая, темная. Только где-то далеко

внизу мерцали огни, наверное на пирсе плавсредств. И огненно-красно отсвечивали створные знаки, бросая багровые полосы на спокойную поверхность бухты.

Писалось туго. Сказать хотелось так много, что не хватало слов. И письмо получилось коротеньким.

«Милый мой Котенок!

Вот я и на месте. Нет слов, чтобы передать тебе, как я несказанно рад этому. Во-первых, отныне командую торпедным катером, а мой непосредственный командир не кто-нибудь, а Герой Советского Союза Быков Василий Иванович. Если б ты знала, что это за человек! Чудо! Ну, я думаю, что ты скоро в этом убедишься и сама. Бухта наша уютная, зеленая.

С жильем здесь неважно, как и везде. Но мы что-нибудь найдем. А пока я живу в офицерском общежитии. Только что вселился. Нас в комнате шестеро, все молодые лейтенанты, трое — по второму году.

Здесь много знакомых. Борис Иванов. Гришин Гена. Ты их знаешь пока только заочно из моих рассказов. Кстати, Генку ты однажды даже видела, когда, помнишь, была у нас на спартакиаде. Борец он. Я только не успел вас тогда познакомить, надо было уходить в бассейн.

Я уже побывал в море и был проверен самим Быковым. Вроде бы первый экзамен выдержал.

Здесь все хорошо, вот только нет тебя, мое ясное солнышко. Ты уж постарайся быстрее решить все свои дела и ко мне. Если достанешь билет на самолет, то лучше лети, потому что ехать сейчас на поезде очень долго и сложно. Денег не жалей — вышлю сколько потребуется. Я теперь Монте-Кристо. Мне они здесь все равно ни к чему.

Может быть, я неисправимый фантазер, но жду тебя каждый день, вот уже вторые сутки. Обними нашу славную тетю Машу.

Обнимаю и целую тебя несчетное число раз.

Твой Сережка».

Сергей вздохнул и, сложив листок пополам, сунул его в конверт, но запечатывать не стал. «Утром еще добавлю что-нибудь». Но потом, подумав, вновь вытащил письмо из конверта, прочел и, решив, что сказано так мало и что откладывать до утра не стоит, потому как утром будет совсем некогда, пододвинул к себе стопку бумаги и торопливо, боясь пропустить даже

малейшую подробность из событий последних двух дней, накатал еще четыре листа мелким убористым почерком. Впрочем, среди дополненного добрая половина не имела никакого отношения к сегодняшним делам и планам. Там каждая строка и слово были о Кате, о любви, о встрече.

ШТУРМАНСКИЙ ПОХОД

Сергей проснулся до того, как прозвенел будильник, поставленный на пять утра. За окном уже светлело, и, взглянув на часы, Стрелков с удовлетворением отметил, что время еще есть. Осторожно спустив ноги с кровати, он на цыпочках вышел в коридор. Поплескавшись вдоволь под умывальником, он быстренько оделся и, прихватив небольшой чемоданчик со всем необходимым, осторожно прикрыл за собой дверь, чтобы не обеспокоить спящих. Уходя, он заметил, что койка Платонова была уже заправлена. «Наверно, ночует на катере», — подумал Сергей.

Горизонт на востоке уже порозовел, было еще прохладно, но день обещал быть жарким. Над головой дышало спокойствием чистое небо, а справа, всего в какой-то сотне метров, блистала ровная гладь бухты.

Сергей легко сбежал по тропке к будке контрольно-пропускного пункта. Сегодня дежурил тот же старшина, что и в день прибытия в бухту. Он четко козырнул лейтенанту и дружески улыбнулся, как старому знакомому. «Симпатичный парень», — подумал Сергей.

У катера, выделенного для штурманского похода, уже хлопотал главстаршина Ведышев.

— Что, Николай Петрович, последние приготовления? Похоже, я — первый?

— Да нет. Вас опередил командир звена. Беседует с командой в кубрике.

Сергей проскочил в штурманскую рубку, а оттуда по небольшому трапику в кубрик.

— А-а, Стрелков. Присаживайся, — приветствовал его Быков. — А мы тут с экипажем обсуждаем предстоящий поход.

В кубрике собралась вся команда катера, за исключением Ведышева. Рядом с Быковым солидно возвышались: слева — командир катера Платонов, справа — уже знакомый Стрелкову по первому выходу в море — боцман. Остальные буквально облепили узкий столик посреди кубрика и с любопытством и добрыми улыбками взирали на командира звена.

— Погода, как по заказу, — пробасил боцман, — лучше и не придумаешь.

Дверь в кубрик распахнулась, и в проеме показался Борис Иванов. Накануне вечером его запланировали на выход с другим звеном, но он попросился в поход с Быковым.

— Хорошо, Иванов. В самый раз. Андреевский здесь?

— Так точно, товарищ командир звена. Он наверху, инструктирует Ведышева.

— А вот это уж совсем ни к чему. У Ведышева есть свой командир.

Быков поднялся, подмигнул боцману:

— Ну, Владимир батькович, забирай-ка своих орлов. Еще раз все проверь. Через полчаса выходим. Кстати, направь сюда Андреевского. Мне тут с командирами надо потолковать.

«Орлы» поднимались неохотно. Видно было, что беседа с Быковым пришлась им по душе.

— Ну вот что, командиры, — Быков обратился к Стрелкову, Иванову и подошедшему Андреевскому. — Поход рассчитан на дневное время суток. Маршрут в соответствии с полученным вами заданием. Думаю, до вечера уложимся, погода благоприятствует. Цель — изучение района плавания. Пройдем вдоль всего побережья, будем зарисовывать очертания берегов, мысов, бухт в разных ракурсах. Занесете в блокноты все сведения о возможных местах стоянки, наличии пирсов, глубинах, направлении входных створов, наличии воды и технического обслуживания. Короче говоря, все, что может вам пригодится во время самостоятельного плавания по району.

Быков показал на карте маршрут похода, проверил готовность молодых командиров, наличие у них блокнотов, ручек, карандашей, биноклей и, убедившись, что все в порядке, скомандовал:

— А теперь всем наверх и на товсь. Начинаем работу. Платонов, — окликнул он командира катера, — запроси у дежурного добро на выход.

Лейтенант Платонов с неожиданной для его могучей фигуры легкостью соскочил на пирс и вскоре уже по крутой тропинке приближался к домику дежурного по части.

А минут через десять взревели моторы, расколов утреннюю тишину, и катер, оторвавшись от пирса, медленно двинулся на выход из бухты. Вдоль бортов поплыли знакомые берега. В блокнотах появились первые записи и рисунки — кроки.

— Обязательно указывайте, с какого расстояния и по какому пеленгу сделана зарисовка, — наставлял по ходу дела Быков, — потому что с разных направлений один и тот же мысок или бухточка выглядят совершенно по-иному.

Петровский залив дышал спокойствием. Еще парил над ним легкий предутренний туман. Но вокруг происходили какие-то мгновенные изменения. Берега и вода принимали различные формы и оттенки. Только что вода залива была темной, глянцевитой, а вот уже прояснилась в ней густая синева, местами

по поверхности пошли более светлые полосы глубинных течений, а у бортов в радужной расцветке возникали и вновь спадали веера брызг, чтобы через секунду опять вспыхнуть в лучах солнца.

Впрочем, любоваться этой красотой было некогда. Работа полностью захватила лейтенантов. Особенно хорошо, объемно получались зарисовки разноцветными карандашами у Бориса. Стрелков позавидовал ему, потому что самому Сергею рисование не давалось. Но он очень старался, и Быков, заглянув в его блокнот, подбодрил:

— Ничего, ничего, Стрелков. Конечно, ты не Айвазовский, но остров Средний получился похожим. Вот только заодно запиши характеристику огня и звуковых сигналов маяка.

Андреевский рисовал лениво и небрежно, как бы подчеркивая этим, что ему все это необязательно и пошел он в море так, «за компанию».

Быков строго заметил ему:

— Так не пойдет, Андреевский. Напрасно думаете, что все это вам знакомо. Уверен, это далеко не так. Впредь рисуйте аккуратно, а пройденные участки перерисуйте у Иванова. После похода блокнот сдадите мне на проверку.

— Товарищ командир звена, — начал было Андреевский, но Быков не стал его слушать.

— Говорю это вам для вашей же пользы. И вообще намотайте себе на ус, что небрежность для флотского офицера, а тем более — для командира, в чем бы она ни выражалась, — неприемлема.

В этот момент Платонов по команде Быкова вновь дал «стоп» и командир звена начал очередное объяснение:

— Обратите внимание: бухта Рыбачья. Глубины хорошие. Много пирсов. Сюда заходят рыбаки под заправку. Есть вода, можно получить продукты, заправиться топливом. А заодно и свежей рыбой. Бухта цветущая.

А катер вновь набирал скорость, следуя к очередной бухте, и открывавшиеся взору мыски и острова заставили лейтенантов опять углубиться в блокноты. Изредка заглядывали они и в лоцию, чтобы узнать новые сведения о районе. Лоция давала исчерпывающий материал о побережье, подчеркивая, что его климат удручающе действует на человека. Сергея это поразило, и он вопрошающе указал на эту строчку лоции Быкову. Тот кивнул — понял, дескать, и прокричал:

— Климат здесь, конечно, не ахти, неуютный: и штормы, и ветры и туманы, но нам ли на это жаловаться, ведь мы же сами выбрали свою профессию.

Как ни обширны были сведения лоции, все же Быков каждый

раз находил что-то новое, чего не было в книге, и по ходу дела диктовал лейтенантам мелкие, но важные подробности. Все находило в душе Стрелкова живой отклик и питало его романтическую душу. Подумать только, все это было наяву, с ним. Вот они — бухты, острова, одиноко возвышающиеся над поверхностью ска́лы, или, как их здесь называют, Кекуры. Какой простор для воображения!

«Эх! До чего же хорошо! — радовался Сергей. — Жаль, что Катя не видит. Вот бы вернуться с моря, а на берегу она».

На Мгновение представил ее: маленькую, стройную, светловолосую. Она тянула к нему руки: «Здравствуй, милый!»

Волна нежности захлестнула душу.

— Сергей, — услышал он откуда-то издалека голос Бориса. — Ты чего это размечтался? Очнись! Вон, видишь вдалеке мыс — это Конечный, а за ним — Тихий океан.

Стрелков тряхнул головой, отгоняя светлое виденье, и схватился за карандаш:

— Где? А-а. Вижу, Как ты думаешь, какое расстояние до него?

— Мили три-четыре, а то и пять, наверно, — Борис почесал затылок, — ты знаешь, на море трудно точно определить расстояние. Кажется, что близко, а на самом деле еще ой-ой-ей сколько.

— Со временем научитесь, — подошел Быков. — Это все дается опытом, практикой.

Солнце уже припекало. Это особенно чувствовалось, когда катер стопорил ход. Море было ласковым и каким-то томным в струящемся теплом воздухе, восходящем от голубого зеркала залива Петра Великого.

Первый, и можно сказать единственный, «привал» сделали в заливе, рядом с небольшим портом.

— В порт заходить не будем, — сказал Быков. — Это не входит в маршрут перехода. Но вскоре и там побываем обязательно. А сейчас небольшой перекур, пообедаем и в путь.

Обедать решили прямо на верхней палубе. Уж больно хороша была погодка. Перед обедом искупались в заливе, и Сергей продемонстрировал свой классический кроль, заслужив всеобщее одобрение, А Быков сказал:

— Сталь отличный. Не миновать вам, Сергей Иванович, спартакиады флота. Будете защищать честь катерников.

— Да где уж там, спартакиада, — вспомнив первый разговор с Турковым, напустил на себя солидность Сергей. — Служить надо. Спорт подождет.

— Одно другому не мешает, — засмеялся Быков, видимо, сразу сообразив откуда ветер дует.

Сергей смутился, почувствовал, что краснеет: «Опять по-мальчишески получилось…»

Аппетит на свежем воздухе у всех был отменный. Щам и фасоли с мясом, умело приготовленным рыжим боцманом, воздали честь по достоинству.

— А теперь бы и отдохнуть минут шестьсот, — мечтательно протянул боцман Рогов.

— И я бы не отказался, — вздохнул Быков. — Но «адмиральский час» на сегодня придется отменить. Некогда.

Сергей был доволен. Какой там сон, когда в походе открывается столько интересного. Он жаждал скорости, ветра в лицо, новых впечатлений.

В бухту возвратились вечером, возбужденные и радостные. День выдался на славу, будет о чем поразмыслить. «Напишу обо всем Катюше, — улыбался в темноте Сергей. — Небось скажет: «Ах ты, милый мой Станюкович», или еще что-нибудь в этом роде.

УЗЕЛ НАДО РУБИТЬ

На следующее утро Быков пригласил к себе всех троих лейтенантов и устроил настоящий экзамен: проверял знание района плавания.

Он, верный своей стремительной манере, засыпал их вопросами:

— Стрелков, какова характеристика огня на мысе Точный? Андреевский, перечислите мысы и бухты восточного побережья Петровского залива. Платонов, расскажите, как вы будете входить в бухту Тигра? На обдумывание полминуты. Кто первый?

Готовы были все. Быков довольно улыбался и с откровенной симпатией посматривал на офицеров.

Стрелков говорил сбивчиво, волнуясь и стараясь как можно полнее ответить на заданный вопрос, при этом, сам того не замечая, ерошил свой короткий чуб и жестикулировал.

— Спокойней, Стрелков, — бросил Быков. — Ну что ты волнуешься? Отвечаешь верно.

Платонов стоял, вытянувшись в струнку, и докладывал обстоятельно и не спеша.

Андреевский с деланным равнодушием тусклым голосом монотонно перечислял мысы и бухты, всем видом своим демонстрируя бесполезность проверки его, старожила этого края.

Быков посылал свои вопросы, неожиданные, как теннисные мячи, экзаменуемым лейтенантам, но те были «на товсь» и точно отражали коварные подачи командира звена.

— Ну, хватит, — сдался Быков. — А вы молодцы. Так держать! Да, кстати, хочу вам напомнить: сегодня вечером в части комсомольское собрание. Обсуждаются задачи комсомольцев по подготовке к торпедным стрельбам. Будьте готовы выступить, особенно вы, Стрелков. Ваш катер засиделся на блоках. Пора бы уже и на воду. Ясно?

— Ясно, товарищ командир звена. На той неделе спустим. Это точно.

— Или, как говорит лейтенант Платонов, «абсолютно буквально», — пошутил Быков.

Лейтенанты сдержанно посмеялись, однако Стрелкову было не весело. Проклятый багелевский план не выходил из головы. Стрелков ведь так и не подписал его и, передавая Багелеву со словами: «Я еще подумаю», заметил тревожный взгляд старшины и нарочито небрежные слова: «Так мы будем действовать, товарищ командир, согласно плану?» — «Действуйте, Багелев, действуйте», — ответил Стрелков и испытующе поглядел на

старшину.

Конечно, можно было доложить обо всем Быкову, посоветоваться с ним. Но Сергей считал это неудобным. «Командир я или не командир?» Принимать решение надо самому. Но какое? И тут его осенило. Комсомольское собрание! Вот где надо разделать Багелева. Обо всем сказать откровенно, при всех.

Собрание проходило в большом кубрике казармы. Койки и тумбочки сдвинули к окнам и в конец помещения. На освободившейся площади расставили скамейки, стулья, табуретки, в начале кубрика — стол, официально накрытый красной суконной скатертью.

Перед началом собрания к Стрелкову подошел секретарь комитета ВЛКСМ части лейтенант Белоглазов.

— Я очень рассчитываю на ваше выступление, Сергей Иванович.

— Да, да, конечно, — кивнул Сергей. — Непременно выступлю.

Белоглазов удовлетворенно сделал пометку в блокноте и с деловым видом направился к комдиву.

— Так как у вас с докладом, товарищ капитан третьего ранга?

Турков положил руку на плечо Белоглазова, посмотрел внимательно в глаза и сокрушенно выдавил:

— Даже и не знаю, что тебе сказать. В голове сплошной сумбрюд, — и он развел руками.

Белоглазов неуверенно улыбнулся. Он знал, что комдив любит шутить. И его любимое словечко «сумбрюд» вместо «сумбур» вроде бы подтверждало эту мысль, однако кто его знает, как следует понимать ответ Туркова.

— Так это, — растерянно начал он, — я не совсем…

— Не волнуйся, секретарь, — успокоил его Турков. — Все будет, как надо.

В списке выступающих Сергей увидел фамилию Багелева и потому попросил Белоглазова сначала дать слово старшине, а потом уже ему, Стрелкову.

— Багелев расскажет о работе экипажа, а я как бы подведу итог.

— Логично, пусть будет так.

Доклад комдива выслушали с интересом. В меру официальный, насыщенный цифрами и фамилиями, многими конкретными примерами, рассказанными с присущим Туркову юмором, он расшевелил всех.

У многих помимо «списка» появилось желание высказаться немедленно.

Первым был рыжий боцман. Стрелкову уже дважды довелось быть с ним в море. Огромной, как лопата, ладонью он попытался пригладить свои огненные вихры, но из этого ничего не получилось.

— Да ладно, Володя, — заметил сидевший в первом ряду щуплый моторист Паркаев из ведышевской команды, — не старайся. Озаряй нас — светлее будет.

Боцман с размаху положил ладони на самодельную трибуну, потом, словно смутившись их величины, неуклюже спрятал за спину.

— Вот тут комдив говорил, что от нас, комсомольцев, будет зависеть успех в предстоящих стрельбах. То так. Вот только не все серьезно к этому относятся. Взять хотя бы Яшу Клюгмана. Все ему шутки да прибаутки. За техникой не следит. Вахту несет неисправно. А недавно стоял дневальным в казарме, так что учудил? Под утро скуки ради достал из стола дежурного резиновый почтовый штамп «матросское бесплатно» и начал ставить печати на лбы спящим морякам. Утром все вскочили на физзарядку и вместо построения тычут друг в друга пальцами и рыгочут. А то вот еще на камбузе как-то…

— Товарищ Рогов, вы кончайте байки рассказывать, ближе к сути дела, — сурово прервал его Белоглазов.

— А я по сути, товарищ лейтенант. Раз мы готовимся к такому серьезному делу, как призовые стрельбы, серьезность должна быть во всем. То так! — неожиданно закончил он свое выступление любимым присловьем и сел.

Багелев выступал вторым.

— Товарищи катерники, боевые друзья! — начал он с пафосом. — С высоты своего семилетнего срока службы…

— И полутораметрового роста, — съязвил радист Соловьев.

В кубрике засмеялись. Рост Багелева действительно был ровно полтора метра. Белоглазов нахмурился, строго постучал ладонью по столу:

— Шуточки ваши неуместны, Соловьев. Вы не в балагане, а на комсомольском собрании.

Воодушевленного поддержкой Багелева понесло, как молодого коня:

— Так вот, с высоты семи лет службы я могу сказать, что наш экипаж, в особенности команда мотористов, к стрельбам подошла с высокими показателями. Вот, например, старший матрос Леонов, посмотрите на него, — и Багелев театрально вскинул руку и указал в сторону Леонова. Все обернулись к нему. — Что я могу о нем сказать? Орел! Специалист высокого класса. Вы что думаете? Если так будет шагать вперед, то того и гляди меня

заменит.

— Скорей бы, — опять не удержался Соловьев.

— А ты, Соловьев, белая кость, голубая кровь, флотская интеллигенция. Чем ты там у себя в классе радистов занимаешься, мы не знаем. А что ростом вымахал, толку в этом мало. Бывает так — мал золотник, да дорог…

Багелев самодовольно улыбнулся, мол, понимайте, как знаете, о ком речь идет.

— А Калинин? — продолжал Багелев. — Слов нет, чтобы показать все его достижения и достоинства. И другие мотористы не хуже. Мы очень рассчитываем, что верхняя команда тоже будет на высоте. А задачи катер выполнит отлично. Командир может рассчитывать на наш опыт.

Стрелков посмотрел в сторону Литовцева. Боцман явно не одобрял громкие слова Багелева. «Ну что ж, корабли сожжены, — вздохнул Сергей. — Держись, Багелев!»

Последующие ораторы прошли как-то мимо внимания Сергея. Он было попытался набросать план своего выступления. Но из этого ничего не получилось.

— Слово имеет комсомолец Стрелков, — объявил председатель.

Стрелков встал и сразу почувствовал, как отяжелели ноги и пересохло во рту. Стараясь не показать волнения, он с ходу бросился в атаку.

— Я продолжу выступление Багелева. Он очень горячо говорил о малых золотниках. Конечно, дело не в росте. Как сказал поэт Ковынев:

Можно быть длиннее Гулливера,
Оставаясь низким истуканом.
Человек же малого размера
Иногда бывает великаном.

Вот Багелев, к примеру. Мал? Мал. Удал? Удал.

Краем глаза он заметил, как довольно ухмыляется Багелев и недоумевает боцман Литовцев.

— Не буду голословным, — продолжал Сергей. — Я на катере недавно, всего несколько дней. И очень рассчитываю на помощь своего экипажа, который пришелся мне по душе. Это опытные катерники. Но вернемся к Багелеву. Два дня тому назад, выполняя мое приказание, он подал мне план ввода катера в строй. Вы все тут опытные катерники и, надеюсь, по достоинству оцените этот любопытный документ, с которым я решил вас ознакомить. Не буду ничего выдумывать, а просто зачитаю его

вам.

Стрелков взглянул в упор на Багелева, и тот не выдержал:

— Не надо, товарищ командир. Я его еще не выправил.

— Не надо, говорите, товарищ комсомолец Багелев? Сырой, значит, план? А на подпись-то вы его все-таки принесли? Нет уж, пусть послушают все, что вы сочинили, — Стрелков сделал паузу и закончил, — от имени экипажа.

И Сергей развернул план. Он видел, как оживились лица моряков, как они внимательно слушали его.

Всеобщий хохот потряс кубрик, когда был зачитан пункт о расконсервации мегафона. На лице Быкова заиграли желваки. Комдив нахмурился. Андреевский поглядел на него иронически. Лицо боцмана пылало возмущением. Багелев же готов был сквозь землю провалиться.

Сергей понял, что попал в точку, и намеренно буднично закончил:

— Вот такая петрушка вышла. А жаль, ведь Багелев мой первый помощник и опытный специалист.

…Утром в кают-компании многие с любопытством посматривали на Стрелкова. Андреевский, тот за завтраком, даже не поздоровавшись, с ходу, что называется, начал проработку:

— Думаю, дорогой Сергей Иванович, что вы вчера были неправы. Это не красит вас. Нельзя было так позорить своего старшину. Вы офицер, и могли бы решить этот вопрос у себя на катере.

— А я думаю, — вмешался Борис, — что Сергей прав. Он отстаивал не только свою командирскую честь, но и нашу, в том числе и вашу, товарищ Андреевский.

— Не мою, — возразил тот, — только не мою. Я нашел бы иные средства поставить на место зарвавшегося старшину.

— Какие, к примеру? — не без иронии спросил Борис.

— Какие? Да уж наверняка более действенные. А впрочем, у меня такое было бы просто невозможно, — проронил он, аккуратно набрав ложечкой кашу и отправляя ее в рот.

Сергей сдержанно молчал, зато Борис кипятился:

— Это почему же?

— Да по-то-му, — отодвигая тарелку, раздельно и четко произнес Андреевский, — что вы слишком примитивны со своим понятием о командирской чести. И вы еще убедитесь в этом неоднократно.

Поднявшись, он манерно откланялся и, не торопясь, двинулся к выходу.

Борис возмущенно фыркнул:

— Не обращай на него внимания, Сережа.

— А что, Боря, если он в чем-то прав? Наверное, я не очень солидно выглядел. Но, честно говоря, в тот момент не видел иного выхода, и мне показалось, что все было правильно.

— Да в чем ты себя обвиняешь, не понимаю? — даже рассердился Борис.

— Не все я продумал, как следует. Поддался порыву, стихи зачем-то читать начал, — он вздохнул. — Ты, конечно, прав, что не только себя я защищал. Но вот именно поэтому и должен был быть убедительнее и сдержаннее. Как теперь сложатся у меня отношения с Багелевым и с экипажем в целом — не знаю.

— Не волнуйся, Серега, — Борис похлопал его по руке. — Я видел реакцию зала. Она была в твою пользу. А что Багелев? Куда ему деваться? Ты — командир. Пусть он и думает, как ему с тобой отношения налаживать.

…Боцман встретил Стрелкова, как обычно, вроде и не было вчерашнего собрания. От его деловитости и спокойствия на душе у Сергея посветлело.

Багелев старался изо всех сил.

— Товарищ командир, мы тут прикинули с боцманом наши возможности. Думаю, что через три дня катер будет готов к спуску на воду. Хочется в море на своем сходить, хватит нам по чужим болтаться.

— Это верно, Багелев, чужие нам ни к чему.

Суетливость старшины, его притворно доверительный тон и желание во что бы то ни стало убедить командира в его, Багелева, положительности были неприятны Сергею и, чтобы сразу поставить все на места, он поглядел в упор на старшину и подвел черту под разговором:

— А насчет вчерашнего можно и забыть, если, конечно, вы все поняли.

Багелев вздрогнул и потупился, но тут же, оправившись от смущения, облегченно вздохнул:

— Конечно, товарищ командир, вы очень правильно сказали, можно и забыть. Я все для этого сделаю.

ФЛАГ ПОДНЯТ!

Последние двое суток перед спуском катера весь экипаж с особым рвением трудился, приводя корпус и помещение в порядок. Споры между верхней и нижней командами прекратились. Наконец-то Сергей почувствовал экипаж, как что-то единое. А когда увидел, как рядом бок о бок трудятся Багелев и Литовцев, не выдержал, поддался молодому азарту: сам взял кисть и встал между ними. И это не удивило старшин, они приняли жест командира, как вполне естественный. Правда, Сергей приметил, как потеплели глаза боцмана, и он даже, кажется, подмигнул Багелеву, а тот движением правой руки в сторону как бы сказал: «Знай наших».

Боцман же в эти дни был просто в ударе. В каждом движении его чувствовался хозяин катера. И по тому, как он аккуратно макал кисть в ведро с краской, как короткими тычками наносил ее на корпус, а потом тщательно растирал, как деловито вытирал руки ветошью и своевременно вносил поправки в действия экипажа, — во всем были основательность и твердость.

— Аметов, ты чего это машешь кистью, как сигнальными флажками. Не переводи задаром краску, она деньги стоит.

— Какой деньги? — удивляется Аметов. — Сам на склад получал, ничего не платил.

— Запомни, Аметов, — вразумлял его Литовцев, — все, чем ты пользуешься, что носишь и кушаешь, обходится государству в копеечку, и никто нам не позволит зря разбазаривать народное добро.

— Хорошо говоришь боцман, умный слово сказал, — удовлетворенно соглашается электрик.

— Ну, Аметов, похвалил. Спасибо, брат.

— Зачем спасиба? Это я спасиба говорю.

Вскоре катер выглядел, как игрушка. Подводная часть темная, верхняя часть окрашена шаровой краской установленного колера, почти под цвет моря, чтобы меньше был катер заметен для противника. А между ними четко отбитая белая полоса — ватерлиния.

— Давайте у иллюминаторов наведем белые круги, — предложил комендор Еремкин. — Уютно будет и как-то по-домашнему.

— Отставить, — возразил боцман. — Никаких петухов. Военный корабль — не прогулочная яхта. Вид у него должен быть строгий.

На верхней палубе Красанов, Соловьев и помфлагхим Букин

плели маты и кранцы. Работа эта была кропотливая и требовала, немалого умения и сноровки, а потому боцман особенно тщательно проверял ее, а временами подсаживался и сам показывал, как делается хорошая оплетка для кранца.

— Конечно, — говорил он, — можно было бы элементарно решить эту задачу. Найти старые автомобильные шины, закрепить к ним концы — и кранцы готовы. Но мы ведь не какой-то портовый буксиришка, а боевой корабль, торпедный катер. На нашем корабле все должно выглядеть красиво. В том числе и ваша шевелюра, товарищ Красанов.

Красанов обиделся было, но потом раздумал сердиться и ответил коротко:

— Сегодня постригусь, боцман.

— И правильно, что не откладываешь. К спуску катера все должно быть в ажуре.

Сам спуск прошел довольно быстро и, к некоторому разочарованию Сергея, буднично. К берегу, где на блоках стояли катера, подошел плавкран, под катер в двух местах завели стропы, подложив под них деревянные подушки. Кран напряг жилы тросов и легко оторвал катер от блоков. Хобот крана пополз в сторону моря, и вскоре катер уже завис над водой. Инстинктивно Сергей напрягся, стараясь не пропустить момента касания днищем поверхности, как будто от этого что-то зависело.

— Майна помалу, — скомандовал флагманский механик Греков крановщику, репетуя команду движением ладони.

Катер медленно стал снижаться. А минуты через две он уже спокойно коснулся воды и, осев, застыл с заметно приподнятой над поверхностью ватерлинией. Это понятно; ведь на катере не было имущества, торпед и команды. Используя оттяжки, как швартовые концы, Литовцев и Красанов уже подтягивали катер к пирсу.

И вот уже весь экипаж в отстиранном и отглаженном рабочем платье построился на баке и Стрелков, волнуясь, хриплым голосом подал команду:

— На флаг! Смирно!

Выждав несколько секунд, он любовно оглядел катер и экипаж, застывший в строю, напряженным голосом, негромко, но внятно скомандовал:

— Флаг поднять!

Боцман Литовцев, мелко перебирая фал, медленно поднял флаг до упора в нок флагштока, бережно расправил полотнище. Легкий бриз колыхнул его — и над голубой полоской на белом фоне флага ярко загорелись красная звезда и серп с молотом.

— Вольно!

Катер легко покачивался на ряби бухты, а по пирсу уже спешил к нему Быков.

Для Стрелкова и всего экипажа начинался новый этап в жизни и службе.

БУХТА ОДИССЕЯ

После спуска катера каждый день для Стрелкова стал еще более насыщенным и интересным. В текучке дел ему трудно было выбрать минуту, чтобы написать письмо. И все же пять писем уже ушло в Ленинград. А ответа все не было и не было.

И, наконец-то, пришло первое письмо от Кати. Сергей обнаружил его на тумбочке, когда заскочил в общежитие после ужина. Он с умилением вглядывался в знакомый почерк с округлыми буквами. А слова были тоже родные. Катя писала:

«Милый мой Одиссей!

Вот и дождалась я от тебя весточки. Как же долго добирался ты до своего любимого Тихого океана. Я мысленно представляю твою бухту и уже окрестила ее — «Бухта Одиссея». Она вся голубая-голубая, в полукольце крутых зеленых склонов. Я слышу гул торпедного катера, уносящего тебя в океан. А ты с командирского мостика машешь мне рукой и я, как Пенелопа, готова ждать тебя всю жизнь.

Нет, ждать я не хочу! Лучше ты уходи ненадолго, чтобы мы чаще радовались встречам.

Вчера была у тети Маши. Прибежала поделиться своей радостью и прочесть ей те немногие строки твоего письма, которые можно читать не только мне. Тетя Маша выслушала внимательно и сурово заявила: «Прыток он не в меру. Кончай-ка, девонька, скорей свои дела да поезжай к нему. Очень ты ему нужна сейчас. Передай, что тетка о нем помнит, не грех написать бы ей хотя бы пару строк».

А потом пришла почта, а с ней и твое письмо к тете. Тут она даже прослезилась. «Помнит все же, постреленок, тетку свою». Я ей сказала, что ты уже давно не постреленок, а боевой командир, на что она ответила: «Это для кого как».

Какой ты все же молодец! И я так тебя люблю. Скорей бы уж к тебе. Пока пишу коротко, спешу отослать. Но скоро завалю тебя письмами, приготовься к этому.

Целую тебя.

Твоя Пенелопа!»

Сергей прятал и снова доставал письмо, перечитывая его несчетное число раз, с нежностью вспоминая Катюшу. «Пенелопа, выдумщица ты моя маленькая. И все так хорошо придумала. Бухта Одиссея. Теперь и я так буду называть ее. А тетя Маша-то, гляди как развоевалась. Поезжай, и все тут. Правильно думает тетка, в корень зрит».

Сколько помнит себя Сергей, тетя Маша была командиршей. Даже странно было видеть, что у мамы, тихой и мечтательной женщины, такая практичная и боевая сестра. Когда она приходила к ним в дом, еще в то далекое довоенное детство, сразу раздавался ее повелительный и хозяйский голос. «Ты чем это, Шура, сыновей кормишь сегодня? Опять суп-брандахлыст? Этак они у тебя совсем захиреют. Им мясо надобно, щи наваристые. Мужики ведь, воины будущие».

А «воины» с опаской, но влюбленно смотрели на бойкую тетку. Они уже знали, что вслед за «проработкой» она перейдет к делу. И что вкусные, наваристые щи и огромные котлеты с жареной картошкой появятся на столе. Это тетя Маша умела делать. И будущие воины отдавали должное кулинарному искусству тетки, уписывая все с большим аппетитом. Мясо она приносила с собой, а картошка с капустой были и дома.

Братья, Сережа и Саша, были погодками и совсем не похожими друг на друга. Они рано лишились отца, и мать, худая и болезненная женщина, с трудом поднимала ребят. Отсюда и мясо на столе было редким. Разве что тетя Маша расщедрится. Тетка жалела ребят и старалась подкормить племянников, но у нее хватало своих дел: семья, хозяйство (она жила за городом, имела огород и кое-какую живность), работа на железной дороге, где у них с мужем был свой участок, который надо было содержать в исправности, — все это не оставляло времени на частые посещения сестры. И все же дважды в месяц она наведывалась в город, притаскивая каждый раз увесистые кошелки «племянникам на вырост».

Сергей крепко любил свою тетку, и она отвечала ему тем же, однако не упуская случая покомандовать и «вразумить юного фантазера» нужным советом.

Появление Кати тетя Маша приветствовала и, как ни странно, вела себя с ней очень почтительно. Видимо, чувствовала огромную внутреннюю силу этой маленькой миловидной девушки, так рано оставшейся сиротой. Но она сумела окончить школу, а вот теперь уже и институт, считай, за плечами.

— Эх, хороша тебе девка попалась, Сережа, — нет-нет да и повторяла она. — Смотри, не упусти, другую такую не найдешь. Маловата, конечно, росточком. Так вот ведь и я невысока, а чем

не тетка?

— Вы не просто тетка, — смеялся Сергей. — Вы — клад. Таких теток нет ни у кого.

И он обнимал тетю Машу, а та отмахивалась, но таяла и радостно-ворчливым тоном прибавляла:

— Конечно, я проста, без особого образования, не то что ты с Катей, но ведь люблю же я вас, чертей.

«Хорошие они у меня обе, — растроганно подумал Сергей. — Вот бы сразу и приезжали вдвоем. Небось, тетке тоже интересно будет побывать на краю света, ведь за всю свою жизнь она дальше Москвы и не ездила».

Сергей аккуратно спрятал письмо во внутренний карман кителя, а через минуту вновь читал его и мысленно уже встречал своих дорогих на владивостокском вокзале.

А за окном, внизу, синела его бухта. На очередное обеспечение торпедных стрельб в полигон уходил корабль-цель, и маленький буксиришка старательно тащил огромную баржу к хозяйственному причалу. Все шло своим чередом, и в этой жизни у Сергея было свое определенное место.

Бухта стала теперь ему еще ближе, ведь это сама Катя в честь его назвала ее бухтой Одиссея.

ПЕРВАЯ АТАКА

Раннее утро. Солнце едва показалось из-за сопок, и золотые блики легли на гладь бухты. Прошла полоса туманов над дальневосточным побережьем, и наступили ясные погожие дни августа. Сейчас бы валяться где-нибудь блаженно на пляжном песочке под жарким солнышком. Или нырять за морскими звездами и ежами, собирать диковинные ракушки и, подставив их к уху, слушать, как шумит внутри неугомонное море. Радоваться жизни, миру и покою.

Однако некогда думать об этом. Сегодня торпедные стрельбы! И когда за плечами у тебя всего двадцать с небольшим, да училище и курсантские практики, а все остальное — впереди, то первый выход в качестве командира катера на торпедные стрельбы — это событие! Но не дрейфь, лейтенант, даром что ли учили тебя опытные наставники? Оправдай их доверие!

Капитан 3 ранга Турков перед выходом в море еще раз собрал всех молодых лейтенантов в курилке, на «малый хурал», как он пошутил. Окинув цепким взглядом новое пополнение своего дивизиона, он провел последний инструктаж.

— Итак, отряд боевых кораблей «противника» обнаружен в нашем районе… Задача — под прикрытием дымовой завесы, это поручается вам, лейтенант Иванов, — обращается он к Борису, — выйти в атаку в составе дивизиона. На головном катере буду я. Второе звено нанесет удар по центру вражеского отряда. А вы, — кивает он в сторону Стрелкова, — обеспечите прикрытие кормового сектора. В целом веер наших торпед должен захватить все корабли отряда, с учетом их возможного маневрирования курсами и ходами.

Стрелков мысленно представил: мощный многоторпедный веер перекрывает всю площадь, на которой отчаянно маневрирует, мечется, ведет ураганный артиллерийский огонь отряд боевых кораблей «противника»; пенные росчерки торпед неумолимо пересекают курсы вражеских кораблей, прямо под их килями, выходят из строя «подбитые врагом» наши катера, а остальные, смыкая строй, продолжают лихую атаку, завершая ее точными торпедными ударами.

— А теперь, — продолжает комдив, — давайте сверим часы.

Все снимают свои наручные часы и ждут команды.

— Итак, сейчас будет семь часов пятнадцать минут. Товсь! Ноль!

По команде «Ноль»! все ставят на своих часах семь пятнадцать.

— Товарищ капитан третьего ранга, — удивленно вскидывается Андреевский, — а у вас часы неточные. Я только что проверил свои по радио. Сейчас должно быть семь семнадцать.

Все вопросительно смотрят на комдива, а тот, подавив усмешку, бросает:

— Лейтенант Андреевский, вы поставили на своих часах семь пятнадцать?

— Так точно!

— Вот и запомните, что на флоте самые точные часы у самого большого начальника. А у нас в дивизионе — у меня. А свои часы я сверил с группой наблюдения, которая находится на атакуемых кораблях. Ведомость атаки наших катеров мы должны вести в соответствии с их временем. Разнобоя быть не должно. Кому еще не ясно!

Всем все ясно, но Андреевский не сдается:

— Но ведь Москва… — начинает он.

Комдив не дает ему закончить.

— Москва, дорогой мой, простит нам эту вольность, когда мы вернемся с победой. А теперь по катерам!

Боцмана на катерах опытные. Завидев движение офицеров в сторону пирсов и понимая, что совещание закончено, они машут руками старшинам команд мотористов, а те, не теряя времени, пускают дизеля.

Короткие выхлопы — и вот уже взревели дизеля и катера рвутся на швартовах, дрожа в стартовой лихорадке. Им тоже хочется скорей в море.

Один за другим отдают катера швартовы и согласно походному ордеру вытягиваются в одну линию за катером, несущим на мачте брейд-вымпел комдива. Идут на малой скорости, чтобы не развести волну в бухте.

После поворота на выход в Западный залив катера набирают скорость, постепенно переходя с «малого» на «средний», а затем на «полный» и «самый полный», несутся на зюйд, где предполагается нахождение «противника». Все средства технического и визуального наблюдения в действии. Командиры, боцмана, комендоры и торпедисты пристально вглядываются в даль. На экранах радиолокаторов радиометристы узнают знакомые очертания берегов, мысов, островков, иногда проходящих судов. Но все это не то. А то, чего все ждут, возникает внезапно.

На головном катере появляется сигнал — атаковать «противника» торпедами. Быстро заняв свое место, катера начинают противоартиллерийский зигзаг. Резкие повороты

вправо и влево должны сбить артиллеристов врага, не дать им пристреляться.

Вперед вырывается катер Иванова. Его задача не из легких. Заняв наиболее удобное место с учетом ветра, он должен пронестись вдоль всего отряда боевых кораблей противника и протянуть дымовую завесу, прикрыв атаку других катеров дивизиона. Дымзавесчик в бою почти смертник. По нему бьет артиллерия противника в первую очередь. Стрелков невольно вспоминает Быкова. Это он в 1944 году во время дерзкой атаки нашими катерами конвоя противника под ураганным огнем всех огневых средств врага протянул дымовую завесу, обеспечив успешную атаку своим боевым собратьям, и только чудом остался в живых.

Но что это? Катер Иванова застопорил ход, не дотянув дымзавесу, и, отвернув влево, вышел из атаки. Он «условно подбит», и теперь уже катер лейтенанта Платонова завершает начатое Ивановым.

Другие катера ринулись вперед, чтобы, пронзив дымный шлейф, выйти вплотную к «противнику» и кинжальными ударами торпед поразить его боевые корабли.

В дымовой завесе — видимость нулевая. Едкий дым затрудняет дыхание.

— Аппараты товсь!

Еще несколько секунд мрака — и, выскочив из темной полосы, катера ложатся на боевые курсы. Командиры прильнули к прицелам. Последние поправки введены.

— Залп!

От мощного рывка торпед катера останавливаются: такова огромная сила отдачи от вылета торпед.

Резко переложив рули, командиры бросают свои катера на курс отхода. Теперь надо как можно быстрей оторваться от «противника» и, может быть, снова успеть скрыться под спасительную дымовую завесу. Правда, при новых средствах обнаружения дымовая завеса не может лишить видимости корабли «противника» и те на экранах локаторов видят катера, и все же катерники чувствуют себя уверенней, вновь войдя в темное облако дыма.

Всего несколько минут отделяют дивизион от момента обнаружения «противника», а как много сделано и пережито за это время.

Вскоре радисты катеров приняли радиограмму:

«Атака прошла успешно, потоплено три корабля «противника». Благодарю за службу. Командир части».

Итак, месяц подготовки прошел не даром. Задача выполнена с оценкой «отлично».

БОЦМАН ЛИТОВЦЕВ

— Боцман, что это у вас там булькает по правому борту?

— Плавать учу, товарищ командир.

Боцман торпедного катера старшина 1-й статьи Литовцев, молодой ясноглазый красавец, смущенно улыбаясь, поглядел в сторону Стрелкова, давая жестами понять: мол, так надо.

— Не понял, боцман.

— Так то ж Леонов, моторист. Третий год служит на катере, а плавать не умеет. Вот я его и учу.

Стрелков подошел к левому борту и заглянул вниз. В двух метрах от него, пуская пузыри и отчаянно цепляясь за штерт, конец которого держал боцман, барахтался старший матрос Леонов. Второй конец штерта опоясывал его туловище. Когда голова моториста совсем уже уходила под воду, боцман натягивал штерт и поднимал пловца на поверхность отдышаться.

— Не крути башкой, — спокойно пояснял Литовцев. — Руками и ногами работай. Как я тебя учил? Ну?

Леонов усиленно забарабанил ногами, изображая кроль и неуклюже поднимая руки над водой. Вместо гребка он пытался ухватиться за штерт. Тогда боцман давал слабину и Леонов вновь уходил под воду.

— Боцман, прекратите самоуправство.

— Какое ж это самоуправство, товарищ командир? — искренне поразился боцман, и в глазах его застыло недоумение. — Это ж добрая наука. К вечеру будет уметь плавать, ручаюсь. Инстинкт самосохранения сработает чисто.

— И многих вы уже выучили плавать этим варварским способом? — заинтересовался Стрелков.

— Да, почитай, всех, кто не умел, — с достоинством ответил Литовцев. — До Леонова были мотористы Калинин и Карпов, торпедный электрик Аметов. Аметов, так тот с первого захода поплыл. Правда, ругался здорово.

Подошедший Аметов, грузноватый, невысокий, подтвердил слова боцмана. А когда Литовцев и продрогший Леонов скрылись в кубрике, добавил:

— Я, товарищ командыр, и раньше умел плавать, только растерялся, когда боцман столкнул меня в воду. Много хитрый у нас боцман. У-у-у, какой хитрюг, — и смуглое его лицо расплылось в добродушной улыбке.

«Хитрюг» тем временем уже обхаживал мощного молодого комендора Поротикова.

— Ты откуда, Иван, прибыл к нам?

— Сибиряк я, однако, — степенно отвечал Поротиков. — А что?

— На реке, небось, плавал? — не унимался боцман.

— Да нет. Не было у нас реки. Тайга. Лесовик я.

— Эка, лесовик, говоришь? — наигранно-восторженно удивился боцман. — Что ж ты в моряки-то пошел?

— Служба стоящая, вот и пошел. Так и в военкомате сказали. А нам что потрудней, то и впору.

— А плавать-то умеешь, тайга?.

Поротиков повел плечами, потянулся до хруста в костях и неожиданно вздохнул:

— На медведя с отцом ходил. Вот так! А плавать вроде бы и негде было.

— Насчет медведя-то загибаешь, наверно, Иван, — боцман с уважением оглядел плотную фигуру комендора. — А может, и нет. Силушка есть.

— А как же, нам без этого в тайгу и не сунься.

Понимая, что время для атаки приспело, боцман, как бы между прочим, с деланным равнодушием, спросил:

— Ну, а плавать-то учиться будешь?

— А что, надо? — вопросом на вопрос откликнулся Поротиков.

— Надо, надо, Иван, — убежденно и обрадованно подтвердил боцман. — А как же? Моряк ведь ты, а не какая-нибудь чурбашка береговая. А ну-ка во время шторма выбросит тебя из турели в море. Что будешь делать?

Боцман хитро прищурился и испытующе посмотрел на ошеломленного комендора.

— Это меня-то выбросит? — усомнился Поротиков, скосив глаза на свои бугристые бицепсы, выпирающие из комбинезона.

— И-и, милый, — пропел Литовцев, — и не таких выбрасывало. Это же море, а не пруд какой-то.

— Оно, конечно, верно, — согласился Поротиков. — А учить-то как будете? Как Леонова?

— Так, так, — подтвердил боцман. — Ну и молоток же ты, Иван. Не то что этот хлюпик. Все соображаешь. Ну так как?

— Согласен, — спокойно уточнил комендор.

К великому удивлению Стрелкова, Поротиков через полчаса уже поплыл. Да так это уверенно, саженками.

— Вот это ученик, — радовался боцман, — любой волгарь позавидует!

А Поротиков уже басил из-за борта:

— Веревку-то отвяжите, может, так попробую. Чего уж там.

— Не веревку, а штерт, — наставительно поучал боцман. —

Ты не в лесу, Иван. Здесь строгий распорядок дня. Сейчас не время. Так что вылазь, хватит плескаться.

— Ну вот, а зачем учили, — обиженно прогудел Поротиков. — Эх, а хорошо-то как!

В течение недели неумеющих плавать на катере не осталось.

— Я ведь к чему это, товарищ командир, — пояснял боцман Стрелкову. — Вот, к примеру, помните последние торпедные стрельбы? Практической торпедой? Она ведь после прохождения дистанции плавать должна. То так. Но бывает, поплавает, поплавает и начинает погружаться, видно, через какие-то зазоры вода внутрь набирается. А потонет торпеда — это ЧП! Попробуй потом ее найти? И возвращаться в базу без нее нельзя.

— А торпедолов на что? — резонно заметил Стрелков. — Он сразу и возьмет торпеду на буксир.

— Если бы, товарищ командир, — возразил боцман. — Торпедолов один. Ну от силы два. А мы как выйдем всем дивизионом, как набросаем этих сигар, будь здоров. Пока дойдет очередь до нашей торпеды, а она, гляди, ждет-пождет, да и потонет.

— Ну, а плаванье-то, боцман, при чем тут?

— Очень даже при чем, — Литовцев многозначительно улыбнулся. — Вот выстрелим торпедой. Пройдет она дистанцию, а мы за ней по следу, нос к носу. Всплыла, голубушка. И вот тут-то пловец и нужен. Берет, значит, он буксирный тросик, на конце которого гак-пистолет, и прыгает с ним в воду. Подплывает к торпеде и защелкивает спокойно гак на ее обушке. Вот и все! — Литовцев разводит руки и улыбается. — Теперь торпеда на буксире у нас и не моги тонуть. Да и мы не дадим. А дальше ясно. Можем подойти к торпедолову и передать ему торпеду, а то и сами отбуксируем ее в базу.

Стрелков даже крякнул от удовольствия, слушая боцмана и мысленно представляя всю эту операцию.

— Молодец, Литовцев, ловко ты это придумал. А что, попробуем первыми же, на ближайших стрельбах. Только пока об этом молчок.

— Могила, — кивнул боцман.

…Прием взятия торпеды на буксир по «методу Литовцева» оправдал себя сразу и был безоговорочно принят на вооружение всем дивизионом.

Правда, дивизионный минер капитан-лейтенант Куров настойчиво внушал комдиву:

— Ни к чему это, Петр Федорович, не по инструкции это.

— Скрепка ты канцелярская, — незлобиво заметил комдив. — Пойми, ведь быстро это и хорошо. Потерь торпед нет! Это нам

плюс, и нужные морские качества у личного состава развиваются. А ты — инструкция!

Литовцева расхваливали на все лады. Однако Стрелков заметил, что сам боцман почему-то ни разу не показал свой коронный прием.

— А где личный пример, боцман? — как-то спросил его Стрелков.

Литовцев, застигнутый врасплох, явно смутился и пытался отшутиться, «мол я в запасе, на аварийный случай», но Стрелков не отступал. И тогда, оглянувшись по сторонам и видя, что рядом никого нет, боцман честно признался командиру:

— Не умею плавать, товарищ командир. Пробовал, не получается. Я теоретик, понимаете?

Это признание боцмана было настолько неожиданным для Стрелкова, что он поначалу просто не поверил боцману.

— Изволите шутить, Литовцев, — с сомнением сказал он.

— Какие там шутки, товарищ командир. Так и есть. «Вот тебе и боцман, — подумал Стрелков, — правильно Аметов подметил — настоящий «хитрюг».

— А что, боцман, — предложил тут же Стрелков, — если подучить тебя, по твоему же способу?

Литовцев совсем смутился и безнадежно махнул рукой:

— Не надо, товарищ командир, от стыда утонуть лучше. Утопите только боцманский авторитет. А как без него?

— Ладно, Литовцев, — согласился Стрелков, — настаивать не буду. Однако подумай.

…Так и не научился боцман плавать. А во всем остальном моряк был что надо, высокий класс!

КРЕЙСЕР ШВАРТУЕТСЯ К КАТЕРУ

И был день, который запомнился Стрелкову особо. На утреннем построении дивизиона был зачитан приказ о допуске молодых лейтенантов к самостоятельному управлению катером во всех условиях плавания.

— Поздравляю, Сергей Иванович, — пожал ему руку Гуськов. — Вот и дождались вы своего часа. Теперь, можно сказать, полноценный командир.

— Вот что, полноценный командир, — подошел Быков, — поскольку мы уже все умеем, выйдешь сегодня самостоятельно в полигон на обеспечение торпедных стрельб крейсера. Задание получишь в штабе. А в двух словах: прибудешь в точку на катере Г-5 с резервной командой, доложишь на крейсер о готовности и после выхода крейсера в атаку будешь ловить его торпеды, помогать торпедолову.

— И только-то? — удивился Стрелков.

— Экий ты прыткий. Тебе бы, чувствую, самому хотелось атаковать крейсер настоящего противника? Может быть, когда-то и придется, — нахмурился Быков, — но лучше бы не надо.

— А для чего тогда мы здесь? — Сергей вопросительно смотрел на Быкова.

— Думаю, что в первую очередь для того, чтобы не было войны, — спокойно ответил тот. — Ну, а если придется — быть готовым и к этому, — и, возвращаясь к заданию, подчеркнул: — Кстати, учти, что катер Г-5 старый, пусть экипаж проверит все, как следует.

— Есть, товарищ командир звена!

Сергей сиял. Приказ о допуске был неожиданным. Ведь всего немногим более месяца прошло с того момента, как лейтенанты прибыли в часть. И — самостоятельный выход! Конечно, месяц этот был очень трудным, и Быков не давал своим подчиненным ни минуты покоя. Но они и не просили отдыха. Подходила пора осенних учений, а к этому времени план боевой подготовки должен был быть выполнен полностью.

В приподнятом настроении прибыл Сергей в штаб. Получил задание, карту, наскоро набросал прокладку и лист расчета для выхода в заданную точку.

— Лейтенант Стрелков, — окликнул его начальник штаба, заглянув в комнату, где работал Сергей, — поторапливайтесь. Через полчаса крейсер выйдет в море.

Сергей быстренько свернул бумаги и помчался на катер. Команда уже заканчивала осмотр и проворачивание механизмов.

Из состава резервной команды Стрелков знал только боцмана Мишулина, который был дружен с Литовцевым и частенько наведывался к ним на катер, а иной раз и помогал во время авральных работ. Это был угловатый грузный парень с редкими льняными волосами, неторопливый, обстоятельный и очень хозяйственный. Сидеть без дела для него была самая страшная мука, и потому он вечно кому-то помогал. Моряки его звали ласково «наш Мишуля».

— Все в норме, — доложил Стрелкову старшина команды мотористов Мошков, полный, круглолицый и розовощекий весельчак. — Катер староват, но, думаю, не подведет. Недаром говорят, что «старый конь борозды не испортит». И наш «пятачок» на высоте будет. Не впервой!

Вот это-то «не впервой» и подвело Сергея. Начисто забыв о совете Быкова, он немедленно позвонил с пирса дежурному и, получив «добро», сыграл аврал.

В полигон прибыли почти одновременно с крейсером. Заглушили моторы, и Стрелков объявил перекур. Погода благоприятствовала успешному выполнению задания. Солнечная, тихая. Море блестело, как отполированное. Солнце пригревало, и катерники разоблачились — сняли шлемы, сбросили ледеролевые куртки и блаженствовали, пристроившись на корме в торпедных желобах.

— Месяц назад уже были здесь, — делился воспоминаниями боцман Мишулин. — Обеспечивали эсминцы. Командир головного — капитан третьего ранга Балашов, остался доволен нами.

— Балашов? — переспросил Сергей. — Знаю такого, я с его мамашей ехал от Москвы до Владивостока. Он даже приглашал к себе служить.

— А что, — встрепенулся боцман, — ух и красивые же корабли, эти эсминцы!

— Да-а, — согласился Стрелков, — и я их люблю. Самые универсальные корабли на флоте. Любая задача им по плечу. И не такие громоздкие, как крейсер. Вон какая махина стоит, — кивнул он в сторону.

— Серьезный корабль, — вступил в разговор и Мошков. — Не то что наша игрушка. И все же я люблю ге-пятые. Скорость, что надо. Маневренность — будь здоров! Попробуй попади в такой. А сам потопить может и эсминец, и даже крейсер.

Сергей доверчиво улыбнулся старшине. Конечно же, торпедные катера — это особый разговор. Почему-то вспомнилось свое короткое пребывание на линкоре «Октябрьская революция», где небольшой пятый каземат, куда поместили группу курсантов,

был куда больше, чем весь ге-пятый. «Нет, хорошо, что я попал на торпедные», — подумал он.

— Боцман, — раздался крик моториста Сахарова, — с крейсера семафорят.

Мишулин моментально вскочил и, выдергивая из-за пояса сигнальные флажки, ринулся на нос.

Вскоре он уже читал передачу сигнальщика с крейсера, изредка давая отмашку флажком, что означало: «слово разобрано и принято».

— Товарищ командир, с крейсера получен семафор: «Подойти к борту. Командир».

— Кончай перекур. Мошков, заводи моторы.

Мошков нырнул в машинное отделение, а Сергей занял место у штурвала, на ходу застегивая китель и поправляя пилотку.

Катерники надевали куртки и приводили себя в порядок. Через минуту Сергей забеспокоился.

— Ну, что там, Мошков, почему не пускаете моторы?

— Да что-то не заводятся, черти. Вроде бы все делаем как надо.

Прошли томительные две-три минуты. Моторы молчали. Сергей стал не на шутку нервничать. А когда из люка высунулась голова Мошкова и Стрелков увидел его виноватые глаза, то понял — случилось что-то непоправимое.

— Бензин вытек, товарищ командир, — не глядя Стрелкову в глаза, выдавил Мошков. — Бак худой оказался, и куда я смотрел только…

— Ну что, совсем нет ни капли? — в отчаянии спросил Сергей. — До крейсера-то хоть дотянем?

— Нет. Не завести моторы. Может быть, на крейсере разживемся топливом?

Стрелков с досадой отмахнулся, мол, мастера вы давать советы, смотреть надо было, как следует. И, чувствуя всю позорность своего положения, упавшим голосом скомандовал:

— Боцман, передай семафор: «Не могу подойти по техническим причинам».

Через несколько минут Стрелков заметил, как крейсер дал ход. Он медленно разворачивался в сторону торпедного катера и явно намеревался подойти к нему.

«Этого еще не хватало», — Сергей готов был сквозь палубу провалиться. Теперь не оберешься разговоров в базе. Такую простую задачу, а главное первую самостоятельно — и не выполнил. Завалил!

А крейсер тем временем приближался. Уже слышны были его гулкое дыхание и команды на мостике. Вот уже остановлены

машины и махина крейсера, как огромная стена, наползает на маленький катер. Переложили рули, и корма пошла влево. А через несколько секунд крейсер застыл всего в каких-то пяти — семи метрах от катера. Боцман Мишулин быстро набрал бросательный конец, резко швырнул его на палубу крейсера. Стрелков видел, как тросик тонкой змеей выгнулся в полете и плотная шишечка на его конце, именуемая почему-то «легкостью», устремилась к палубе крейсера. Вот она уже зависла над ней и стоявший на палубе матрос, ловким движением руки перехватил тросик в полете и стал выбирать на палубу. Вместе с тросиком пополз носовой швартов катера, прикрепленный к бросательному концу.

И вот катер уже стоит ошвартованный по правому борту крейсера. Стрелков видит, как, перегнувшись через борт, невысокий капитан 1 ранга заглянул вниз и, покачав головой, сообщил в мегафон:

— Много где приходилось швартоваться, но чтобы к торпедному катеру, так это впервые. Ну, что там у вас приключилось?

— Бензин вытек, — сгорая от стыда, доложил Стрелков.

— Ну, даешь, командир! Как же это ты дошел до такой жизни?

— Старый катер. Бак прохудился, перед выходом этого не заметили. Теперь течь ликвидирована, но бензина нет.

— Плохо, что не проверили. Ну ладно. Механик, — обратился он к стоявшему рядом офицеру, — выдай этим горе-морякам топливо, а то ведь торпеды некому будет ловить.

— Сейчас, товарищ капитан первого ранга, накладную оформлю.

— Отставить, никаких накладных, много ли им надо.

Получив бензин, Стрелков отвел катер в указанном направлении и стал ожидать начала учения.

В атаку крейсер выходил по всем правилам морского искусства, ложась на положенные курсы зигзага и ведя артиллерийский огонь. Эскадру «противника» имитировал старый фрегат, переименованный в корабль-цель. Он тоже маневрировал, пытаясь не дать крейсеру занять выгодную позицию для залпа.

Стрелков вовремя засек момент залпа и, определив направление торпед, немного переместился к району, где торпеды должны были, пройдя заданное расстояние, продуть сжатым воздухом воду из практических зарядных отделений и, получив положительную плавучесть, всплыть. Торпеды всплыли, как и положено, вблизи от катера. Команда действовала особенно

четко, всем, видно, хотелось как-то загладить промах, и торпеды в считанные минуты были взяты на буксир и отбуксированы к торпедолову, где их с помощью специальных приспособлений втянули на борт и уложили в желоба. С крейсера пришел семафор: «Благодарю за работу. Следуйте домой».

Расстроенный вконец случившимся, Стрелков через час ошвартовал катер у пирса и ушел докладывать дежурному о выполнении задания.

Дежурный, полный, розовощекий капитан 3 ранга, выслушав доклад, от души расхохотался.

— Ну, Стрелков, и развеселил ты меня. Так, значит, говоришь, крейсер ошвартовался у тебя по левому борту? Силен мужик. Вот только, думаю, Турков смеяться не будет, а уж что скажет тебе Василий Иванович даже и не знаю.

Неожиданно для Стрелкова Турков не стал его ругать, а спокойно заметил:

— Перед выходом в море лучше надо проверять матчасть. Ну, а что касается катера, я думаю, что пора его списывать, отвоевался.

И еще раз, посмотрев на Стрелкова, стоявшего с убитым видом, махнул рукой:

— Не горюй, лейтенант. Ну, посмеются, не без этого. Но ведь и есть из-за чего. А впредь наука будет — море легкомыслия не любит.

ЧП

Катер Стрелкова в составе дивизиона вышел на очередные торпедные стрельбы на полигон.

В час ночи по сигналу флагмана, охватывая отряд боевых кораблей «противника» с обоих бортов, катера ринулись в атаку. Яркие полосы прочертили темную маслянистую поверхность залива: в торпедах включились световые приборы. Сергей видел: клинки полос скрестились там, где пролег курс «противника». Значит, все нормально!

Но прошло не меньше получаса с момента атаки, а сигнала о возвращении в базу все не было. Катер Стрелкова стоял с застопоренными моторами, ожидая команды флагмана.

— Чует моя душа, — вздохнул боцман, — что потеряли торпеду. Теперь хлопот не оберешься.

«Только не это, — подумал Сергей. — Потеря торпеды — это же ЧП!»

Но душа Литовцева не обманула: в подтверждение ее мрачных предчувствий радист Соловьев доложил:

— Товарищ командир, получено приказание комдива — искать в районе полигона торпеду.

— Оба дизеля «самый малый», — решительно скомандовал Стрелков, не подавая вида, что настроение его резко упало.

Катер медленно буравил ночную мглу.

— Боцман, включить прожектор!

Огненная лента скользнула по волнам.

— Всем, кроме мотористов и радиста, искать торпеду. Кто обнаружит — десять суток отпуска…

Таков был неписаный закон на флоте. Боцман разбил всех по секторам наблюдения. Яркий сноп прожектера пробегал по часовой стрелке от левого до правого траверза по поверхности залива. Но море было пустынно. Лишь небольшие волны катились с юга, где тяжело дышал Тихий океан.

«А погода-то портится, — подумал Сергей. — Вон и гребешки уже появились. Наверное, балла три-четыре».

Где-то на десятом галсе почти прямо по курсу мелькнуло что-то круглое и тотчас скрылось за гребнем волны.

— Стоп моторы! Усилить наблюдение в носовом секторе!

И почти в то же мгновение раздался голос боцмана:

— Прямо по курсу, полкабельтова, круглый предмет!

Луч прожектора прыгнул в носовой сектор и замер, осветив пляшущий на волнах шар с ярко раскрашенными полосами, очень похожий на детский мяч.

— Молодец, боцман! Это же торпеда!

Сергей вспомнил, как в училище на экзамене по торпедному оружию ему выпал вопрос: «Устройство отметчика места потопления торпеды». Он тогда довольно толково рассказал преподавателю, что это — продолговатый цилиндр с гидростатом, вставляемый в одну из горловин торпеды. Срабатывает от давления свыше предельной глубины хода торпеды. И что есть в этом цилиндре пружина, выталкивающая на волю шар, заполняемый газом, при всплытии. Шар, разматывая тросик, устремляется к поверхности, обозначая место потопления торпеды.

Пожалуй, кроме торпедиста Красанова, никто еще из команды катера ни разу не видел такого шара.

— Боцман, отдать якорь! Радист, — крикнул в переговорочную трубу Стрелков, — передайте радио: «Стою на якоре у места потопленной торпеды».

— Поздравляю, боцман, — кисло улыбаясь, подошел к Литовцеву Багелев. — Счастливчик ты, в отпуск поедешь.

— Товарищ командир, — вынырнул из рубки радист. — Получено приказание: «Стоять до подхода торпедолова».

Вскоре показался и торпедолов.

— Где торпеда? — услыхал Стрелков знакомый скрипучий голос минера Курова.

— Торпеды нет, она утонула, — доложил Сергей. — Отметчик сработал. А чья торпеда?

— Номер головки — девять, — ответили с торпедолова.

— Это не моя, — обрадовался Стрелков.

— «Моя — не моя» потом разберемся, — проскрипел Куров. — Мы уходим, ждите водолазов.

Стрелков не успел возразить, что, мол, пусть стоит тот, кто утопил торпеду, а торпедолов уже дал ход и скрылся.

— Вот, черт, — с досадой буркнул Сергей. — Влипли в историю.

Погода резко ухудшалась. Приближался шторм. Стрелков понимал, что в этих условиях водолазный бот не выпустят из базы и что стоять теперь им здесь, кто знает сколько. А волны становились все круче. Сергей ощущал резкие подергивания, результат борьбы волн с якорь-цепью.

— Боцман, замерьте глубину!

Литовцев достал из рубки ручной лот — обыкновенный трос, на конце которого продолговатый конус свинцового груза. А по длине троса через определенные расстояния закреплены знаки в виде зубцов, топориков и флагдухов, по цвету которых и количеству можно точно определить глубину места.

— Глубина тридцать два метра, — доложил боцман.

— Вытравить якорь-цепь полностью.

«Плохо, — думал Сергей, — глубина великовата».

И перед ним вновь словно бы раскрылась страница знакомого учебника:

> «Для того чтобы якорь забрал как следует и прочно удерживал корабль на месте, необходимо, чтобы длина вытравленной якорь-цепи втрое превышала глубину места».

То есть нужна была стометровая цепь, а эта была вдвое короче.

«Нет, не удержаться нам на месте, да и грунт каменистый, как назло».

Опасения Сергея подтвердились уже через несколько минут, когда боцман доложил, что катер сносит.

— Чего доброго, потеряем торпеду, — забеспокоился Красанов.

Пришлось выбрать якорь и малым ходом опять подойти к шару. Тот неистово плясал на волнах, и ясно было, что его вот-вот сорвет.

Посоветовавшись с Литовцевым, Стрелков решил рядом с шаром сбросить буек Сакса — элементарное полено с тросом и грузом. Степень надежности буйка была куда выше шара. Это стало особенно ясно, когда очередной волной шар оторвало от тросика и ветер унес его в ночь.

Сергей дал радиограмму в базу: «Погода ухудшается, глубина тридцать два, стоять на якоре не могу».

Ответ последовал немедленно: «Стоять до прибытия водолаза». А вскоре резкий рывок потряс катер. Сергей выскочил из рубки на палубу:

— Литовцев, что там?

— Вырвало якорь-цепь, товарищ командир, у самого жвака-галса.

Якорь-цепь вместе с якорем ушла на дно. Теперь решение могло быть только одно:

— Соловьев, сообщите дежурному: «Сорвало с якоря, возвращаюсь».

У пирса Стрелкова уже ждал минер Куров.

— Турков отдыхает. Я принял решение: берите новый якорь с якорь-цепью и возвращайтесь в точку.

— Так ведь там стоять нельзя. Штормит. Потеряем и этот якорь.

— Это не ваша забота, выполняйте приказание.

Сдерживая накипевшее возмущение, Стрелков потребовал:

— Хорошо, я уйду, но прошу записать в вахтенном журнале это приказание.

И он не ушел до тех пор, пока Куров не начертал своим витиеватым почерком:

> «Приказываю возвратиться к месту потопления торпеды и встать на мертвые якоря».

В росписи его четко выделялись только первые две буквы: «Ку», а дальше следовало целое нагромождение завитушек и росчерков.

Чертыхаясь и поминая недобрым словом Курова, Стрелков стал готовиться к новому выходу. Пока боцман с командой перегружал на катер новый якорь с якорь-цепью и закреплял ее у жвака-галса в носовой части — форпике, Стрелков договорился с дежурным и захватил три вехи для обвехования места потопления торпеды.

«Теперь хоть надежно обозначу им место, никакой шторм не сорвет вехи».

Через полчаса катер вновь уходил во тьму. В заливе стояло сплошное месиво волн. «Баллов шесть, как минимум», — определил Сергей.

Но приказ есть приказ, он не обсуждается. Это Сергей усвоил твердо.

Он проложил точный курс к месту, где был сброшен буек. Но следовать этим курсом было очень трудно. Сильный боковой ветер и волны сносили катер, идущий малым ходом. Увеличивать скорость на такой волне было опасно.

Найти в мешанине волн и пены маленький буек казалось Сергею делом почти невозможным. Однако ему повезло. В тот самый момент, когда он уже считал, что сбился с курса и надо начинать трудный поиск, на волне справа по борту в рассветной синеве мелькнул на какое-то мгновение и скрылся снова буек и торпедный электрик Аметов засек его:

— Товарыщ командыра, там буйка. Всеми глазом видел.

— Ну, Аметов и востроглаз же ты, — похвалил электрика Стрелков. — Два внеочередных увольнения в город!

Поставив вокруг буйка треугольником вешки, Стрелков приказал отдать якорь и доложил дежурному: «Прибыл в точку, обвеховал, стоять на якоре невозможно». Ответ был прежним: «Стоять до прибытия водолаза».

А через час, когда уже заметно рассвело, новая мощная волна положила катер почти на борт, раздался хруст и второй якорь с якорь-цепью ушли на дно.

Когда же, определив свое место по трем пеленгам и отметив точку на карте, Стрелков вновь радировал: «Потерян второй якорь, ухожу в ближайшую бухту», дежурный ответил: «Стоять в бухте, продукты доставим водолазным ботом».

Небольшая бухточка, куда вел теперь свой катер Стрелков, совсем не просматривалась с моря. И если бы не записи, сделанные им в штурманском походе и не лаконичная фраза Быкова: «Удобное укрытие в штормовую погоду», то наверняка он увел бы катер в более отдаленное и менее удобное место стоянки.

Обогнув двугорбую косу, отделяющую бухту от залива, катер в последний раз резко накренился на правый борт и встал на ровный киль.

Рядом, всего в каких-то двух-трех кабельтовых, бушевало море. Его громовые басы напоминали о шторме. А здесь, в укрытой от ветра и волн бухточке, было тихо, и лишь мелкая рябь прокатывалась по овалу скованного водного пространства и зеленые языки волн лизали отлогие берега.

Сергей отыскал глазами в глубине бухты пирс, с правой стороны которого стояла небольшая баржа. Левая сторона была свободной.

— Боцман, изготовьте концы и кранцы с правого борта.

И только когда уже был дан отбой моторам и катер прочно закреплен у пирса, Стрелков облегченно вздохнул. И хотя тяжелые испытания минувшей ночи убедили его в слаженности экипажа, в знании каждым своих обязанностей, все же нервное напряжение, ответственность ва катер и людей порядком измотали его.

Собрав всю команду на баке, Стрелков ознакомил их с дальнейшим планом:

— Будем стоять здесь до конца штормовой погоды. Ждать водолазный бот. Тем временем каждому тщательно проверить свое заведование, провести необходимые осмотры приборов и механизмов. Багелеву изучить окрестность, боцману и Аметову организовать завтрак. После завтрака до двенадцати часов — отдых.

МОРСКОЙ КОМПОТ

Защищенная от ветров бухта была идеальным местом для отдыха. Это Стрелков понял уже в первые минуты. На широкой песчаной полосе можно было позагорать, сыграть в волейбол (благо у боцмана мяч был), а спокойная голубая акватория бухты с небольшими глубинами и чистым дном манила покупаться.

«А почему бы и нет? — подумал Сергей. — Сразу с подъема организуем купание».

Ровно в двенадцать часов дежурный по катеру Красанов произвел подъем и объявил по мегафону:

— Личному составу приготовиться к купанию, форма одежды — трусы.

Весело высыпали моряки на пирс, где в плавках и шапочке их ждал командир. Стрелков заинтересованно осмотрел ладные, крепкие, бронзовые фигуры команда и остановил свой взор на Букине. Тот выделялся среди своих загорелых товарищей совершенно белым телом.

— Букин, что так?

— Некогда было загорать, — понял тот вопрос командира. — Много объектов, а я один.

— Плавать-то хоть умеешь?

— Умеет, умеет, — опередил его боцман. — Тоже прошел мою школу.

— Район купания, — объявил Стрелков, — от борта катера влево на двадцать — тридцать метров и к берегу. Дальше не заплывать. Рекомендую сразу учиться правильно плавать. Сегодня я вам покажу кроль.

Понимая, в каком щекотливом положении находился боцман, Сергей поручил ему наблюдать за порядком во время купания.

— Сами потом искупаетесь, найдете время.

— Добро, — благодарно отозвался боцман.

Изучению стиля было уделено минут пять. На большее терпения ни у кого не хватило. Морякам хотелось просто поплескаться и подурачиться в воде. Стрелков не стал их одергивать. «Пусть отдыхают — заслужили. Когда еще выпадет такая возможность?»

После купания боцман вытащил мяч и пытался организовать круг для игры в волейбол. Но большинство хотело погонять в футбол и Литовцев сдался.

— Валяйте, только сильно мяч не лупите. Все же — волейбольный.

Здесь свое мастерство показал Букин. Он оказался отменным

футболистом. Маленький, шустрый, он виртуозно владел мячом, обводя одного за другим и, наконец, прорвался к «воротам» (две чурбашки, брошенные на песок на расстоянии семи шагов). Стоявший в воротах Леонов бросился в ноги Букину и в последнее мгновение все же выхватил мяч. Не в силах остановиться, Букин упал на Леонова, а на Букина повалились, шутя и балагуря, остальные игроки.

— Куча мала! — закричал Багелев, выждал момент, когда все уже валялись на песке, и в свою очередь вскочил на спину Аметову, победоносно возвышаясь над всеми.

Стрелков с улыбкой смотрел на них. Ему так хотелось принять участие в этой свалке, но он сдержался: неудобно, вроде.

— Команде умываться, приготовиться к обеду. Форма одежды — по пояс раздетыми, — возвестил Красанов.

Во время обеда Багелев сообщил:

— Я разведал окрестности, товарищ командир. Мы находимся рядом с рыболовецким колхозом. Есть магазин. Можно купить свежий хлеб.

Продуктов на катере было на три дня, не считая НЗ. Но за хлебом решили сходить.

— А еще тут есть небольшой клуб. Если командир позволит — сходим на танцы.

— Посмотрим, Багелев, — неопределенно ответил Стрелков. — А больше ничего интересного вы не заметили?

— Заметил, товарищ командир, — обрадованно, как будто ждал этого вопроса, отозвался Багелев и при этом таинственно понизил голос.

Команда с любопытством придвинулась к Багелеву. Все знали — он мастер до разных выдумок.

Воодушевленный вниманием, Багелев, как и полагается любимцу публики, начал разыгрывать спектакль:

— Иду это я, — подмигнул он Карпову, — и вдруг из кустов прямо на меня выскакивает тигр.

Аметов даже рот раскрыл от удивления.

— Какой тигра? Откуда?

— Из кустов, говорю. А какой? Обыкновенный, уссурийский. И тогда я…

— Как зарычу на тигра, — подал реплику Соловьев, — он и лапки кверху.

Грянул дружный смех. Багелев неожиданно обиделся:

— Не хотите, не буду рассказывать.

— Давай, Багелев, трави дальше, — весело подбодрил его Литовцев.

Багелев сделал вид, что вынужден продолжать

исключительно из уважения к боцману.

— Так вот, — сурово сказал он. — Рычать я на него, естественно, не стал, потому что, вглядевшись, понял, что это коза.

Снова взрыв хохота. Поротиков даже согнулся пополам от смеха.

Багелев важно переждал, а потом поднял палец:

— Но я сделал один важный вывод.

— Что коза это не тигр, — ехидно заметил радист.

Опять хохот. Поротиков на этот раз даже заплакал.

— Нет, товарищ флотский интеллигент, сто раз нет, — довольный произведенным эффектом, совершенно серьезно отвечал Багелев. — А вывод такой. Раз есть козы, значит, есть и молоко. Берусь достать в обмен на тушенку и шоколад.

— Добро, Багелев, действуйте, — Стрелков и сам смахнул рукой слезы.

И уже к вечеру вся команда отведала козьего молока, добытого Багелевым.

На вторые сутки утром Стрелков после хорошей физзарядки и пробежки по берегу вернулся на катер. На корме у дымаппаратуры, положив под себя капковый бушлат, сидел Аметов и чистил картошку.

Увидев командира, Аметов вскочил и доложил:

— Чистым картошка, боцман борща заваривать будет.

— Сиди, сиди, Аметов.

Стрелков подсел к нему и оценивающе посмотрел на мешок с картошкой.

— Подвинься маленько, помогу.

— Не нада, товарыщ командыра. Я сам.

— Сам, сам, Аметов. Конечно, сам, я так — по ходу дела.

Стрелков вынул из кармана кителя складной нож, выбрал большую картофелину и ловко разделался с ней. Пока Аметов обрабатывал одну, он уже заканчивал вторую.

— Зачем так быстро? Рука обрезать можно, — сказал Аметов.

— Не порежу, нас еще в юнгах обучали этой премудрости.

Из машинного люка показалась голова мотористa Карпова. Увидев чистивших картошку, он сказал:

— Товарищ командир, давайте лучше я помогу Аметову.

— Не возражаю. Втроем еще быстрее управимся.

Мешок отощал быстро.

— Аметов? Как с картошкой? — раздался из кубрика голос боцмана.

— Все, чиста, — доложил Аметов.

— Уже? — Литовцев вышел на палубу и, оценив обстановку,

все понял: вот это работа, класс.

— Ну тогда вот что, Литовцев, вари флотский борщ, а мы с Карповым слетаем в магазин за огурцами.

Стрелков заметил просительный взгляд Аметова.

— И Аметов тоже с нами. Пусть прогуляется.

Обед получился на славу.

— Королевский борщ, — похвалил Багелев, уписывая за обе щеки. — Лучше только бабка моя умела готовить, — Багелев показал большой палец: — Молодец, боцман!

Мотористы закивали головами, поддерживая своего старшину. Видно было, что такое дружное одобрение команды мотористов пришлось по душе боцману. Он весь сиял и, подрезая еще хлеб, переспрашивал всех:

— А может, добавки?

От добавки не отказались. Отдали честь и гречневой каше с тушенкой.

— И каша замечательная, — высказался радист Соловьев.

— Самая вкусная — компот, — заявил Аметов. — Сам варил, младшая кок, — улыбался он, тыча себя в грудь кулаком.

— Давай, Аметов, тащи компот, — скомандовал боцман. — Да осторожно, не опрокинь.

Компот остывал в чайнике, подвешенном за бортом.

На стол выставили эмалированные кружки, и боцман щедро наполнил их до краев.

Стрелков первый отхлебнул и чуть не выскочил из-за стола. Компот был горько-солено-сладкий. Еле сдержавшись, он спокойно спросил Аметова:

— Значит хороший компот?

— Самая лучший, два пара кружек пить нада.

— Ну-ну, давай…

Стрелков с удовольствием наблюдал, как Аметов, улыбаясь, поднял кружку и шутливо поклонился:

— Ваша здоровья.

Стрелков, не отрываясь, смотрел, как пьет Аметов, и ждал реакции. Однако Аметов выпил все и, вытерев рот рукавом робы, налил еще. Но теперь уже настороженно покосился на боцмана. Литовцев отпил глоток, и глаза его застыли в недоуменье.

— Это что? — строго спросил он Аметова.

— Компот, сухофрукта, — тихо и жалобно проронил тот.

— Сам ты сухофрукт, — рассердился боцман. — Когда чайник опускал в воду, носик заткнул, как я говорил?

— Забыла, — сокрушенно вздохнул Аметов.

— Все ясно, компот с морской водой. Флотский. Эх, Аметов, какой компот загубил.

Под общий хохот Аметов даже не пытался оправдаться. Он был совершенно убит.

— Ладно, — сказал Стрелков, вставая, — бывает. Простим младшему коку эту ошибку.

С тех пор слова «морской компот» стали нарицательными на катере. Так стали называть каждую неудачу, что случалась с кем-нибудь.

Так они жили трое суток.

Сергей благодарил судьбу, подарившую ему эти дни. На занятиях, во время осмотров и спортивных тренировок, в долгих разговорах по вечерам в непринужденной обстановке он еще ближе узнал свой экипаж.

Запомнился ему и вечер вторых суток, когда моряки решили устроить на баке самодеятельное представление. Ведущим и непременным участникам был Букин.

— Первым номером нашей программы, — начал он концерт, — ария Дубровского из одноименной оперы Направника. Солист боцман катера, старшина первой статьи Литовцев.

Боцман вышел на середину, откашлялся и подмигнул кому-то, находившемуся в штурманской рубке. Оттуда послышатся характерный звук грамзаписи, боцман открыл рот и голосом Козловского запел:

Итак, все кончено,
Судьбой неумолимой
Я осужден быть сиротой.

Выдумка всем понравилась. Боцману бурно аплодировали.

— Уникальные исполнители матросского танца «Яблочко», артисты-мотористы Леонов и Калинин. Аккомпанирует на гармони моторист-гармонист Карпов, — объявил очередной номер Букин.

Карпов солидно пробежал пальцами по ладам. В это время танцоры заняли место в центре небольшого круга на палубе.

Карпов не спеша вывел первые такты танца. Леонов и Калинин ударили в ладоши, пробежали руками по груди и коленям и двинулись на Стрелкова, четко отбивая каблуками в такт музыке.

Это, конечно, был самый сильный номер. Потом Карпов сыграл на гармошке «Саратовские страдания». Букин читал басни и получил одобрение.

Дошла очередь и до Стрелкова.

— Слово вам, товарищ командир, — объявил Букин.

Сергей встал, ему хотелось прочитать что-нибудь свое, но все же он не решился, а прочел стихи Алексея Лебедева «Бухта Безмолвия»:

Здесь спит песок, здесь спит лазурь морская
В полукольце гранитных серых скал;
Пройдет гроза, бушуя и сверкая,
Ударит в берег океанский шквал…

Стихи понравились всем. Еще долго веселились моряки.

…Да, этот вечер для Стрелкова был как откровение. Он увидел, как интересен каждый в его экипаже и искренне радовался этому.

И все бы хорошо, но Стрелкову не давала покоя мысль, что торпеда еще не поднята, якоря на дне. И хоть он понимал, что это не его вина и пока штормит нечего и думать о приходе водолазного бота, все же по нескольку раз в сутки поднимался на скалу, чтобы в бинокль посмотреть на поставленные им вехи.

На четвертые сутки море стихло и Стрелков с утра занял свое место у трех вешек. В полдень показался водолазный бот. Он доставил продукты и газеты.

Торпеду нашли к вечеру. Она лежала на грунте, всего в каких-то десяти метрах от буйка.

— Ну, кончились наши мытарства, — поздравил всех начальник штаба, прибывший в точку вместе с водолазами. — Давайте, Стрелков, радиограмму дежурному и возвращайтесь. Кстати, вы почему не доложили, что потопленная торпеда не ваша?

— Ну, как же, я сразу сказал об этом минеру Курову. А чья она?

— Андреевского. Хороший у вас дружок, знал и и молчал.

— Что-то в числе дружков я таких не припомню, — буркнул Сергей. — Но дело не в этом. Главное — торпеду нашли. Может быть, водолаз и якоря поищет, все-таки два якоря с якорь-цепями.

— Хорошо, учтем, командир, — согласился начальник штаба. — Но это уж без тебя решим. А ты возвращайся.

НОЧНЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Катера все чаще выходили в море, отрабатывая ночные торпедные атаки. Близились зачетные стрельбы, и каждый командир еще и еще раз проверял, все ли у него готово. На отдых почти не оставалось времени. В море уходили вечером, возвращались под утро. Короткий разбор атак в штабе, потом командиры садились за отчеты, которые следовало незамедлительно сдавать в штаб.

Атак за ночь у каждого было по три-четыре, и писание отчетов отнимало первую половину дня. Усталость валила с ног, но сроки были жесткими: откладывать некуда. Наступала ночь — очередной выход в море, атаки, разборы, отчеты.

Круговорот событий не давал передышки. И только послеобеденный, так называемый «адмиральский час», полностью принадлежал командирам.

Стрелков выгадывал еще минут сорок за счет того, что не ходил на обед и отдыхал на катере, предварительно наскоро съев пару бутербродов и выпив стакан горячего чая из термоса. Полутора часов сна явно не хватало, но он был молод и полон сил и в тринадцать пятьдесят, когда под ухом начинал захлебываться будильник, вскакивал, выбегал на палубу, хватал парусиновое ведро со штертом и, набрав из-за борта воды, окатывался до пояса, бурно отфыркиваясь и встряхивая головой. Он снова был бодр и готов к действию.

Погода благоприятствовала, и, наконец, стало известно: в ночь катера, уходят на зачетные стрельбы.

Началась подготовка к выходу.

«Если хочешь, чтоб у тебя на корабле все было в порядке — проверку начинай с себя лично, — вспомнил Стрелков напутствие одного из любимых преподавателей в училище, капитана 1 ранга Всеволода Карловича Пилярского. — От внутренней организованности самого командира в первую очередь зависит боевой успех».

Всегда подтянутый, корректный, высокообразованный Пилярский был для всех курсантов образцом флотского офицера. «Да разве только он? А Сластников, Соколов, Хлюстин…»

«Впрочем, воспоминания потом. А сейчас за дело. Все сделать так, как они учили, — это и будет доброй памятью о них».

С четырнадцати часов начался наиболее ответственный этап подготовки на берегу — получение практических торпед. Их надо было проверить, затем на тележке подвезти к катеру, загрузить с помощью стрелы в аппарат. После этого надлежало проверить

готовность катера к выходу, наличие комплекта сигнальных ракет, исправность катерного прицела, получить необходимые карты, сделать предварительную прокладку и лист расчета для выхода в исходную точку и многое, многое другое, после чего, наконец, доложить о готовности к выходу.

После ужина в тактическом кабинета Турков собрал всех командиров на инструктаж, задал ряд контрольных вопросов и отпустил со словами:

— С катеров никому не отлучаться. Выход предварительно назначаю на двадцать два ноль-ноль. Рекомендую часа два отдохнуть.

Несмотря на то что весь день был очень напряженным, Стрелков об отдыхе и не думал. Нервы были натянуты до предела.

А тут еще нежданно-негаданно — неприятность. На выходе из штаба его остановил дивизионный минер Куров.

— Значит, так, товарищ лейтенант, на этот выход я пойду с вами.

Сергей даже вздрогнул от его бесстрастного скрипучего голоса. Минера Курова на катерах боялись. У многих даже был какой-то суеверный страх. Утверждали, что Куров приносит несчастье.

Женщина на корабле — к беде, а Куров — к ЧП.

Странные вещи рассказывали об этом человеке. Восемь лет назад пришел на катера молодым лейтенантом на должность командира торпедного катера. Поначалу служба шла вроде бы хорошо. Через два года он стал командиром звена. А потом из-за упущений в дисциплине и боевой подготовке был понижен до командира катера. Назначение дивизионным минером воспринял, как верх удачи, и чрезвычайно усердствовал на своем посту. Однако в море минер старался не выходить, а если выходил, это событие обязательно заканчивалось какими-нибудь происшествиями.

Зная это, Стрелков отчаянно отбивался от «чести» взять с собой в море Курова.

— Товарищ капитан-лейтенант, — убеждал он минера, — не надо. Мне очень важно самостоятельно решить все задачи на этом выходе.

— А я вам не помешаю, — стоял на своем минер, — наоборот, где надо — подскажу.

— Вот этого-то я и не хочу, — упорствовал Стрелков.

— Хорошо, не стану подсказывать, просто помогу. Буду вести катерную ведомость, засекать время по секундомеру, короче говоря, пригожусь на подсобных работах.

— Не надо. Очень прошу, — взмолился Сергей.

— Не понимаю, — повысил тон Куров. — Комдив мне разрешил, и я пойду именно на вашем катере. Все!

Он энергично махнул рукой, отметая дальнейшие споры, и ушел в штаб.

Стрелков тяжело вздохнул.

— Да, брат, Куров — это не к добру, — ехидно заметил проходивший мимо Андреевский. — Подготовься получше, чтобы топливо, чего доброго, из цистерны не вытекло.

— Следи лучше за своими торпедами, — разозлился Сергей. — А то их другим искать приходится.

Настроение было испорчено.

…Катер вот-вот должен отойти от пирса, а минера все не было. Уже подана команда: «Отдай носовой!» и Стрелков в душе порадовался, что минер опаздывает. Но именно в этот момент Куров вынырнул из темноты и ступил на палубу катера. «Успел-таки», — подосадовал Сергей.

А Куров уже что-то зудел в ухо боцману, но тот отмахнулся, «мол, некогда, извините» и, упираясь отпорным крюком в пирс, отводил нос катера на выход.

— Отдать кормовой!

Пирс медленно поплыл вдоль борта катера и неожиданно оборвался. Катер разворачивался на линию красных огней выходных створов и уходил в ночной океан. Слева по борту в ночи еще некоторое время были видны огни казарм и штаба, а несколько повыше — дом, где жил Сергей. В крайних окнах второго этажа, где находилось офицерское общежитие, было темно. Все ушли в море. В остальных окнах ярко горел свет. Вот и Катя приедет — будет также поджидать его.

— Товарищ командир, — доложил боцман, — время поворота по секундомеру.

Но Стрелков уже и сам видел это. Подвернув вправо, он выводил корабль на фарватер, ведущий к выходу в Западный залив.

Переход в назначенную точку был кратким. Уже в двадцать три часа застопорили ход и доложили по УКВ, что заняли исходную позицию.

А через двадцать минут получили приказ атаковать «противника». «Отлично, — обрадовался Сергей. — Атакуем первые».

Не один десяток тренировочных торпедных атак провел он в море ночью и, казалось бы, что волноваться, все ясно. Однако Сергей снова почувствовал сухость во рту, как всегда приходящую в минуты особого волнения. А тут еще этот Куров! Как бы он что-

нибудь не «отмочил».

Радиометрист точно засек место корабля-цели и доложил:

— Товарищ командир, по пеленгу вижу цель.

— Торпедная атака!

Катер развернулся в сторону цели и лег на курс 165 градусов. Вскоре по изменению пеленга были определены сторона движения цели, примерный курс и скорость «противника». Установив данные на катерном прицеле, Стрелков продолжал сближаться с целью.

— Дистанция тридцать… двадцать кабельтовых, — докладывал радиометрист.

— Боцман! — крикнул в мегафон Стрелков.

Литовцев появился почти мгновенно.

— Спецпатрон готов?

— Так точно!

— В момент залпа дадите красную ракету, а Красанов пусть выбросит патрон за борт. И секундомер запустите.

Спецпатрон — это как костер на посадочной площадке аэродрома. Достигнув поверхности моря, он вступает в реакцию с морской водой и дает вспышку.

Не успел боцман скрыться, как рядом со Стрелковым появился Куров.

— Стрелков, я возьму секундомер и спецпатрон. Лично сброшу патрон и засеку время начала движения торпеды по секундомеру.

Дистанция резко сокращалась, и Стрелкову уже некогда было обсуждать этот вопрос. Он махнул рукой минеру и крикнул: «Не надо». Но Куров, видимо, не расслышал слов, а может быть, и просто не посчитался с ними. Во всяком случае через несколько секунд он уже стоял за спиной Стрелкова, держа в руках секундомер и спецпатрон.

Катер ложился на боевой курс, подпрыгивая на небольшой волне.

— Аппараты, товсь! — Сергей вынул чеку из рукоятки цепи торпедной стрельбы.

Красанов застыл у задних крышек торпедных аппаратов, чтобы в случае если не сработает цепь стрельбы, можно было бы успеть произвести залп вручную.

— Залп!

Красная ракета взметнулась в воздух, и в тот же момент Куров размахнулся и бросил за борт… секундомер, а спецпатрон так и остался зажатым в левой руке. Зато Литовцев среагировал мгновенно. Он выхватил патрон из рук минера и швырнул его за борт.

Стальное тело торпеды сверкнуло в отсвете ракеты. Катер дернулся назад под силой отдачи, и Сергей едва успел уклониться, чтобы не врезаться переносицей в катерный прицел.

Сергей видел, как включился световой прибор в торпеде и бледная световая дорожка устремилась к цели. Резко отвернув вправо, он обошел цель с кормы и вновь увидел слева легкую световую полосу. Торпеда пересекла курс цели под кораблем!

И только теперь он понял, что произошло в момент залпа. Сергей чуть было не рассмеялся, но, глянув на Багелева, взял себя в руки. К тому же и минер стоял рядом.

Торпеда всплыла точно, где и следовало, а так как Стрелков стрелял первым, то и торпедолова ждать не пришлось.

Убедившись, что торпеда взята на буксир, Стрелков дал «отбой моторам» и объявил команде перекур. И хоть сам он был не курящим, но тоже прошел на бак. В этот момент ему особенно хотелось быть рядом с экипажем.

— Ну, как? — засыпали боцмана вопросами мотористы.

Им не видно было хода атаки и теперь хотелось знать все.

— Как надо, — солидно отвечал боцман. — Прямо под мостик.

— Тютелька в тютельку, — подтвердил Багелев. — Вы у меня молодцы, не подкачали, скорость была что надо.

— Конечно, — вмешался в разговор Стрелков, — мотористы молодцы. Но не надо забывать, что и торпедист и боцман к этой атаке имели некоторое отношение. Не правда ли? А радиометрист? Тоже. Успех нельзя приписывать кому-то одному, это — общая заслуга.

— Между прочим, нельзя забывать, что и командир участвовал в атаке, — пошутил боцман.

Все от души засмеялись, и Сергею было особенно приятно сознавать, что экипаж доволен своим командиром. Подтверждение по радио поставило последнюю точку под разговором: «Атака успешна. Задержаться до конца стрельб».

Сергей уже насчитал три красные ракеты с атакующих катеров, когда рядом услышал сопенье Курова, а потом и знакомый голос:

— Поздравляю с успехом. А секундомер жаль, — Куров вздохнул. — Придется теперь за него платить.

— Конечно, — охотно согласился Сергей. — Ну вы не расстраивайтесь, это не так уж дорого.

И он улыбнулся минеру, уверенный в том, что тот понял его прозрачный намек.

— А я и не расстраиваюсь.

Куров помолчал, посопел, потом высказался яснее ясного:

— Он ведь за вами числится.

«Ну и ну!» — Сергей не нашелся, что и ответить.

Куров пожал плечами, мол: «Мое дело — сторона». И отошел к мостику.

— Товарищ командир, — боцман тронул Сергея за рукав. — По левому борту — катер. Подходит к нам.

— На катере! — услышал Стрелков голос Туркова. — Минер у вас?

— Так точно! — ответил Сергей.

И почти одновременно откликнулся минер:

— Я здесь, товарищ командир!

— Переходите на мой катер, пойдете на корабль-цель.

— Боцман, осветите борт, — скомандовал Стрелков.

Литовцев включил прожектор и наклонил его так, чтобы левый борт был хорошо виден, а свет не слепил и не мешал швартовке головного катера.

На баке со своей неизменной планшеткой уже стоял минер. Когда нос головного катера был всего в метре от борта, Куров неуклюже взмахнул руками и прыгнул, Скользнув вдоль борта головного, минер наверняка бы свалился в воду, если бы крепкая рука Туркова не подхватила его за ворот и не втащила на катер.

— Воин-спортсмен, елки-палки, — незлобиво выругался Турков.

В следующую секунду головной катер дал задний ход и Литовцев выключил прожектор.

ПОБЕДНЫЕ СЕКУНДЫ СТРЕЛКОВА

Служба полностью поглотила Стрелкова. И все же Сергей не забывал, что совсем скоро начнется летняя спартакиада. Сергей ждал этого дня с нетерпением и готовился к нему.

Однажды, когда все уже, было, собрались идти на катера, на утреннем построении командир дивизиона объявил:

— Сегодня на катера не идем. Два дня нам отпущено на спартакиаду. Вот хорошо, что вы стоите в четыре шеренги. Так и распределим: первая шеренга — легкая атлетика, вторая — плавание, третья — гребля, парус, гимнастика, а четвертая — спортивные игры. Разрешаю поменяться внутри шеренг.

Сергей был обескуражен таким началом. Однако все остальные моряки приняли это, как должное. В строю начались перемещения. Как и следовало ожидать, первая шеренга удлинилась, остальные стали покороче.

— Легкая атлетика, — заметил комдив, — королева спорта. Итак, участвуют в спартакиаде все без исключения. Кто себя плохо чувствует, выйти из строя.

Вышло около десятка человек.

— Старшина! — командир дивизиона кивнул мичману Ходыреву, — этих поставить в наряд, а освободившихся от вахты — на стадион.

Затем строй распустили, чтобы каждый мог взять все необходимое для соревнований, переодеться в спортивную форму.

Сергей тоже заскочил в офицерское общежитие и захватил свой спортивный чемоданчик, где всегда лежали наготове плавки, шапочка, мыло, мочалка и полотенце, а также секундомер, полученный им в качестве приза на открытых соревнованиях по плаванию, где он неожиданно для себя стал победителем на дистанции сто метров в плавании на спине, правда, с весьма скромным результатом.

— Начнем с легкой атлетики, — объявил комдив. — Кто не участвует — болеть. Вопросы?

Вопросов не было. Все остались довольны такой организацией и активно готовились померяться силами с лучшими спортсменами дивизиона.

— Нале-во! — скомандовал Ходырев. — Шагом марш! Куделин, запевай!

Старший матрос Куделин, отличный гитарист, но не совсем подходящий запевала, надтреснутым голосом затянул:

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот.

Катерники дружно подтянули. Так с песней и вступили на стадион, где их уже ждала судейская коллегия во главе с начальником штаба.

День был солнечный. Легкий ветерок приятно обдувал лица спортсменов. Настроение было веселое и боевое.

На подъем флага открытия спартакиады были вызваны трое лучших спортсменов, и Стрелков очень удивился, увидев среди них грузного рыжего боцмана.

— А он что? — толкнул Сергей в бок длинного и тощего лейтенанта Шелкова.

— Кто? Рогов-то? — восторженно откликнулся Шелков. — О! Это — сила. Рекордсмен по толканию ядра, призер первенства флота.

— Вот как? А с виду такой грузный и неповоротливый.

— Взрывной он. Увидишь сам.

— Ну, а ты в чем подвизаешься? — поинтересовался Сергей.

— Я-то. Конечно — баскетбол. По-моему, и так ясно, — посматривая на Стрелкова вниз, улыбнулся Шелков.

— Спартакиаду открывает бег на сто метров! — объявил в мегафон главный судья. — Участникам приготовиться.

Около судьи по бегу стала собираться небольшая группка бегунов-спринтеров. Все это были в основном жилистые, поджарые и высокие ребята. Они подскакивали на месте, приседали, занимая стартовое положение, неожиданно срывались с места и пробегали метров десять — пятнадцать с завидной скоростью. Чувствовалось — готовы к бою.

Среди участников почему-то оказался комдив. Стрелков улыбнулся, представив себе не миг, как невысокий и уже тяжеловатый Турков вдруг де побежит стометровку. Подошел поближе и совсем поразился, услыхав, как тот обратился к флаг-штурману, судившему легкую атлетику:

— Ты, брат, поставь меня в сильнейший забег, вместе с Максимовым, Шаровым и Тихоновым. Не хочу бежать со слабаками.

— Хорошо, Петр Федорович, так и сделаем. Только в сильнейший. Кстати, это первый забег.

— Отлично, сразу отстреляюсь.

«Небось шутит, — подумал Сергей, — других подбадривает». Но увидев, что тот по команде: «Первому забегу приготовиться», решительно двинулся к линии старта, совсем опешил. «Вот дает,

старик!»

Среди трех рослых и молодых парней комдив явно не смотрелся. Но он не обращал внимания на улыбки присутствующих и дружеские подначки.

Как и следовало ожидать, Турков на финише был четвертым, заметно уступив молодежи. Однако это его нисколько не огорчило.

— Ну что, видел? — победоносно спросил он начальника штаба. — Есть еще порох в пороховницах! Ну, отстал, так и всего-то, считай, на полноздри, а ведь бежал с сильнейшими…

Все доброжелательно улыбались и, видать, очень гордились своим комдивом. Спартакиаде был дан мощный импульс.

— Вот, Стрелков, — весело заметил неожиданно появившийся рядом Гуськов, — что значит сила личного примера!

— А вы тоже будете участвовать? — поинтересовался Сергей.

— А как же! Я волейбол люблю. Разряд, правда, невеликий, всего второй. Но в сборную дивизиона вхожу. Ну, побегу разминаться. На плавание приду за вас болеть.

Первенство по плаванию проходило в уютном закутке бухты. Два бона, поставленные на расстоянии пятидесяти метров на якоря, точно обозначили импровизированную водную станцию. С бонов свешивались деревянные щиты, от которых протянулись дорожки из тонкого троса с пробковыми насадками. Получилось вполне прилично.

На всех своих любимых дистанциях: в плавании вольным стилем, на боку и на спине, Сергей был вне конкурса, победы дались ему легко.

Но это не принесло ему радости, так как результаты были значительно ниже его прежних личных рекордов на этих дистанциях.

Стрелкову хотелось большего. Присутствовавший на соревнованиях начальник физподготовки части старший лейтенант Петров ознакомил его с таблицей рекордов флота, и Сергей, к своему удивлению, увидел, что мог бы отдельные из них обновить. Особенно прельстила его дистанция четыреста метров в плавании на спине. Рекорд там был десятилетней давности и довольно скромный. «А не попробовать ли сейчас?» — подумал он.

Петров горячо поддержал его и, недолго думая, объявил в мегафон:

— Через пятнадцать минут будет дан старт на побитие флотского рекорда. Стартует лейтенант Сергей Стрелков.

Дистанция — четыреста метров. Стиль — на спине.

К Стрелкову подбежал Гришин:

— Что, решился?

Глаза его горели. Сам отличный спортсмен-борец, Гришин понимал, что сейчас переживал товарищ и пытался его поддержать.

— Ты, самое главное, не очень волнуйся, а то перегоришь. Дай я тебя немного помассирую.

— Не надо, Гена. Ты вот что лучше сделай. Устройся у щита на повороте с секундомером. Я дам тебе раскладку по времени, а ты мне будешь на пальцах показывать, если я буду отставать от графика. На сколько секунд отстану — столько пальцев и выбрасывай.

— Железно, Серега. Все будет ол-райт!

Он вытащил из кармана блокнот с ручкой и записал исходные данные. Стрелков передал ему секундомер и указал место, где он должен сидеть.

— А сейчас я пойду в воду, слегка разомнусь и просто подышу.

— Ну, ни пуха ни пера, Серега!

К этому времени закончились соревнования по легкой атлетике и освободившийся народ потянулся к водной станции.

Узнав, что Стрелков идет на побитие рекорда флота, комдив удовлетворенно крякнул:

— Мне бы годков пяток сбросить, пошел бы с ним за компанию.

— Нет, Петр Федорович, ты же не пловец, — улыбаясь заметил Гуськов.

— Не пловец, — согласился Турков. — Так ведь за компанию. А это, брат, особый случай.

Тем временем судейская коллегия сверила секундомеры. Согласна условиям рекорд флота должен был фиксироваться тремя секундомерами. Среди судей был Петров, судья республиканской категории. Так что рекорд, если таковой будет, может быть законно утвержден.

У водной станции на берегу, просто на траве или на опрокинутых шлюпках, ящиках и самодельных скамьях, расположились болельщики. Их было много, и Сергей волновался. Подумалось: «Вот бы Катю сюда. Это болельщица!» Они ведь и познакомились в бассейне, куда Катя пришла вместе с подругой Верочкой болеть за ее жениха. Видно, судьба. «Ах, как жаль, что ее нет сейчас».

К Стрелкову подошел главный судья по плаванию майор медицинской службы Строкин.

— Готовы, Стрелков?

— Готов, Павел Сергеевич!

— Добро.

— На старт вызывается Сергей Стрелков! — объявил Петров, — Повторяю, дистанция четыреста метров стилем на спине. Пловец идет на побитие рекорда флота, установленного Нагорным еще десять лет назад.

На берегу раздались дружные аплодисменты. Это Стрелкова подбадривал экипаж катера.

Сергея всего колотило. «Да что это со мной, — подумал он. — Не ахти какие соревнования, а волнуюсь как будто на мировой рекорд иду». Он постарался взять себя в руки, но дрожь не утихала. «Стартовая лихорадка, ничего, на дистанции — все пройдет».

— В воду! — скомандовал Петров.

При плавании на спине старт дается из воды, потому Сергей просто соскочил вниз и немного замешкался, отыскивая скобу на щите. Потом он захватил руками ее и уперся ногами в щит.

— На старт!

Сергей слегка подтянул туловище к щиту, чтобы толчок получился сильнее, и по команде: «Марш!» резко оттолкнулся и, выгнув спину дугой, вошел в воду.

Некоторое время после толчка он скользил под водой, вытянув вперед руки, но, ощутив, что инерция кончается, ладонями вывел себя на поверхность.

Сергей знал по опыту, что первые сто метров, даже если не в полную силу идти, будут пройдены быстрее остальных отрезков, и потому решил не частить с гребками, больше используя наплыв. Вот уже пройдены первые сто метров. В просвете между щитами после поворота он увидел Гришина. Тот мгновенно выбросил вверх два пальца.

«Эх, слабо начал, — с досадой подумал Сергей, — на две секунды отстаю от графика. Плохо!»

Гребки стали чаще и мощнее. Работа рук и ног была слаженной, и тело стлалось по воде.

Пройдено двести метров. Половина дистанции. Резко оттолкнувшись от щита на повороте, он услышал крик Гришина: «Пять секунд!» и, выйдя на поверхность, увидал его растопыренную ладонь.

«Да что это такое! Вроде бы хорошо иду, почему такое отставание?!»

Усталости не было. Была злость. Гребки стали еще чаще и мощнее. Позади триста метров.

— Финиш! — услышал он голос Петрова, а в просвете щитов

мелькнула Генкина фигура с двумя растопыренными ладонями.

«Десять секунд проигрываю, — ужаснулся Стрелков. — Позор! Вот тебе и рекорд», и только старая заповедь тренера: «Бороться надо до конца», заставила его увеличить и без того бешеный темп гребков. Брызги застилали лицо. Последний поворот. Осталось пятьдесят метров. Сквозь частые удары сердца Сергей слышал какой-то гул на берегу и понимал, что его ждет позор. На одном самолюбии рвал к финишу. Вот уже промелькнула перед глазами веревочка с флажками, натянутая за два метра до финиша. Последний рывок, и руки коснулись спасительного щита.

И только сейчас Сергей почувствовал во всем теле свинцовую усталость. Борьбе было отдано все.

Он несколько раз окунулся, делая глубокие выдохи в воду, и чувствовал, как тренированное тело обретает легкость и расслабляется. Потом поднял голову от воды и первым, кого увидел, был Генка. Тот кричал ему:

— Молодец! Во, прошел! — и показывал оттопыренный палец. — Побил рекорд на пятнадцать секунд!

Сергей ничего не понимал. «Как же так: отставал, отставал и вдруг… «побил!». Все выяснилось на берегу.

— Ты мне что пальцами показывал? — спросил он Гришина.

— Как что, конечно…

И тут он запнулся.

— Вот тебе на! Так я ж тебе все наоборот показывал. Ты велел — отставание, а я давал — опережение. Вот голова садовая!

— Да-а-а, — протянул Сергей. — Загнал друга и доволен.

— Так ведь рекорд же зато!

Турков, Гуськов и Быков горячо поздравили Стрелкова с успехом.

— Качать командира, — внезапно раздалось рядом.

И Стрелков не успел опомниться, как крепкие матросские руки подхватили его и трижды подбросили вверх.

КАТЯ

День был как день, заполненный будничными делами и заботами, которых у Сергея всегда хватало.

Вечером пошли с Борисом и Зиной Ивановыми смотреть сто раз виденных «Трактористов».

Из кино возвращались поздно.

— Эх, ночь-то какая! Даже домой идти не хочется, — вздыхала Зина. — А что, ребята, может быть, прогуляемся по дороге?

— До Москвы и обратно, — пошутил Борис.

А ночь и впрямь была удивительна. Тишина полная. Огромная луна набросила серебристую туманную завесу на сопки, и они призрачно светились. Внизу отливала спокойным блеском гладь бухты, и красные полосы, отсветы створных знаков, пересекали белесую равнину. Они бродили по ночным склонам сопок, то болтали, то молчали.

— А что Катя? — осторожно поинтересовалась Зина. — Скоро ли прибудет?

— Скорей бы уж, — неопределенно ответил Сергей. — Вам хорошо, вы вдвоем.

— Не грусти, Сережа, — Зина потрясла его за плечо. — Веселей смотри, мореход!

Из-за поворота внезапно выскочила машина, и световая дорожка от фар скользнула вниз по дороге. Проезжая мимо них, машина вдруг резко затормозила.

— Стрелков? — услышал Сергей голос Быкова. — Легок на помине. Принимай, командир, хозяйку.

Сергей не успел ничего понять, как открылась дверка газика и на дорогу выпрыгнула Катя. Она бросилась на шею Стрелкову.

— Одиссей, милый мой! — шептала она, целуя его, нисколько не смущаясь присутствующих.

— Котенок, откуда ты? — Сергей не находил слов. — Как же так?

— А вот так. На самолете из Ленинграда, потом на такси до города. А там голосовала. И вот повезло.

— Вот что, Стрелков, — сказал наконец Быков. — Садись-ка в машину и поедем к нам. Как я понимаю, хозяйку тебе негде принимать. Переночуете у нас.

— А мы на что? — шагнул из темноты Иванов. — Сергей, ты бы хоть познакомил, что ли?

— Да, — подхватила Зина, — что же ты, друг ситный. Спасибо вам, Василий Иванович, за сюрприз, — повернулась она

к Быкову, — а Катю мы забираем к себе. Берем шефство над Стрелковыми.

Борис и Зина деловито выгрузили Катины вещи.

— Ну, как знаете, — огорчился Быков. — А то моя половина была бы рада гостье.

Маленькая комнатушка Ивановых была не предназначена для приема гостей. И все же, потеснив скудную мебель, Ивановы обеспечили необходимое место для раскладушки.

Катя рассказала, как она добиралась сюда. Потом, спохватившись, начала вынимать подарки.

— Это конфеты. Это торт из самого «Норда». Это пирожки с капустой. От тети Маши.

Зина не успевала подхватывать свертки. Скоро праздничный стол был готов. Нашлась и бутылка шампанского.

Расстались глубокой ночью. Сергей не шел, а летел в общежитие.

Он был счастлив: сбывалось в его жизни все. Море, катера, Катя, Быков, друзья. Что же еще надо человеку?

НА ПРИЗ ГЛАВКОМА

Дивизион допустили к участию в стрельбах на приз Главкома. Накануне стрельб состоялось большое совещание. В кем участвовали представители штаба флота, группа посредников, которая была распределена по катерам и частично на эсминец, долженствующий изображать ОБК (отряд боевых кораблей) «противника», а также все командиры, кроме Быкова. Он накануне тяжело заболел и в стрельбах участвовать не мог. Все знали, что на учениях будет присутствовать не только командующий флотом, но и сам главком ВМФ.

В который раз атака была «проиграна» в кабинете. Каждой ударной группе определена частная задача в общей атаке. Катер Стрелкова попал в группу, наносящую удар по концевой части ОБК.

— Ты учти, Стрелков, — еще раз напомнил ему командир дивизиона, — что твои торпеды в общем торпедном секторе, созданном дивизионом, должны пройти по корме, то есть мимо. Но зато они не дадут «противнику» маневрировать ходами. Стоит только ему резко сбросить ход или дать задний, как он напорется на твои торпеды.

Стрелков потускнел. Ему очень хотелось лично поразить цель. Но задание есть задание.

— А вы, Иванов, — Турков строго поглядел на Бориса, — будете решать ту же задачу, но перекрывая головную часть ОБК. Наиболее результативной должна быть атака группы Алексеева, наносящей удар по центру. Капитан-лейтенант Алексеев, доложите ваши действия.

Уже немолодой, сутуловатый, невысокого роста офицер неторопливо подошел к доске, взял мел и уверенными линиями изобразил весь ход атаки, кратко поясняя маневрирование. Сектор торпед группы Алексеева точно перекрыл по длине ОБК «противника».

Турков остался доволен. Впрочем, он знал Алексеева по войне с Японией и не сомневался в его тактической грамотности. Но, вспомнив дерзкий набег на Сейсин, добавил:

— Учти, Алексеев, это тебе не лихая атака на японцев в Сейсине в августе сорок пятого. Ты хоть и основная, но только часть всего сложного механизма атакующего дивизиона.

— Ясно, товарищ командир, — отвечал Алексеев, в его серых глазах светилось спокойствие, — все будет как задумано.

— Ну, я в тебе уверен, — комдив махнул рукой Алексееву, приглашая его занять свое место за столом.

— Теперь, что делаю я? — Турков остановился. — Лейтенант Платонов, как думаете?

Платонов, сидевший рядом с Алексеевым, четко доложил:

— Мыслю так, товарищ командир, что вы атакуете лоб в лоб и сектор торпед вашей группы пройдет вдоль курса ОБК, охватив его с обоих бортов, жестко сковав «противника», не давая ему маневрировать курсами. Стоит только ему повернуть вправо или влево, как он тотчас подставит борт под ваш удар.

— Верно мыслишь, Платонов, — поддержал его Турков. — Впрочем, ты входишь в мою группу, так что должен это знать.

Уточнив все детали и возможные изменения в маневрировании «противника», комдив подвел черту:

— Задание всем ясно? Теперь так: если увидите что-то непредвиденное, то действуйте самостоятельно и решительно, стараясь не нарушить существенно общего плана атаки. Итак, выход завтра в десять ноль-ноль. Это предварительно. Ночевать всем на катерах. Еще раз проверить материальную часть. И быть готовым к немедленному действию.

Вечером в каюте Сергея собрались командиры катеров. Разговор, конечно, шел о стрельбах.

Гришин, как всегда спокойный и невозмутимый, заметил:

— А повезло нам, ребята. Сам главком будет давать оценку.

— Насчет «повезло» будем говорить, когда узнаем эту оценку, — иронически отозвался Борис. — То, что мы уже атаковали по этой схеме не раз, еще ни о чем не говорит. Не подвело бы нервное напряжение.

— А вот тут я не согласен, — возразил Иванов. — Ты что же думаешь, растеряемся, что ли? Быков чего добивался от нас?

— Как чего? — Борис посчитал вопрос излишним. — Четкости, ясное дело.

— Вот именно, четкости. Но не просто четкости. А четкости, доведенной до осмысленного автоматизма. Эмоции в сторону. Действовать надо.

— Как у тебя все просто, — вздохнул Стрелков. — «Эмоции в сторону!»

— А я так думаю, — перебил его Гришин, — допустили, значит, не сомневаются в нас.

— Так-то оно так, — переключился Борис на Гришина. — Все обсудили. Ясность вроде бы полная. Но мы же не знаем, какие вводные ждут нас. Вдруг в самый ответственный момент тебя условно «убьют». Сможет, например, твой боцман довести атаку до конца?

— Ну, конечно, командирской подготовки у него нет. Но главное сделает. А потом, — Гришин вдруг весь расплылся в

улыбке, — я, лежа на палубе, «умирая», отдам ему последние указания.

Все рассмеялись. Так проговорили всю ночь. Разошлись уже под утро.

Сергею не спалось: то и дело выходил из каюты, смотрел на звезды, думал о завтрашнем дне. Он, конечно, волновался, тревожился, но с удивлением для самого себя, как бы сверх всего ощущал еще и радость. Очень хотелось попробовать силы в настоящем деле. Жаль, что Быкова не будет.

«А Катя, наверно, не спит, — неожиданно подумал он. — Волнуется за меня. Недаром спросила: «А как же вы без Быкова?» Чудачка. Быков недаром нас учил самостоятельности. Он и отсутствуя будет с нами».

На рассвете на бухту пал густой туман. Но к девяти часам уже сияло солнце.

Сигнал тревоги прозвучал в тот момент, когда Сергей расположился в каюте позавтракать. Приготовил бутерброды, налил из термоса чаю и развернул шелестящую фольгу шоколада. Тут и завыла сирена. Сергей машинально бросил взгляд на часы: «Девять ноль-пять. Раньше намеченного».

На то и учение, чтобы присутствовал элемент внезапности. Еще минуту тому назад над бухтой стояла мертвая тишина, какая бывает только перед грозой.

И вот грянула «гроза». Взвыла сирена на головном катере. Флагман поднял сигнал: «Немедленно сняться с якоря». Взревели моторы, бухта наполнилась гулом, и всю ее заволокло дымом. Как лыжники со старта один за другим отрывались от пирсов катера, и вот уже весь дивизион длинной ящерицей заскользил вдоль створной линии к выходу. Стремительно нарастали скорости. «Противник» на подходе к Петровскому заливу. Атаковать и уничтожить!» Таков приказ.

Скоротечен морской бой. Еще каких-нибудь полчаса назад катера покинули базу, и вот они, уже обнаружив цель, по приказу флагмана разбились на боевые группы и начали маневрирование по выходу в атаку.

Красавец эсминец, вспарывая залив, проник в наши воды. Катера обнаружены. Артиллерия ОБК открыла огонь. Но дымзавесчики уже протянули свои защитные полосы, отсекая катера от отряда боевых кораблей «противника» и затрудняя ведение прицельного огня.

Определив на глаз курс и скорость эсминца, Сергей установил данные на катерном прицеле и, медленно склоняясь вправо, выходил на ОБК. Слева от него в полукабельтове несся катер, концевой в этой ударной группе. Внезапно он резко сбавил

ход и развернулся, выходя из атаки. «Подбит», — понял Стрелков. И в этот момент посредник из штаба флота, капитан 3 ранга Пронин, находящийся на катере, скомандовал:

— Командир, ваш торпедист «убит».

— Боцман, — крикнул Сергей Литовцеву, — заменить торпедиста. Аметов, заменить боцмана.

Боцман тотчас же бросился к торпедным аппаратам и занял место у задних крышек, а матрос Аметов встал слева от Стрелкова.

— Товарыщ командыра, я тут, — доложил он и радостно улыбнулся.

«Сектор разорван, — лихорадочно соображал Стрелков. — Необходимо подвернуть левее и сомкнуть его». И в этот миг катер вошел в дымовое облако. Закашлялся посредник. Ему вторил Аметов. А через несколько секунд темная полоса отодвинулась, и прямо перед глазами Стрелкова вырос силуэт эсминца.

Стремительно рассекая воду, он, видимо, только что уклонился от торпед группы Туркова, отвернув вправо, и теперь вновь возвращался на курс.

«Ага, — сообразил Сергей, — теперь ему никуда не уйти. Задний ход давать сейчас не будет, а через несколько секунд подставит мне борт. Нет, я не буду стрелять по корме, излишняя роскошь, я ударю по нему».

И, умышленно уменьшая угол упреждения, Стрелков подвернул влево.

— Аппараты, товсь!

Молниеносно выхвачена чека, стопорящая рукоятку коробки стрельбы. И вот уже эсминец на линии визира.

— Залп!

Сергей рванул на себя рукоятку, и в следующее мгновение силой отдачи катер дернуло назад, и Сергей грудью упал на катерный прицел.

«Теперь быстрее оторваться», — командовал он себе.

И, ложась на штурвал, вращал его вправо, выводя катер из под «обстрела». Багелев, сбросив обороты на правом дизеле, помогал развороту катера на курс отхода.

— Лихо! — похвалил Стрелкова посредник, когда, оторвавшись на положенную дистанцию, Сергей заглушил моторы.

…Разбор учения проходил на следующий день. Но уже накануне, вечером, вернувшийся из штаба соединения комдив сообщил — стреляли успешно и даже более того. Что означало «и даже более того» никто не знал.

И только на следующий день, сверив все данные с катеров и

корабля-цели, комдив развел руками:

— По всем данным должны были попасть максимум четыре торпеды, а попало шесть. На эсминце установили это точно. Кто может внести ясность?

Сергей, густо покраснев, поднялся с места.

— Вы, Стрелков? — удивился комдив. — Ну, я слушаю.

— Товарищ комдив, когда я выскочил из дымзавесы и увидел лежащий на циркуляции эсминец, постепенно подставляющий мне борт, я понял, что задний ход он давать сейчас не станет, и потому я уменьшил угол упреждения. Две лишние торпеды, прошедшие под эсминцем, это мои.

— Т-а-а-к! — протянул комдив. И понять, что за этим «т-а-а-к» стояло, было невозможно. Турков опустил глаза. — А что я вчера вам говорил?

— Вчера была теория, товарищ комдив, — еще больше краснея, выдавил Стрелков. — А во время атаки — практика. Не мог я иначе поступить.

Наступило минутное молчание. Все ждали, что скажет Турков. А тот не спешил, нервно барабаня пальцем по столу. Потом, видимо, придя к определенному выводу, встал.

— Вот что я думаю, Стрелков. Твои, скажем в кавычках, лишние торпеды, попавшие в цель, насторожили комиссию и могут нам стоить приза. И все же ты поступил верно. В боевой обстановке надо поступать только так. А будет приз нашим или нет — пусть разбирается комиссия. Там люди опытные.

ДО СВИДАНИЯ, ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ!

После призовых стрельб Стрелков остро ощутил, что пройден какой-то очень важный рубеж. Он почувствовал свою силу, умение принимать самостоятельно решения и командовать людьми в сложной и быстро меняющейся обстановке флотской службы.

Сергею нравилась его хлопотливая командирская должность, необходимость ежедневно решать самостоятельно множество вопросов и внезапных вводных, которые могли поступить в любую секунду. Он любил ранние утренние минуты, когда оживала база, команды в составе дивизиона или по экипажам двигались к пирсам на подъем Военно-морского флага. Он любил чувство слитности с катером, послушно устремлявшемся вперед, разбрасывая пенные брызги на такой скорости, что казалось — летишь. Он любил свой экипаж, любил море за то, что оно постоянно испытывало его.

И еще он любил Катю. Он любил ее так крепко, что думал о ней постоянно. А Катя успела уже войти в ритм его беспокойной жизни, давно была женой командира.

Им выделили комнатушку в шесть квадратных метров, два из которых занимала огромная плита. Но Катя, непонятно как, превратила эту комнатушку в уютный и гостеприимный дом, открытый для друзей. Даже Быков, обычно сдержанный на похвалу, сказал Стрелкову:

— Ну, Сергей Иванович, жена у тебя молодцом!

Узнав, что у нее диплом библиотечного института, ей предложили место в библиотеке гарнизона. И хотя должность была очень скромной, она согласилась без колебаний.

Катя сразу же развила кипучую общественную деятельность: записалась в драмкружок, организовала передвижную библиотечку для катерников, начала готовить вечер морской поэзии…

Все шло прекрасно. И вдруг — потрясение! Уходит Быков. Об этом на совещании в штабе сообщил комдив. Едет на учебу.

Молодые командиры из звена Быкова переживали это событие болезненно. Они понимали: кто бы ни пришел на его место, он не сможет заменить Быкова.

А тот собирался недолго. Не в его характере было тянуть волынку. Два дня — и шабаш. Перед отъездом зашел в казарму. Катерники окружили его, стали вспоминать совместную службу, войну с Японией, делились своими житейскими планами, кто куда собирается после увольнения в запас. Говорили, как с

родным, близким человеком.

— Вы уж, Василий Иванович, не поминайте нас лихом, — сказал за всех боцман. — Мы, конечно, старались, чтобы все было по-человечески, но все ж таки, наверное, немало доставили вам забот.

— Доставляли, доставляли, Рогов, было дело, — сдержанно улыбнулся Быков, но было видно, что он взволнован и растроган. — Только это не главное. А главное то, что болели мы за общее дело. Этому я вас учил. Теперь тому те вас будут учить молодые командиры, которых, мне кажется, вы хорошо приняли в свой коллектив. Это правильно. За ними будущее.

Помолчав немного, Быков добавил:

— Я не прощаюсь. Завтра утром, когда пойдете в море, я приду вас проводить.

Весь вечер Стрелков был задумчив и рассеян. И даже в разговоре с Катей часто отвечал невпопад.

— Не горюй, — успокаивала его Катя. — Ну что поделаешь. Ты же сам говорил — такова морская служба. Сегодня здесь, завтра — там.

— Да я все понимаю, Котенок, — соглашался Сергей. — А душа не принимает.

— Ты радоваться должен, что в твоей жизни был такой человек, как Василий Иванович. Тебе крупно повезло, Сережа.

— Да, Катюша, да. И все-таки не могу смириться.

Утром она провожала его в море. Стройная, в белом платье, она напоминала ему чайку, и Сергей откровенно любовался женой.

— Кланяйся от меня Василию Ивановичу. Кстати, скажи ему, если в Ленинграде потребуется жилье на время учебы, то пусть останавливается у нас. Подумай, как рада будет этому тетя Маша. Я уже ей и письмо написала, видишь?

И она протянула ему пухлый конверт.

— Там и о тебе все есть, не волнуйся.

— Умница ты у меня, Катюша, — Сергей нежно провел ладонью по Катиной щеке. — Обязательно скажу. Ну, счастливо, мне пора.

…Быков был одет по-парадному. В тужурке с Золотой Звездой на груди. Воротничок и манжеты рубашки ослепительно белые, брюки безукоризненно отглажены, ботинки отливали зеркальным блеском.

И хоть он всегда был подтянут и аккуратен, но сегодня казался каким-то необычно торжественным и, как сначала почудилось Сергею, немного отстраненным, как бы волей приказа оторванным от них, своих недавних подчиненных.

Но уже первые слова: «Чуть было не опоздал, ребята» вернули катерникам прежнего своего командира, жизнерадостного и немного ироничного, дотошного и очень-очень близкого им человека.

Улыбки расцвели на лицах молодых лейтенантов. «Чуть было не опоздал…» Как бы не так. Разве мог бы он опоздать? Ни за что!

— Какие вы все у меня уже взрослые, — тепло сказал Быков и подчеркнул: — Самостоятельные. Удачи вам в службе, попутных ветров и семь футов под килем. Пишите в Ленинград.

Сергей протянул ему конверт:

— Здесь, Василий Иванович, адрес и письмо к тетке. Если что, останавливайтесь у нас. Там вам будет удобно.

— Спасибо, Стрелков. Ну, не смею более задерживать, — обернулся он к комдиву.

— По катерам! — скомандовал Турков и двумя руками крепко пожал руку Быкова. — До встречи, Василий Иванович. Не забывай.

Бухта наполнилась гулом двигателей. По старой флотской традиции, Быков лично сбросил с кнехтов швартовные концы, и катера один за другим выползали на линию выходных створов. Но катерники еще долго видели одинокую фигуру своего командира, в последний раз провожающего их в море.

«До свидания, Василий Иванович! — повторял про себя Стрелков. — Спасибо за науку! Всего, всего вам доброго!»

Берег отодвигался все дальше. Исчезали очертания отдельных предметов. Скоро все для Сергея слилось в плотную зеленую стену, в которой, как ему казалось, он все же различал еще два небольших штриха: один у уреза воды, темный — Быков, другой, повыше, на сопке, белый — Катя.

НА РУМБЕ — ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ

Командир подводной лодки, капитан 1 ранга Каширский, посмотрел на мой, разбухший от книг, изрядно потрепанный чемодан и улыбнулся:

— Опять свой необъятный готовите? Для меня там, авось, тоже найдется что-нибудь историческое?

— Есть и это…

В дверь постучали. И в проеме показалась солидная фигура торпедного электрика старшего матроса Фролова. Увидев командира, он почтительно застыл.

— А-а, Фролов, ивановский витязь! — весело приветствовал его Каширский. — Мастер неоригинального жанра, специалист по переносу тяжестей! Небось за чемоданом пожаловал?

— Так точно, товарищ капитан первого ранга, — гаркнул Фролов.

— А дотащишь? — усомнился командир. — Не чемодан, а скала. От палубы не оторвешь.

— Ничего, осилим…

Фролов подошел к чемодану, примерился, как тяжелоатлет к штанге, и неожиданно легко вскинул его на плечо.

— Разрешите идти?

— Иди, — почтительно поглядел на него командир. — Ну и силен ты.

— Есть маленько, — скромно согласился Фролов.

Нет, он не просто силен, он — богатырь!

Помнится, пришли мы из плавания, машину с вещами отправили в казарму, а сейф командирский забыли загрузить. Тогда кто-то из офицеров в шутку и скажи: «Да ладно, Фролов пойдет на базу и прихватит его с собой». Все улыбнулись, а Фролов, присутствовавший в отсеке, понял это как приказ. И через полчаса дверь в мой кабинет распахнулась и ввалился Фролов… с сейфом на спине. А мы потом вчетвером сейф этот с места сдвинуть не могли…

Накануне выхода в длительное плавание каждый еще и еще раз осматривался — все ли взято, ведь в море уже поздно будет думать об этом.

— На довольствие Нептуна не резон переходить, — шутил по этому поводу старшина команды снабжения Гриша Артюхов.

По его линии особо много было всяких загрузок, и крутился он, по собственному выражению, «как вентилятор».

Каждый сантиметр площади на подводной лодке строго взят на учет и предназначен для определенной цели. Потому-то при

подготовке к «автономке» лодку загружают самым необходимым, без чего в море жить невозможно: топливо, оружие, продовольствие, все виды НЗ, специмущество боевых частей и служб, минимум личных вещей.

Берутся в поход и книги: политические, технические, справочные, художественные. Цену им определяло само море. И вот со временем скомплектовался у меня чемодан, поднять который мог только Фролов. И было там — самое-самое.

Неизменным успехом пользовались русская и зарубежная классика, исторические романы, морские повести и рассказы, книги из серии «Эврика», фантастика и приключения. В почете была и поэзия с тысячелетним диапазоном по времени — от Омара Хайяма до Василия Федорова.

Итак, чемодан с книгами отправлен на лодку. Что теперь на очереди?

На очереди была кинобаза. К чести нашего тыла надо сказать, что выбор фильмов на кинопрокатном пункте был довольно богатым. Но, стараясь определить в «работу» все киноленты, работники проката составили свои рекомендательные списки с учетом знаменательных дат и праздников. А нам для долгого плавания нужны остросюжетные, флотские, о природе и мультфильмы.

— Все хотят остросюжетные, всем подай флотские, — возразила работница кинобазы. — А кто будет брать эти?

Она кивнула на списки.

— Возьмем и эти, пригодятся, — пошел я на компромисс. — Только учтите и наши просьбы.

На том и порешили к обоюдному удовлетворению.

Командиру отобранные фильмы понравились:

— А «Чапаева» взял?

— Взял, взял.

Кинофильм «Чапаев» мы брали во все походы и знали его наизусть. Он пользовался у подводников неизменным успехом. Я даже заметил, что отдельные фразы из фильма перекочевали в разговорную речь.

…После обеда втайне от всех я хожу по квартирам офицеров и сверхсрочнослужащих, особое внимание уделяя тем, у кого среди экипажа в период плавания будут дни рождения.

Зная примерные сроки похода, я уже составил список всех именинников, написал письма родным подводников срочной службы и получил от них в свой личный адрес или письма, которые я вручу в дни рождения, или музыкальные приветствия, записанные на пленку или пластинку. Все это потом, в походе, сыграет немаловажную роль в подъеме жизненного тонуса

моряков.

Вот уже третий день хожу по квартирам и сегодня надеюсь закончить эту кропотливую, трудоемкую, но очень нужную работу.

Завтра подам в политотдел списки, в которых будут указаны не только дни рождения моряков, но и те краткие, но необходимые сведения, которых люди будут ждать с особым нетерпением. У многих дети учатся в школе, — как-то они закончат очередную четверть? У командира БЧ-4 болеет мать. У боцмана жена должна скоро рожать. Да мало ли что еще волнует моряков?! О самом важном нам сообщат по радио в краткие минуты сеансов радиосвязи.

Хлопотная эта должность — политработник на корабле. Приходится вникать во многое, казалось бы, и не относящееся к кругу твоих забот.

Вот, например, сегодня, прежде чем заняться своими кровными делами, решил зайти в тыл, узнать у начфина, подана ли ему заявка на зарплату экипажу. Это должен был сделать помощник командира. Его обязанность. Но помощник, капитан-лейтенант Караед, на лодке недавно. Еще месяц назад он был командиром минно-торпедной части на другом корабле. Личный состав экипажа знает еще плохо, обязанности свои — недостаточно. Нет, обвинять его в недобросовестности нельзя. Он очень старается, без дела секунды не посидит. Но то, что опытный помощник сделает за день, у него уходит два, а то и три.

Как сейчас вижу его невысокую плотную, ладно скроенную фигуру спортсмена. Он, кстати, борец первого разряда и уже две недели назад, выступая за сборную команду лодки на первенстве соединения, с успехом одолел своих противников, завоевав почетное звание чемпиона. Это подняло его авторитет в нашем, любящем спорт, экипаже. В одном из боевых листков сразу же появился рисунок, на котором изображался помощник, прижимающий коленом к ковру медведя. А сверху подпись: «Караед Паша — гордость наша». Листок имел успех. Говорят, что помощник, увидев его, сказал: «Что за «Паша»? Фамильярность. Листок снять и отдать мне на память».

Мне лично Караед симпатичен. Но проверить его все же надо.

Начфин на мой вопрос ответил сухо, не отрываясь от пухлой ведомости:

— Заявки нет — денег не будет.

— Владимир Борисович, помилуйте, ведь есть еще время…

— Срок выдачи истек вчера, — он поднял строгие глаза, помолчал: — Ладно, сегодня еще приму.

Я, конечно, знал, что он примет заявку и завтра и

послезавтра, и сделает все, чтобы наши семьи не остались без денег, но правота оставалась за ним. А мы, выходит, проявили свою недисциплинированность. Пришлось крепко поговорить с помощником.

Он не оправдывался, просто показал мне строчку в списке «Что надо сделать» под пунктом девятым: «дать начфину заявку на деньги».

— Завтра я бы дал обязательно. Да и что им там делать в тылу, как ни нас обеспечивать? Разве не так?

— Не так, — возразил я. — Конечно, они должны нас обеспечивать. Это, как говорит наш начхим, «и ежу ясно». Понятно и то, что не мы для них, а они для нас. Но зачем же добросовестного, пунктуального и дисциплинированного начфина ставить в трудное положение? Ведь у него тоже есть инструкция, за сколько дней он должен подать заявку в банк, чтобы получить довольно крупную сумму. Поставьте себя на его место и тогда поймете свою ошибку.

Забегая вперед, надо сказать, что молодой помощник прислушивался к советам старших и принимал их как руководство к действию. А значит «вмешательство» в его дела шло на пользу и ему и делу.

Выйдя в то утро от начфина, я столкнулся в коридоре с командиром БЧ-5 Алексеем Ивановичем Починщиковым, одним из самых опытных механиков. Недаром боевая часть пять нашей лодки вот уже третий год занимает первое место среди электромеханических боевых частей соединения.

Вид у Починщикова крайне озабоченный.

— Что, Алексей Иванович, такой тревожный взгляд?

— А-а, — отмахнулся он. — С ЗИПом заело. Надо взять про запас кое-что, ведь надолго уходим.

— Ну и что, не дают?

— Нужна подпись флагмеха. А тот говорит: «У вас все выбрано по нормам».

— А в наличии нет? — поинтересовался я.

— Как нет? — вскинулся Починщиков. — Все есть, но не помешает еще.

— Вот что, Алексей Иванович, давай твою заявку. Буду в штабе, зайду к флагмеху.

— Да он и мне бы дал, да говорит — нет.

— Не может быть, чтобы совсем уж ничего не было.

— Так-то оно так… А заявка — вот она.

Починщиков уже заканчивал службу на лодке и после этого похода должен уйти в академию. Мы с грустью думали, что такого механика трудно будет найти.

День выдался «везучий». Не успел войти в штаб, как косом к носу столкнулся с флагмехом.

— А-а, комиссар, какими судьбами?

— Обыкновенными и, как ни странно, к вам Владислав Леонидович.

— Что такое? — удивился он.

— Да так, по старой дружбе. Вы ведь были у нас на лодке первым командиром БЧ-5, подготовили отличную замену, Починщикова. Но теперь и он уходит. Кто-то следующий?

— Это вопрос, — согласился флагмех. — Ну, заходи ко мне, что мы тут в коридоре разговариваем.

Флагмех расчувствовался, вспомнил первые походы, первого командира — Владимира Николаевича Чернавина, ныне известного адмирала, Героя Советского Союза.

— Трудно будет без Алексея Ивановича. Ас своего дела. Уж он-то знает, что и где нужно.

— Знает, — поддакнул я. — Вот только вы ему не даете дополнительных запчастей.

— Так ведь все есть у него! — изумился флагмех.

— Все, да не все, — вытащил я заявку. — Вот тут ваш преемник, ас своего дела, который знает, что и где нужно, написал дополнительный список. Он так надеялся, что вы его поймете.

— Возможно, — согласился флагмех. — Но ведь пока старые.

— А может быть, — предложил я, — мы сделаем так. Вы нам дадите все, что запросил Починщиков, мы же после возвращения из похода, что останется лишнее, вернем.

— Ну да, — рассмеялся флагмех. — Держи карман шире. Ваш механик действует, как невозвратный клапан, пропускает только в одну сторону. Да и ты, комиссар, хитер, подловил меня, простака, а я-то уши развесил. Ну ладно, давай заявку.

Размашистым почерком он наложил нужную резолюцию и, возвращая мне заявку, подмигнул:

— Тебе бы по линии дипломатии идти.

— Отвечу, как Чапаев: «Не могу — языков не знаю».

— Так ли? Вот со мной быстро нашел общий язык, хотя не механик.

— Так мы же свои, чай.

— Свои, свои. Конечно, свои.

Увидев заявку с резолюцией, Алексей Иванович удивился:

— Как это вам удалось?

— Ни в жизнь бы не удалось, если б не вы.

— При чем тут я?

— Да любит вас флагмех. Так и сказал: «Алексею Ивановичу

дам, потому как люблю и верю, что надо».

— Ну да, — покачал головой Починщиков.

И улыбнулся открытой улыбкой, поверив, что все так примерно и было.

И правильно, что поверил.

Бывало, мне говорили иные, что, мол, не своим делом занимаешься, друг. У политработника, дескать, есть прямые обязанности, основные формы работы: политзанятия, политинформации, беседы, лекции с использованием технических средств пропаганды и наглядной агитации, оказание всесторонней помощи в работе партийной и комсомольской организациям, планирование культурного досуга. К тому же есть еще индивидуальная работа. Уже этого больше чем достаточно для одного человека. Зачем же вмешиваться в чужие дела?

Ответ у меня один: для политработника на корабле, где все теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом, посторонних, чужих дел — нет.

Вот еще один пример, один из уцелевших в памяти штрихов этого беспокойного предпоходного дня.

Во время обеда в кают-компании разговорились со старпомом.

— Почему, Вячеслав Иванович, — спрашиваю его, — командирскую лодочку на кителе не носишь? Ведь лодку знаешь, управлять умеешь?

— Так ведь приказа не было.

— А почему?

— Не сдал практическую часть командиру соединения.

— Странно, — удивился я. — Он столько раз выходил с нами в море, видел твое умение, чего еще надо?

— Надо сдать официально, а адмирал занятой человек, да и экзамен не в кабинете сдается.

Старпом вынул зачетный лист и показал:

— Вот, одна графа осталась. Практика. Нужна подпись с резолюцией: «В приказ».

Надо сказать, что своего командира соединения контр-адмирала Игнатова Николая Константиновича мы здорово уважали, и не только потому, что в свои неполные сорок лет он уже стал и адмиралом и Героем Советского Союза, а в первую очередь за его высокие морские качества, за демократичность и доброе отношение к людям. И, признаться, меня удивила неуверенность старпома.

— А ты пойди к нему и объясни все.

— За другого пошел бы, а сам не могу…

Понимаю. И потому сам иду с зачетным листом старпома к

Игнатову.

Как и следовало ожидать, командир соединения тотчас же подписал бумагу и начертал сверху заветное: «В приказ».

— Странно, что он сам не пришел, — удивился Игнатов. — Мы ведь в свое время плавали на одной лодке, он у меня штурманом был. Неужели я такой грозный?

— За себя просить всегда неудобно, — поддержал я старпома.

— Пожалуй. Если еще что надо будет, заходи. У тебя должность такая — за всех болеть.

Да, это он хорошо сказал. С первых же дней службы на подводной лодке я убедился, что нет такого вопроса, который бы не касался замполита. Недаром он с командиром отвечает за все успехи и неуспехи экипажа.

ЗВЕЗДА МОРЕХОДОВ!

Долголетняя служба приучила меня никогда не откладывать намеченное дело и, если возможно его выполнить раньше, — выполнять. «То, что отложил — считай наполовину загубил», — говаривал часто командир части нам, молодым лейтенантам, когда я еще только начинал свою офицерскую службу на Тихоокеанском флоте. Наказ его запомнился на всю жизнь, и по сей день благодарен ему за науку. Вот и теперь старался сделать все основное заблаговременно, с поправкой на что-то неожиданное, которое может вклиниться в четкий график предварительной подготовки к походу.

Так и случилось: сначала непредвиденное совещание отняло почти день, потом внезапная проверка по физподготовке штабом флота в течение двух суток лихорадила нас и, наконец, ураган — все в целом значительно усложнили наши сборы. Запланированный предпоходный отдых рассосался на различные неотложные дела. В последний день «подбирали» по мелочам.

Ровно в полдень командир, заслушав доклады от командиров боевых частей и служб корабля, доложил в штаб о готовности к выходу.

Отошли от пирса поздно вечером, почти ночью, если можно так сказать о полярном дне, когда незаходящее солнце золотыми бликами сверкает на пенных гребнях еще бунтующего после недавнего урагана залива, когда в сопках слышны ауканья первых грибников, а детвора готова гонять футбол до потери сознания, не слушая сердитых окликов родителей.

Но на корабельных часах стрелки показывали двадцать два.

Только что по отсекам прошел командир соединения, прославленный адмирал, и, пожимая всем руки, повторял свое неизменное и традиционное: «Счастливого плаванья!» На пирсе стояли немногочисленные друзья, которым удалось узнать о времени отхода. Работники штаба и политотдела, только что проверившие своих подопечных, приветственно махали руками и на всякий случай еще раз напоминали, на что обратить особое внимание.

Никакой торжественности. Деловая обстановка, крепкие мужские пожатия, суровая проза жизни.

В носу и в корме лодки на «товсь» застыли швартовные команды. С красными жилетами на груди, они издали напоминали стайки снегирей.

И вот:

— Отдать носовой!

Отсчет времени похода начат. Медленно скользит лодка среди угрюмых скал на выход. Вот уже за очередным поворотом скрылись пирсы и береговые строения. Еще один поворот и на курсе — океан.

— На румбе — Полярная звезда! — необычно торжественно докладывает штурман Виноградов.

Да, курс норд. Счетчик лага уже отбил первые мили похода. Скоро точка погружения, мы задраим верхний рубочный люк и на долгие недели отгородим себя от светлого мира, чтобы потом, на исходе плавания, по-настоящему оценить его красоту и неповторимость.

…Люблю свою каюту. Маленькая, узкая с койками в два яруса, она напоминала купе вагона. Разве только чуть-чуть поуже и пониже. Напротив койки небольшой столик и справа узкий платяной шкафчик. Все продумано так, чтобы в предельно малом объеме создать максимально возможные условия для отдыха и работы.

Теоретически вместе с замполитом в каюте должен жить помощник командира подводной лодки. Но это только теоретически, так как количество спальных мест на корабле не всегда соответствовало числу людей, выходящих в море. В длительное плавание, вместе со штатным экипажем, часто ходили: специалисты штаба, работники политотдела, иногда кораблестроители, представители прессы, группы для испытания новых приборов и другие, не предусмотренные проектом лодки нештатные лица.

Все это создавало порой определенные трудности в распределении мест на лодке. Поэтому, случалось, в моей каюте обосновывался не помощник командира, а кто-то из гостей. Это, как правило, не устраивало меня, а помощника и тем более. Но долг гостеприимства превыше всего. И приходящему отдавалась койка, пара ящиков стола и половина шкафчика. Если учесть, что на этом малом пространстве надо было уместить чемодан с книгами, коробки с различными наглядными пособиями и техническими средствами пропаганды, пишущую машинку, магнитофон, проигрыватель и еще многое другое, остро необходимое для политработы в походе, то было и совсем тесно. Но подводники не жалуются на тесноту, понимая, что это неудобство неизбежное.

Впрочем, в каюте я бывал редко. Или когда выдавалась возможность отдохнуть, или когда мне требовалось подытожить какие-то наблюдения, что-то срочно отпечатать на машинке. Да и то зачастую работать приходилось в офицерской кают-компании, которая находилась рядом, за тонкой переборкой.

Соседи по каюте случались самые разные. И порой контакт с ними бывал полезен для работы.

Вот и сейчас такая удача. С нами вышел в море начальник политотдела соединения. Великодушно оставив за мной нижнюю койку, он уютно пристроился наверху, разложив все необходимое рядом и почти не покушаясь на ящики стола и шкафчик. Прямо над головой на видном месте он приспособил круглое зеркальце, в которое частенько поглядывает. Признаться честно, меня поначалу удивила эта привычка, но потом, случайно заглянув на «верхний этаж», я обнаружил, что в оправе нет зеркала, там вставлена фотография жены.

— Так вот почему, Валерий Тимофеевич, вы от «зеркала» глаз не отводите!

— Только по четным дням, — уточнил мой старший коллега. — А по нечетным…

Он развернул зеркальце на шарнирах, и я увидел с обратной стороны фотографию смешной девчушки, глядевшей на меня восторженно и удивленно.

— Дочка, — пояснил он.

Валерий Тимофеевич был опытным политработником, и это почувствовалось сразу. Помню, как он, разбираясь со своими бумагами, вроде бы невзначай, обратил мое внимание на интересный материал, собранный им по ряду вопросов партийно-политической работы. А когда я, посмотрев тексты лекций и бесед, взятых им в поход, попросил разрешения использовать их, он сразу же любезно согласился.

Таким образом между нами очень скоро наладились полезные и добрые взаимоотношения.. Он не мешал мне работать по уже составленному плану, изредка выдвигая свои предложения и идеи, которые способствовали бы наилучшему его выполнению.

И вскоре наша маленькая каюта стала своеобразным штабом по руководству партийно-комсомольским активом.

РИТУАЛ ПАМЯТИ

Штурман Юрий Александрович Виноградов доложил:

— Подходим к точке гибели подводной лодки.

— Пора начинать, — тронул меня за плечо командир.

Мы давно готовились к этой минуте. Еще на берегу умелыми руками моряков была изготовлена эбонитовая пластинка с надписью: «Героям-подводникам от экипажа атомохода». Были написаны стихи, подготовлены выступления членов экипажа, записана на пленку музыка.

Внесли свой вклад в подготовку к ритуалу и школьники подшефного класса. Накануне выхода в море Алла Фальмонова и Володя Шигин принесли цветы в горшочках и попросили взять эти цветы в поход, чтобы почтить память погибших. Нас очень тронуло внимание ребят.

И вот командир по трансляции обратился к экипажу:

— Товарищи подводники! Мы подходим к месту гибели наших подводников старшего поколения, в годы Великой Отечественной войны с честью выполнивших свой святой долг перед Родиной. Они не вернулись назад, но память о них вечна. Митинг, посвященный их подвигу, объявляю открытым.

Первое слово предоставили мне.

В кратких словах я рассказал о героическом экипаже, о его славном командире, боевом и романтичном человеке, о людях экипажа, не посрамивших чести подводников-североморцев.

Затем говорили коммунист Олег Алексеевич Селичев и представитель молодого поколения подводников Владимир Цветнов.

— Товарищ командир! Через пять минут будем на месте гибели подводной лодки, — доложил штурмам.

— Почетному кортежу начать движение по отсекам, — скомандовал командир.

Ветеран корабля офицер Селичев и два молодых подводника начали свой торжественный путь из носового отсека в корму подводной лодки. Селичев нес на вытянутых руках развернутый Военно-морской флаг, на котором лежала пластина с памятной надписью. Следом за ним шли матросы, они несли живые цветы.

Взволнованными взглядами провожали кортеж подводники. Вскоре из кормового отсека поступил доклад:

— Товарищ командир! Почетный кортеж готов к отдаче воинской почести героям-подводникам.

И снова прозвучал голос штурмана:

— Мы находимся в точке гибели подводной лодки.

— Пластину и цветы зарядить в специальное устройство!

— К выстрелу готовы! — доложили из кормы.

— Пли! — скомандовал командир. — Товарищи подводники! Мы находимся в точке гибели подводной лодки. Вечная слава героям-подводникам, погибшим в боях с фашистскими захватчиками. На корабле объявляется минута молчания.

Все застыли на боевых постах. Был слышен лишь мерный гул, вздохи и пощелкивания работающих механизмов и приборов. Но вот стрелка секундомера обошла свой круг по циферблату и в отсеки проник голос старшего матроса Семенищева. Он читал стихи, посвященные погибшим:

Лишь такие бессмертны в великом и малом,
Имена их для флота священны навеки.
Сколько лучших людей не вернулись к штурвалам.
Не заступят на трудные вахты в отсеки…

Мы в молчанье встаем перед памятью павших,
Тех, чья жизнь — это путь к достижению цели,
И клянемся бесстрашным товарищам нашим —
Мы доделаем то, что они не успели…

Одновременно в отсеках тихо зазвучала торжественная музыка популярной в годы войны мелодии «Морская гвардия»:

…Морская гвардия идет уверенно,
Любой опасности она глядит в глаза.
В боях испытана, в огне проверена,
Морская гвардия для недругов — гроза!..

Отзвучали последние аккорды. Еще несколько мгновений в отсеках стояла тишина. А потом голос командира возвратил экипаж к будням похода.

— Вольно! — прозвучала его команда.

Атомоход продолжал свое движение в глубинах Мирового океана.

КОМАНДИР

Командиры — это совершенно особая категория людей, которая олицетворяет разум флота, его высокую оперативно-тактическую подготовку, его морскую культуру, смелость, мужество, находчивость и быстроту реакции, искусство воспитателя и самое главное — высокую надежность в решительный час.

Владимир Алексеевич Каширский удовлетворял большинству этих качеств. Он любил свое дело, знал его тонкости, умел найти общий язык со всеми на подводной лодке.

Высокого роста, полный, цветущий, с широкой улыбкой, он легко располагал к себе людей. Умело учтя опыт ушедшего на учебу командира, корабельные традиции и взаимоотношения между людьми, он вошел в коллектив быстро и органично. Не лишенный юмора, он умел быть строгим и даже суровым, когда этого требовала обстановка. Постоянно, но не в обидной форме, контролировал работу ведущих специалистов корабля. «Доверять и проверять» — было главным принципом в его службе.

Помню, как во время сеанса связи, взяв секстантом высоту солнца, он определил наше место и зашел к штурману.

— Ну-ка, Юрий Александрович, покажи на карте, где мы сейчас находимся?

Штурман доложил координаты. Сверив их со своими расчетами, командир удовлетворенно кивнул головой:

— Совпадает, разница всего в полмили.

В недавнем прошлом Каширский был замполитом корабля и потому к моей работе относился с особым интересом и пониманием.

Все это сразу определило наши добрые взаимоотношения.

Он постоянно находился в центральном посту, регулярно появлялся в отсеках подводной лодки. Когда он отдыхал? Не знаю.

Впрочем, в море у каждого сутки были насыщены до предела. И наши встречи с командиром проходили как бы по касательной, мимоходом. Но, изучив друг друга до тонкостей, мы успевали за считанные минуты общения решить все наболевшие вопросы.

Мне нравилось в Каширском то, что для него не было мелочей в нашей жизни. Все он считал важным: и боевую подготовку, и воспитание на традициях героев-североморцев, и самодеятельность, и спорт. Я знал, что он может принять участие в концерте и в спорте, несмотря на некоторую грузность, тоже не отстанет. Подтверждением тому послужила внезапная проверка

штабом флота физической подготовки нашего экипажа.

Случилось это за неделю до выхода в длительное плавание.

Перед ужином у нас в казарме появился незнакомый подполковник.

— Извеков, — представился он командиру. — Начальник физической подготовки и спорта флота.

Каширский встретил его сдержанно:

— Чем обязаны?

— Проверка по программе военно-спортивного комплекса. Через полчаса — гимнастика, завтра — плаванье, а послезавтра — кросс.

— Оперативно, — усмехнулся Каширский. — Опомниться не даете. Сразу вынь да положь.

— На то и называется проверка внезапной, — согласился Извеков.

В это время зазвонил телефон.

— Я слушаю, — снял трубку командир. — Так точно, товарищ адмирал. Прибыл, у меня в кабинете. Явиться к вам? Есть! А как же проверка! Есть, замполит…

Он повесил трубку и виновато развел руками:

— Вызывает адмирал. Давай, комиссар, бери все в свои руки и вместе со старпомом организуй проверку нормативов военно-спортивного комплекса. Если успею вернуться, то и сам подключусь. Если нет — завтра в бассейне буду в первом заплыве.

Проверка гимнастических упражнений прошла успешно. Средний балл экипажа был 4,6. Особенно поразили поверяющего старпом и штурман. Оба прекрасные спортсмены, они, несмотря на возраст, с завидной легкостью работали на перекладине, выполнив безукоризненно все упражнения комплекса.

Извеков удовлетворенно заметил:

— Я вижу, командный состав у вас не закис. Впрочем, старпом — председатель спорткомитета, ему и карты в руки. И штурман на высоте. Если с плаваньем будет так же, то кросс для вашей лодки отменим.

Наутро в бассейне командир построил весь экипаж, за исключением больных и стоящих на вахте. Подводники выглядели браво.

В первом заплыве у стартовых тумбочек шести дорожек бассейна выстроились слева направо: командир, замполит, старпом, командир БЧ-5, партийный и комсомольский секретари.

Извеков довольно переглянулся с начальником физической подготовки и спорта соединения.

И когда на финише были отмечены четыре отличных и два хороших результата, а в числе отличных был и командирский

показатель, Извеков, улыбаясь, сказал:

— Можно было бы дальше и не продолжать проверку. Убедили предельно. Но уж больно любопытно, а как остальные.

Вдохновленные командиром, все старались не ударить в грязь лицом…

Перед самым выходом в море нам сообщили, что по итогам смотра физической подготовки кораблей и частей флота нашей подводной лодке присуждено первое место на флоте.

— Вот так-то, — порадовался командир. — Длительный поход с такими орлами выдержим. Надо поощрить наш спорткомитет. Молодцы!

А я подумал: «Молодец командир, не посчитал, как некоторые, спорт второстепенным делом».

Не было в нем равнодушия. Все, что проводилось на корабле, кровно касалось его. Заметив во время похода, что люди стали уставать, он забеспокоился:

— Усталость — сестра апатии. Продумай-ка, комиссар, что-нибудь такое остроэмоциональное, чтоб затронуло, душевные струны людей. Надо расшевелить экипаж.

— А что, если провести литературный вечер, посвященный поэту-маринисту Алексею Лебедеву?

— Прекрасно. Пожалуй, это то, что надо.

И дальнобойная артиллерия лебедевской поэзии поддержала нас своим «огоньком».

Вечер начали с трансляции по корабельной сети радиоспекталя Ивановского молодежного театра драмы и поэзии «Торжественный реквием» об Алексее Лебедеве, запись которого взяли с собой в море.

И вот во всех отсеках подводной лодки зазвучала музыка Дмитрия Шостаковича, лебедевские чеканные строки. И я, уже не в первый раз слушавший эту пленку, подаренную работниками ивановского радио морякам, вновь поразился проникновенному звучанию лебедевских стихов, удивительному сочетанию в них мужества и глубокой лиричности. Как созвучна нам была эта постоянная готовность поэта к подвигу!

Прошел по отсекам. Моряки внимательно слушали стихи. Едва прозвучали последние строки, как посыпались многочисленные просьбы — повторить запись.

Командир был особенно доволен. Он видел, как оживился экипаж.

Нельзя сказать, что Лебедев был открытием для подводников. На флоте знают и любят его стихи. Хотя были и такие, особенно среди первогодков, для кого эта передача стала откровением.

Молодой электрик Слава Базилевский с изумлением

воскликнул:

— Вот это писал человек! Как будто в душу заглянул мне.

— Это о нас, — согласился командир. — В самую точку угодил.

В этом было, пожалуй, главное. В море стихи Лебедева воспринимались особенно остро, личностно.

И тогда я рассказал подводникам о той далекой ноябрьской ночи сорок первого, пережить которую поэту не довелось.

…Поздняя осень на Балтике богата штормами и непогодой. Тревожно гудят осенние ветры, снежные заряды гулко ударяют в надстройки боевых кораблей, белесой пеленой проносятся над палубами, острыми иглами впиваются в лица моряков.

Так было и в ночь с тринадцатого на четырнадцатое ноября сорок первого года, когда подводная лодка Л-2, на которой штурманом служил Алексей Лебедев, в составе конвоя следовала в район Ханко. Шторм сорвал с якорей мины и нанес их на фарватер по пути следования конвоя. Видимость временами уменьшалась почти до нуля, и даже впередсмотрящий, стоявший в самом носу корабля, не в состоянии был своевременно предупредить о грозящей минной опасности. Именно в такой момент и раздался мощный взрыв, потрясший весь корпус подводной лодки. Отважно сражалась аварийная группа во главе с лейтенантом Лебедевым за живучесть своего корабля, и им удалось отстоять его. Но несчастья не ходят в одиночку. Уже вторая мина подстерегала раненую подлодку…

В том длительном трудном походе, о котором я рассказываю, Алексей Лебедев был с нами рядом и помогал нам. Сборник его стихов выдавался на руки на два часа, потому что был единственным в нашей библиотеке. А читать хотели все. В матросских тетрадях и блокнотах появились аккуратно переписанные лебедевские строки.

Вскоре ко мне подошел Слава Базилевский и застенчиво, переминаясь с ноги на ногу, попросил:

— Посмотрите, товарищ капитан второго ранга, я тут стихи сочинил. Правда, пока только четыре строчки, остальное — в голове.

Присутствовавший в центральном отсеке командир с любопытством посмотрел на молодого электрика.

— Прочти вслух, комиссар.

Я взял из рук Славы тетрадный листок и прочел:

Это время выпало из года,
Но его мы прожили не зря.
Сутками подводного похода

Падают листки календаря…

— А ведь хорошо, — похвалил командир. — Выходит, и поэзия на подводной лодке нужна не меньше, чем хлеб и воздух.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

После огромного напряжения предпоходовых дней люди должны были передохнуть, перестроиться, или, как образно говорят моряки, — «прийти в меридиан». И потому на первые дни похода никаких крупных мероприятий мы не планировали. Но уже в начале плавания произошли события, которые никак нельзя было обойти молчанием. Взять хотя бы дни рождения членов экипажа. Уже давно стало хорошей традицией на флоте отмечать их под водой по-особому.

Молодой лейтенант Павел Ильин впервые в своей жизни вышел в длительное плавание. Он не то чтобы забыл о дне своего рождения, но слишком много всяких дел и забот навалилось на него. До того ли!

Ильин поставил перед собой задачу — сдать в море зачеты на самостоятельное управление группой, а это требовало от него постоянной сосредоточенности и напряжения сил. На подводной лодке лейтенант понял: чтобы стать хорошим подводником, мало знаний, полученных в училище, надо работать и работать.

…Для Ильина этот день ничем поначалу не отличался от предыдущих. Так же, как и раньше, Павел с утра взялся за схемы, так же «ползал» по отсеку, изучая на на этот раз систему погружения и всплытия. В свободную минуту перед обедом подошел к нему товарищ, Анатолий Жуков, и попросил:

— Сыграй, Паша, что-нибудь для души.

Павел взял гитару и, тихо перебирая струны, запел «Червону руту». Пел негромко, с чувством. Все, кто был в отсеке, задумчиво слушали лейтенанта, его теплый задушевный голос.

В экипаже быстро приметили внимание Павла к людям, его настырность в изучении своего дела, умение подарить товарищам хорошую песню. Эти музыкальные паузы сразу полюбились подводникам, и как-то получалось, что перед обедом в отсеке «случайно» оказывалось больше людей, чем было положено.

Но вот ожил динамик, и песня оборвалась на полуслове.

— Внимание, внимание! Прослушайте очередной выпуск радиогазеты «Подводник».

Моряки уже привыкли, что каждый день в одно и то же время раздается голос диктора, «выдавая» свежую порцию информации. Правильно говорят, что не хлебом единым жив человек. Информация нужна была подводникам, как воздух. Ведь это звучал голос Родины, дошедший к ним через многометровую толщу вод в далекую, затерянную в океане точку.

Последние известия, схваченные в краткие минуты сеансов

связи, сменились внутрикорабельными новостями. А потом пошел лирико-сатирический раздел «Беседа обо всем и без всякой утайки вашего друга боцмана Драйкина». Он был написан стихами. Сначала боцман «драил» нарушителей, тех, кто нечетко выполнял свои обязанности, имел упущения по службе. Подводники, слушая, поддерживали критику Драйкина дружным смехом и замечаниями, которые доставляли провинившимся неприятные минуты. Но вот голос боцмана потеплел:

…Ну, а теперь кончаю драить,
И так иных разнес сполна.
И с днем рождения поздравить
Хочу я Павла Ильина…

Лейтенант даже вздрогнул: так неожиданно это было.

Боцман деликатно напомнил о молодости Павла, поздравил его с первым плаванием и похвалил:

…И труд его уже заметен.
Я им доволен, это так.
И у меня он на примете
Как добросовестный моряк…
Пусть будет путь по жизни светел
И достиженья велики.
Всего вам лучшего на свете
Желают нынче моряки…

Притихший, растроганный сидел Павел в отсеке, где застала его передача, а друзья тормошили, обнимали, жали руки…

Затем из динамика раздался голос командира:

— Сегодня нашему товарищу, лейтенанту Ильину Павлу Леонидовичу, исполнилось двадцать четыре года. Поздравляю его с днем рождения и от имени экипажа желаю всего самого лучшего в службе и в жизни. В честь этого события подводная лодка подвсплыла не двадцать четыре метра — глубину, равную годам именинника, на карте отмечены широта и долгота места. Лейтенант Ильин приглашается в центральный отсек.

В центральном отсеке Павлу был вручен памятный адрес и подарок от экипажа.

На этом «испытанья» Ильина не закончились. Когда он сел за стол в кают-компании, в отсеке появился наш кок, «адмирал кулинарных наук» — мичман Портареску. Он нес огромный именинный пирог, на котором коричневым вензелем красовалась

цифра «24». И снова поток поздравлений и пожеланий захлестнул лейтенанта.

— Такого дня рождения у меня еще никогда не было, — сознался он. — Я даже не представлял, что его можно так торжественно отметить на глубине, где людям, казалось бы, совсем не до этого…

Но и это еще было не все. Когда в кают-компании доедали разделенный на всех именинный пирог, на магнитофон как бы невзначай была поставлена кассета и Павел неожиданно услышал… голос жены:

— Дорогой Паша! Я так рада возможности поздравить тебя с нашим семейным праздником. Семь футов тебе под килем, попутных течений в нашу сторону и скорой встречи на берегу. Мы все тебя любим и ждем.

Павел даже тряхнул головой: уж не снится ли? — но голос не пропал, звучал так, словно жена была рядом. Предательский комок подступил к горлу…

Потом уже, как сквозь сон, услышал голос друга. Тот тоже поздравлял его с праздником. Друг! Как хорошо было бы им здесь вместе. Но, к сожалению, он не попал в этот поход. И все же Павел чувствовал его близость в эту минуту. Друг играл на гитаре и пел их любимую песню: «Прощайте, скалистые горы».

«Вот тебе и обычный день, — думал Павел. — И ведь не хотел говорить никому, так нет же, узнали, и как отметили».

А вскоре, во время очередного выхода на сеанс связи, пришла радиограмма от командования. Оно тоже поздравляло лейтенанта Ильина и выражало уверенность в том, что молодой офицер будет достойным преемником славных традиций подводников-североморцев.

До краев переполненный чувством благодарности к друзьям возвратился Павел к себе в отсек и долго стоял перед очередным выпуском боевого листка, машинально, не вдумываясь в содержание, просматривая материал, помещенный в номере. И только знакомая фамилия вернула его к действительности. Он снова прочел боевой листок. Тот был посвящен ему, Павлу Ильину.

«Ну кто я такой? — думал Павел. — Молодой неопытный лейтенант, впервые вышедший в море, в длительный поход с этим экипажем. Я ведь еще ничего для них не сделал. А сколько внимания! Правду говорят, что нигде нет такой дружбы, как на подводной лодке».

На следующий день свое рождение отмечал вышедший с нами в поход корреспондент флотской газеты старший лейтенант Владимир Жданов. И хоть поход был только в самом начале, мы

вручили Жданову нагрудный жетон «За дальний поход». Потом, спустя два года, в Мурманском издательстве выйдет дорогая нам всем книга «Подводный дневник», автором которой будет уже капитан-лейтенант Жданов, ставший к тому времени корреспондентом «Красной звезды».

РАДИОГАЗЕТА «ПОДВОДНИК»

«Внимание! Внимание! Прослушайте очередной выпуск радиогазеты «Подводник».

Корабельные часы показывают ровно восемнадцать. Стало традицией именно в это время, перед ужином, передавать радиогазету.

В условиях оторванности от внешнего мира роль ее была особенно высока, и мы старались сделать ее разнообразной и интересной. Постепенно определились и постоянные разделы: последние известия, вести с боевых постов, дневник соцсоревнования, сведения из истории флота, обзор района плавания, идеологический раздел, календарь памятных дат, спортивный дневник, беседа боцмана Драйкина. По мере необходимости возникали и другие темы.

Подготовка такой газеты требовала большой напряженности, но перебоев в выпуске ее не было.

К каждому разделу, чтобы он стал интересным, нужен был свой волшебный ключик.

«Последние известия» — это то, что удавалось нам схватить по радио в краткие минуты сеансов связи, когда короткое сообщение с земли все ловят с нетерпением. В такие моменты иногда давалась и краткая информация о положении дел на флоте, в базе и конкретно в семьях.

Помню, как долго ждали мы сообщения о прибавлении семьи у боцмана Харьковенко. А оно все не приходило. И вот, наконец, получено: у боцмана родилась дочь. Боцман ходил счастливый: сын у него уже рос и дочь была желанной.

Корабельная радиогазета немедленно откликнулась стихами:

Попробуй счастие измерь,
Приятно, боцман, слушать это:
Сын был уже, ну, а теперь
И дочь до полного комплекта…
Желаем боевому другу,
Заданье выполнив точь-в-точь,
Увидеть славную подругу,
Сынишку и, конечно, — дочь!

Все вместе мы придумывали имя новорожденной. Фантазия разыгралась: Аврора, Виктория, Марина и даже… Атлантика! По возвращении узнали, что жена боцмана, знать не зная о наших

спорах, назвала дочку просто — Машенька.

Радостно принимал боцман все поздравления. Он видел, как близко принял к сердцу экипаж это сообщение. И вообще известия о событиях сугубо личных, хотя и поступали в конкретный адрес — радовали всех. Вот пришло поздравление с днем рождения командиру группы Виктору Кибиткину: «Поздравляем папочку с днем рождения. У нас все хорошо. Целуем. Нина, Вадик, Эдик». И все улыбаются. Еще бы, кто в базе не знал этих забавных шалунов — Эдика и Вадика.

«Последние известия» в радиогазете, как правило, подавались очень живо. Такими же мы старались сделать и другие разделы.

«Вести с боевых постов» велись как репортаж из отсеков. Ну вот, например, так:

— Внимание! Сейчас мы находимся у торпедных аппаратов. Рядом с портретом прославленного мастера торпедных атак Героя Советского Союза Лунина стоит пока еще менее прославленный, но уже достаточно известный всем старшина команды торпедистов, мичман флота советского Петров Станислав Михайлович. «Товарищ мичман, что бы вы хотели сказать экипажу?» «Я бы хотел заверить всех, что если потребуется отражать нападение агрессора и атаковать противника, то наши торпедисты не подкачают. Торпеды пройдут точно под мостиками кораблей».

Репортаж продолжается: «А теперь мы находимся в рубке акустика. Здесь боевой пост старшины первой статьи Кулика. «Товарищ старшина первой статьи, какая специальность на корабле наиболее почетна?» — «Ну, конечно, акустика, — басит Кулик. — Известное дело, как гласит пословица: «Каждый кулик свое болото хвалит». Ну да это к слову пришлось. А если говорить о старшине первой статьи Кулике, то надо с гордостью отметить: вот уже более двух лет он является лучшим акустиком корабля, достойным преемником знаменитого акустика военных лет, старшины первой статьи Веселова…»

В таком же духе идет репортаж и с других боевых постов. И по тому, как ждали на лодке очередного выпуска газеты, можно утверждать, что форма эта оправдала себя.

Раздел «Из истории флота» всегда был насыщен фактами героического прошлого Северного флота, преимущественно подводного.

Рубрика «Обзор района плавания» позволяла довольно подробно информировать о районе, в котором пролегал наш курс.

«Идеологический раздел» говорил о важнейших событиях во внешней и внутренней политике нашего государства.

«Дневник соцсоревнования» полон цифр и фамилий, номеров

боевых постов и смен.

К организации социалистического соревнования мы подходили очень вдумчиво, считая его мощным рычагом в повышении боеготовности. Мы решительно восставали против общих фраз в обязательствах, добиваясь конкретности. Вот хотя бы социалистические обязательства матроса Владимира Цветнова:

> «Стать отличником боевой и политической подготовки, специалистом второго класса, отработать взаимозаменяемость с соседним боевым постом, освоить смежную специальность турбиниста, изучить биографию В. И. Ленина, изучить историю подводного флота КСФ, выпустить десять боевых листков, внести пять рационализаторских предложений, добиться сокращения нормативных показателей на десять процентов, принять активное участие в Малой подводной спартакиаде и КВНе между боевыми сменами».

И это все только в одном длительном плавании. Из таких личных обязательств складывались общие.

В походе особое внимание уделялось соревнованию между отсеками и боевыми сменами. Каждому члену экипажа ежедневно выставлялась оценка и в отсеках вывешивались красочные графики, где оценке соответствовал свой цвет: отличная — красный, хорошая — синий, удовлетворительная — зеленый, плохая — черный. А вот оценка отсеку, смене, кораблю была не среднеарифметической из личных оценок, а наихудшей, полученной за сутки. Если кто-то нес вахту плохо — из-за него неудовлетворительную оценку получал отсек, смена и подводная лодка в целом.

Споров из-за этого было много, но командир поставил точку:

— На подводной лодке мы настолько зависим друг от друга, что ошибка одного может свести на нет успехи всех.

Такая система оценок настолько повысила ответственность каждого, что провинившегося прорабатывали все, и в первую очередь радиогазета.

Удачным, на наш взгляд, был раздел «Календарь памятных дат». Огромный справочный материал был поднят еще на берегу, чтобы раздел как бы приобщал каждого подводника к живой истории нашей страны. Начинался он так:

«Сегодня тридцатое апреля. Что произошло в этот день?»

Затем шли события большой давности, как правило, еще от Петра I, а то и ранее, и постепенно приближались к событиям двадцатого века.

«…30 апреля 1938 года был спущен на воду крейсер «Максим Горький», в годы Великой Отечественной войны ставший Краснознаменным.

30 апреля 1939 года подводные лодки Северного флота Щ-402, Щ-403, Щ-404 и Д-2 участвовали в обеспечении радиосвязью беспосадочного перелета советских летчиков во главе с Коккинаки через Атлантику в США.

30 апреля 1942 года лейтенант Никифор Игнатьев совершил первый воздушный таран на Северном флоте.

30 апреля 1945 года наши доблестные войска водрузили Знамя Победы над рейхстагом. В боях под Берлином отличился отец нашего трюмного матроса Маркина, Степан Маркин, за что был награжден орденом Славы третьей степени. В боях под Берлином погиб смертью храбрых дядя торпедиста Конева — Иван Конев. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! На корабле объявляется минута молчания…»

Потом идет продолжение передачи:

«…30 апреля 1950 года родился наш торпедный электрик матрос Сенюшкин…»

Затем повторяется ритуал поздравления с днем рождения.

Подготовкой радиогазеты в основном приходилось заниматься мне. Но что бы я сделал без актива?! Особенно при написании раздела «Беседа боцмана Драйкина». Ведь не мог же я круглосуточно присутствовать во всех отсеках. С благодарностью вспоминаю коммунистов Селичева, Овчинникова, Гарницына, Петрова, Жукова, комсомольский актив: Тяжелова, Кулишкина, Бондарева, Цветнова, Фомина… Да разве всех перечислишь, кто дружил с «Драйкиным» и рассказывал ему обо всем.

Могучим подспорьем радиогазете были боевые листки, выпускавшиеся в каждом отсеке, как правило, ежедневно. Это был своеобразный отчет о проделанной работе. Наиболее красочные и содержательные листки были у турбинистов и электриков. Надо сказать, что старшина турбинной команды мичман Виктор Гарницын не только следил за регулярным выпуском листков редактором Николаем Друзякой, но и сам, обладая талантом художника и поэта, подготовил прекрасные образцы стенной печати. По итогам похода он был награжден за это грамотой Нептуна.

Были у меня излюбленные места на корабле, где готовились конкретные разделы радиогазеты: «Беседа боцмана Драйкина» — у холодильной машины, «Календарь памятных дат» — в каюте, «Последние известия» — в штурманской рубке, а оформление газеты в целом — в офицерской кают-компании. Активисты знали

эти места и по ходу подготовки, как говорится, «подбрасывали уголек в топку».

ЕГОРЫЧ

Наступил полдень. Впрочем, для нас это не имеет особого значения. Уже много недель идем мы без всплытия, и только красные цифры дат на карте говорят о том, в какой точке Мирового океана находится наша подводная лодка. Грани между днем и ночью настолько условны, что лишь корабельные часы с разбивкой на двадцать четыре часа и подсказывают время суток. Да еще очередная смена вахты напоминает: середина дня.

Но для майора медицинской службы Анатолия Егоровича Овчинникова двенадцать часов «условного дня» важны.

«Так, — вздыхает он, прерывая очередную запись в. «Дневнике похода». — Сейчас войдет Портареску и доложит: «Товарищ майор, обед готов. Снимите пробу».

И точно, в дверь каюты деликатно постучали, потом она покатилась вправо, скользя по металлическому желобу, и в просвете показалось широкое, озаренное улыбкой лицо корабельного кока, молдаванина мичмана Портареску.

— Товарищ майор… — начал он.

— Ладно, ладно, Иван, — поднимается с дивана доктор, — все ясно. Иду. Итак: на первое суп фасолевый, на второе плов, ну и компот с булочкой на третье. Я так тебя понимаю?

— Так точно, товарищ майор, — еще больше расцветает в улыбке кок. — На первое кислые щи, на второе макароны по-флотски, пирожки с повидлом и компот. Это вы в точку попали.

Оба лукаво посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Анатолий Егорович, конечно же, знает, что на обед щи, макароны и пирожки с компотом. Но удовлетворенно отмечает, как в ответ на его «контр-меню» радостно и одновременно изумленно сверкнули глаза простодушного Портареску и как весь он внутренне возликовал от того, что сейчас огорошит всезнающего доктора.

Рядом с огромным Портареску доктор кажется совсем маленьким. Он и впрямь невысок, но никогда не придает этому значения, и на шутки друзей по поводу своего роста отвечает с дипломатичной улыбкой: «Не нам оценивать, кто из нас мал». Его в экипаже любят все и в обращении между собой зачастую, опуская звание и имя, называют просто — Егорыч.

Такое вопиющее нарушение устава отнюдь не оскорбляет доктора. Всем своим видом и манерами он решительно отвергает всякую фамильярность, но поощряет задушевность и даже просто своим присутствием в отсеке создает какой-то особый микроклимат, где наряду с деловой обстановкой царят

взаимопонимание и доверие.

В Егорыче нет ничего показного. И каждый в экипаже знает, что нашему милому доктору можно сказать все — он поймет.

Вот и сейчас, стоя перед Портареску, огромным, черноволосым, необычайно смешливым и добродушным, Егорыч заразительно смеется, а Иван в этот миг просто обожает доктора; и если бы он вдруг поднял Егорыча своими мощными руками и расцеловал в щеки, наверно, никто бы не удивился. Тем более, что Егорыч в светло-голубых шортах и майке, форме одежды, объявленной на корабле, кажется мальчиком и издалека вполне бы сошел за сына Портареску.

Из соседней каюты на шум выглядывает улыбающийся старшина команды турбинистов мичман Виктор Гарницын. Он с любопытством смотрит на смеющуюся парочку и тоже от души хохочет.

— Эх, нет кинокамеры, — жалеет он. — Заснять бы. Вот она жизнь, ничего не придумано!

А Егорыч, видя такое дело, удовлетворенно отмечает про себя: «Настроение у людей хорошее».

Мне понятна и дорога эта черта Егорыча: каждым своим словом и поступком давать психологическую разгрузку людям, отягощенным постоянной напряженностью длительного отрыва от родных и любимых, от солнца, от природы. Эпизод с коком не планировался, он был экспромтом, подсказанным большим человеколюбием доктора, его умением тонко чувствовать психологию подводников.

Я знаю, что он даже совсем неприятное может преподнести как благо.

— Эх, какой укольчик симпатичный я тебе сейчас закачу, — задирает он майку на спине электрика Владимира Кулишкина. — Ты потом с наслаждением будешь вспоминать эту минуту!

— А может быть, обойдемся без приятных воспоминаний? — с надеждой вздыхает Кулишкин. — От одного вида этой иглы меня в дрожь бросает.

— А ты не оглядывайся, кума любопытная. Я еще не колю тебя, а только прощупываю, где бы лучше это сделать, — говорит Егорыч, одновременно с этим четким движением вводя иглу в тело, и, вытащив ее, добавляет: — А вот сейчас будь готов!

Кулишкин весь съеживается в предчувствии боли, а Егорыч смеется:

— Будь готов… одеваться.

— А укол? — оборачивается электрик.

— Эк вспомнил, да уже давно все сделано. Шагай с песнями на боевой пост.

Кулишкин все еще не верит, что страшное позади, и недоверчиво поглядывает на доктора.

— Иди, иди, заяц, дядя не будет стрелять, он добрый.

Секрет безболезненного укола Егорыч объясняет мне так:

— Страшен не укол, а ожидание его. Сам он — пустяк, комар больнее жалит. А с присказкой любой укольчик сойдет за милую душу. Хотите на вас продемонстрирую?

Я, конечно, не хочу, но интересно.

— Давайте, Егорыч, только разве что-нибудь полезное.

— А как же, только полезное и ничего другого.

Он еще что-то говорит второстепенное, про секретный флакон с чудодейственным средством в его аптечке и, пока я интересуюсь этим флаконом, вкатывает мне какой-то витамин, с блеском подтверждая свою теорию, потому что боли я не ощущаю.

— А что же вы не стали меня уговаривать, как Кулишкина?

— Люди разные, и подход к ним тоже должен быть соответствующий.

Не думаю, что всю эту науку давали ему в академии. Он просто носил ее в душе, как талант. Но не сразу пришло к нему это искусство. Это сейчас он майор, ветеран корабля. А восемь лет назад юным лейтенантом прибыл на подводную лодку. Через полгода он сделал первую операцию в море, под водой, прямо на столе кают-компании.

Аппендицит, как назло, оказался запущенным, с множеством спаек, и Егорыч очень волновался. Помогали ему за отсутствием медперсонала матросы, старшины и офицеры экипажа, или, как он их потом окрестил, — «братья милосердия». Они старательно выполняли его приказания и вздрагивали при коротких: «тампон», «пинцет», боясь перепутать или не вовремя подать то, что нужно.

Весь экипаж участвовал в операции: электрики дали питание на рефлекторы, турбинисты обеспечивали плавный ход, лучший горизонтальщик соединения боцман Харьковенко застыл у рулей, удерживая лодку на ровном киле, электрик аккуратно снимал марлечкой капли пота со лба доктора. Все, как один, верили в него, и он чувствовал это. Молодой лейтенант в этот момент был главным на корабле, — он сражался за жизнь товарища…

— Ну ладно, Иван, ты досмеивай эту петрушку, — заканчивает уже известную нам сцену с коком Егорыч. — А мне некогда. Пойду по отсекам.

Он исчезает в каюте и через минуту появляется вновь, прижимая к себе левой рукой небольшой никелированный бачок с разведенным спиртом и марлевыми салфеточками. Повернув

рычаг кремальерного замка, он правой рукой и плечом надавливает на тяжелую круглую дверцу на переборке и, отодвинув ее, ловко, буквально сложившись вдвое, преодолевает высокий порог и скрывается в кормовом отсеке.

— Добрый день, орлы боевые, — приветствует он подводников. — Пора прочистить поры, тело должно дышать! Налетай, подешевело!

При этом он раздает салфеточки, пропитанные спиртом, и подводники добросовестно протирают лицо, шею, руки, выбрасывая использованные марлечки в специальный бачок.

— А внутрь нельзя маленько? — интересуется матрос, могучий парень из донецких шахтеров. — Что-то у меня шкворчит внутри, видать, еще уголечек не выветрился.

— Можно, — неожиданно соглашается Егорыч. — Заходите ко мне в каюту, у меня там хороший ерш есть, так прочищу, что внутри блестеть будет.

— Э, нет, — идет на попятную бывший шахтер. — Этот вариант нам не подходит.

— Стоп! Ну покажите руки, что это у вас за ссадина?

— Это-то? — небрежно кивает трюмный на красное пятно выше локтя. — Так, зацепил малость, когда в люк нырял при срочном погружении. Да вы не волнуйтесь, товарищ майор, ерунда, о чем речь?

— Ерунда, говоришь?

Улыбки как ни бывало. Егорыч перехватывает моряка за руку и внимательно осматривает пятно.

— Значит, так, немедленно ко мне, обработаем, перевяжем. Впредь, — оборачивается ко всем, находящимся в отсеке, — не советую скрывать такие болячки. Из-за них иногда получаются пренеприятные истории.

— Товарищ майор, — обращается к Егорычу молодой матрос Сергей Пермикин. — Почему так несправедливо? Вот мы все, имею в виду экипаж подводной лодки, разбиты на боевые смены. У каждого есть время и на вахте постоять, и специальностью заняться, и отдохнуть. А вот вы — односменку тянете. Подмены-то нет?

Вообще-то насчет докторской односменки подводники обычно шутят. Считают, что моряки народ крепкий и доктору, в принципе, просто нечего делать. Спи и книги читай. Ну, конечно, и пробу на камбузе снять надо, работка, как говорят, «не бей лежачего». Но нет, в голосе Пермикина нет насмешки, тон сочувственный. Егорыч отвечает серьезно:

— Я, Пермикин, думаю, что самая моя ответственная задача — создать обстановку, когда врачу нечего будет делать как

специалисту. Это значит — экипаж здоров, и любое задание будет выполнено. Разве не так?

— Конечно, — соглашается Сергей. — Я тоже за профилактику, это куда приятнее, чем болеть.

В рамках медицинской службы на корабле Егорычу тесно. Уж как-то получилось так, что именно он вот уже третий год секретарь партийного бюро подводной лодки, руководитель группы политических занятий у старшин, член спортивного комитета корабля, слушатель университета марксизма-ленинизма. Он — зачинатель и непременный участник большинства мероприятий, проводимых в экипаже.

Что касается непосредственных обязанностей по службе, то вроде бы нагрузка, действительно, не велика. Но и не так мала, как может показаться несведущему человеку.

— После трех лет службы на подводной лодке, — заявил мне как-то один из штабных работников, — врача можно списывать в «обоз», как дисквалифицировавшегося.

Я возразил, сказав, что врач не только лечит больных, он еще и первый психолог на корабле, а психологическая подготовка сейчас, когда подводные лодки находятся иной раз месяцами в море без всплытия, — задача наиважнейшая.

— Это врачи-то психологи? — ехидно усмехнулся он. — Да вот возьмите хотя бы Рафина. Примитивный человек.

Я не знал Рафина, но за Егорыча и его коллег стало обидно.

— Примитивные люди есть везде. Речь не о них. Если Рафин такой, значит, он просто-напросто — не врач. Потом вы забыли еще о санитарно-гигиеническом состоянии корабля. Ведь это все на плечах врача.

Наш Егорыч — творческий человек. Послушав как-то лекцию о нецелесообразности личному составу заниматься спортом в длительном плавании, он пришел ко мне посоветоваться: «Вы ратуете за спорт. Как же быть?».

Долго мы с ним сидели, изучая руководящие документы по спортивно-массовой работе, и пришли к выводу, что, несмотря на некоторые убедительные доводы лектора, были у него и элементы перестраховки. Правда, мы вспомнили случай с командиром БЧ-5 Починщиковым. Прекрасный спортсмен, он в походе чувствовал себя неважно, даже жаловался: «Ведь ежедневно упорно занимаюсь спортом. Взял с собой хорошие гантели, эспандер, тружусь в поте лица, а силы не прибавляется. И даже наоборот — слабею. Почему бы это?» Вроде бы наглядное подтверждение мыслей лектора. Но, может быть, истина посередине?

И вот тогда-то Егорыч и предложил давать спортивные нагрузки малыми дозами, но часто: минут по пять, но пять —

восемь раз в сутки. Комплекс упражнений мы продумали тщательно, чтобы все мышцы получали нагрузку равномерно. Пришла в голову еще новая идея — подкрепить комплекс оздоровительными сеансами: сначала окатывание забортной морской водичкой в душе, а потом прогревание под кварцевой лампой. Егорыч тут же установил ее в дизельном отсеке и повесил инструкцию, чтобы пользовались лампой умеючи.

— Знаю, не все сразу примут нашу идею, — рассуждал он. — Наверняка появятся три категории людей: как Починщиков (их надо будет удерживать от излишней активности), желающие заниматься по нашему плану и, наконец, совсем не желающие заниматься спортом в походе. За всеми будем вести наблюдение и посмотрим — правы ли мы.

Забегая вперед, скажу, что итог оказался самым отрадным: группа, занимающаяся по нашему графику и повторявшая комплекс: «позанимался — покупался — позагорал» — выглядела свежее всех, и послепоходовое привыкание к суше у нее прошло быстро.

— У вашего доктора определенные задатки ученого-исследователя, — сказал о Егорыче флагманский специалист. — А материал последнего похода — это, можно сказать, готовая диссертация на ученую степень.

Ну, это так — в порядке отступления.

…А Егорыч тем временем обходит отсеки: со всеми поговорит, где надо пошутит, а где и поругает.

— Ты что это, друг, не моешься? — прижимает он трюмного матроса. — Гляди, скоро ракушку с тебя сдирать будем.

— Так ведь некогда, — вяло отбивается моряк. — Вахта, работы всякие, занятия. Сегодня рабочим по камбузу заступаю.

— Ах вот как? Ну тогда тем более — немедленно помыться и перед заступлением на дежурство явиться ко мне.

Но, чувствуя внутреннее сопротивление трюмного, Егорыч сменяет тон и от приказного переходит к мягкому, укоризненному:

— Ведь в коллективе живете, Виталий, как можно так запускать себя?

Егорыч присаживается на небольшой выступ у холодильной машины и начинает с матросом обстоятельный разговор о необходимости чистоты и опрятности в жизни.

— Ну зачем так часто мыться? Только помоюсь и опять буду грязным, — артачится трюмный. — Специальность у нас такая, в грязи копаемся.

— Так, может быть, и спать не надо — все равно ведь вставать? И все-то вы наоборот переворачиваете, Виталий. При

чем тут специальность. Тот, кто имеет дело с грязью, как раз больше всех должен думать о чистоте. Ну разве не обидно, когда в радиогазете вас драят.

Матрос тяжело вздыхает: и стыдно ему, и мыться лень. Но все же встает, поскольку знает, что доктор ни за что не отступится.

Особенно трепетно относится Егорыч к исполнению обязанностей партийного секретаря.

Помню партийно-комсомольский актив, где обсуждался вопрос о повышении бдительности на заключительном этапе плавания.

Серьезно готовились мы к этому активу. В маленькой кают-компании было как-то особенно торжественно. Узкие столы: большой и малый — накрыты зеленым сукном. На скатертях чистые листы и по-штурмански тонко отточенные карандаши. По правому борту плакат: «Бдительность — наше оружие!» В носовой части большого стола, на командирском месте — трибунка. Все участники приоделись: офицеры и сверхсрочнослужащие в кремовых рубашках с галстуками, срочная служба — в белых форменках. В центре кают-компании, под радиоприемником, в нише установлен проигрыватель. Тихая музыка доносит до нас мелодии, любимые Лениным.

Актив начали с прослушивания пластинки «Обращение к Красной Армии». Глухой, с легкой картавинкой, голос вождя, казалось бы, доносится оттуда, из далеких и легендарных лет. Но то, что говорит Ильич, — злободневно и сейчас. Затаив дыхание, слушаем мы Ленина и настраиваемся на серьезный разговор.

В кают-компании тесно. Она не рассчитана на такое количество людей, и потому за столами сидим боком, чтобы меньше занимать места. Между столиками втиснули стулья-раскладушки. А все неуместившиеся сгруппировались в коридоре у носового и центрального входов в кают-компанию.

Идет большой партийный разговор о том, как успешнее завершить длительное плавание. Пословица: «Много народа — мало кислорода», как нельзя более подходит к условиям подводной лодки, и потому все особенно тщательно готовятся к выступлениям, чтобы в кратчайший срок изложить самое главное. Говорят о необходимости внимательного отношения к материальной части, строгого соблюдения эксплуатационных инструкций, недопустимости огрехов в несении вахты. Звучат фамилии, факты, вносятся конкретные предложения.

Спокойствия в море быть не может. Тишина обманчива и коварна. Стоит только поверить ей — и она жестоко накажет за беспечность.

Не могу забыть до сих пор давнего, но поучительного случая

с одним из гидроакустиков.

Мы находились далеко от базы. Монотонный шум работающих механизмов, однообразный гул моря создавали настолько привычный звуковой фон, что он воспринимался как полная тишина. Тишина обволакивала, тишина убаюкивала. Все ниже и ниже клонилась голова акустика. Он, как говорят подводники, «пошел на погружение». Задремав, акустик резко качнулся вперед и больно ударился головой о прибор. Это мгновенно вырвало его из состояния полузабытья, и он тотчас же услышал характерные шумы. Сомнений не было. Подводная цель!

Внезапный доклад не застал врасплох находившегося в центральном отсеке старпома. Умело маневрируя, он быстро уклонился от цели. Но что бы случилось, будь это в боевой обстановке. Необратимые процессы вступили бы уже в силу. Обладая современным оружием, противник безусловно атаковал бы нас, и по всей вероятности успешно. Вот что значит беспечность одного человека!..

И потому выступающие на активе особенно непримиримы были к малейшим фактам беспечности.

— Самое приятное в любом путешествии — возвращение, — выразил общее мнение моряков срочной службы электрик Слава Базилевский. — В базе нас ждут друзья, ждут письма из дома. Но не будем предаваться мечтам. Никто не имеет права сейчас расслабляться.

Егорыч останавливается на вопросе психологической разгрузки в условиях длительного плавания. Упор на эмоции. Он предлагает разнообразить распорядок дня, включив в него: литературные вечера, КВНы, диспуты, читательские конференции, обсуждения фильмов, подводную спартакиаду. Многих пугает обилие мероприятий, но Егорыч настойчив:

— Я всей душой против пассивного отдыха, бездумного лежания кверху пузом. Все, за что я ратую, отвлечет людей от ненужных мыслей, тоски по дому, внесет свежую струю в жизнь, а значит, повысит тонус и бдительность.

Выступление партийного секретаря не оставляет никого равнодушным. Ветераны подводной лодки коммунисты Селичев, Гарницын поддерживают доктора. Командование корабля тоже солидарно с ним. Предложения одобрены и приняты собранием.

Егорыч доволен. После актива мы, продолжая обсуждать в деталях каждый пункт предложений, вносим коррективы в план культурно-массовых мероприятий.

…Поход шел своим чередом, не внося особых изменений в распорядок дня. Неожиданности посыпались уже на обратном пути, когда подводная лодка проложила курс в базу. Вот здесь и

появилось опасное расслабление, а вместе с ним и жалобы на здоровье: изжога, плохой сон. Корабельный врач должен быть универсалом: и терапевтом, и хирургом, и невропатологом, и даже… зубным врачом. Довелось Егорычу и в этой области попробовать свои силы. Страшная зубная боль сокрушила старпома.

— Не могу, Егорыч, — взмолился он, — зуб замучил. Дергает проклятый, как швартов на стоянке во время шторма, аж скулу на бок воротит. Что хочешь делай: сверли, клади лекарства, тащи щипцами или даже козьей ножкой, но спасай.

— Главное не волноваться, Борис Николаевич, — успокаивает Егорыч пациента, а заодно и себя. — Садитесь вот туда в уголок, к лампе. Та-а-а-к, откройте рот, да пошире. Какой зубик волнует? Ага, ясно. Вот этот, видимо?

Егорыч уверенно коснулся нижнего резца каким-то замысловатым крючком.

— У-у! — загудел старпом.

— Понятно, не переводите на русский язык. Зуб-то, Борис Николаевич, того. Удалять надо. Правда, беззубый старпом, — задумчиво острит Егорыч, — это почти не старпом, но выхода нет.

Старпом вяло улыбается шутке доктора и устало машет рукой.

— Валяй, Егорыч. Об одном только прошу, не делай ты мне этих замораживающих уколов. Терпеть не могу.

— Так ведь больно будет, Борис Николаевич, очень больно.

— Знаю, больней, чем сейчас, все равно не будет. Дери его, гада.

— Врачи не дерут зубы, а удаляют, — с достоинством поправляет Егорыч. — Итак, пошире ротик.

Тот, кому случилось, как и мне, именно в эту минуту заглянуть к доктору, увидел незабываемую картину. На диване полулежа, привалившись головой к переборке, раскрыв широко рот, мычит старпом. Маленький Егорыч, чуть ли не коленом упершись ему в грудь, старается ухватить больной зуб щипцами. Внутри старпома что-то стонет и скрипит. Вцепившись руками в край дивана, он напрягается до предела, в глазах смертная мука. Но вот Егорыч, слегка приподнявшись, нажимает на щипцы, как на рычаг, словно выкорчевывает пень, и начинает оседать. Затем что-то хрустнуло, и через секунду доктор уже показал старпому удаленный зуб.

— На память, Борис Николаевич, возьмите. Теперь два часа не есть, от горячего лучше воздержаться до завтра.

Корабельные шутники вечером в кают-компании говорили, что Егорыч действовал решительно, но удалил не тот зуб. Но

старпом больше на зубную боль не жаловался.

С прочими мелкими болячками и недомоганиями Егорыч справляется еще уверенней, поддерживая боеготовность корабля на должном уровне.

МОРЕ — НЕ ПОМЕХА

С выходом в море береговой распорядок дня значительно меняется. И это понятно: ведь в в походе экипаж разделен не только на боевые части и службы, но и на боевые смены. В каждой из них есть представители всех специальностей. Таким образом, боевая смена становится как бы отдельным подразделением.

Для каждой проводятся специальные инструктажи, учеба. Между боевыми сменами идет социалистическое соревнование, проводятся спортивные состязания. На походе в сменах имеются партийные и комсомольские секретари. Так удобнее.

Неизбежны какие-то изменения и в формах учебы, в том числе и политической. Здесь не только меняются время и состав групп политзанятий, но и тематика самих занятий. Она нацелена на решение основных задач похода. Темы вполне конкретные: «Атлантика в агрессивных планах империализма», «Стойко переносить трудности морской походной жизни», «Бдительность — наше оружие», «ВМФ США — орудие агрессии и разбоя» и другие. Соответственно пересматривается и система марксистско-ленинской учебы офицерского состава.

Не прекращается в море и учеба слушателей университета марксизма-ленинизма и партийной школы.

Политическим отделом соединения мне было дано право принимать у слушателей зачеты.

Уже на второй неделе плавания потянулись они ко мне с зачетными книжками и конспектами. И я не ограничил их какими-то определенными часами распорядка дня.

Сегодня очередной день похода. Он оказался особенно урожайным на слушателей партийной школы. В течение суток у меня в каюте побывало пять человек.

Старший матрос Григорий Козлов постучался ко мне довольно поздно. Время было ночное, часы показывали пол первого. Все сменившиеся с вахт уже спали.

— Разрешите сдать зачет, я знаю, что вы все равно поздно ложитесь.

— Но ведь у нас впереди еще есть время. Не лучше ли вам отдохнуть перед вахтой?

— Все равно не спится.

Козлов — слушатель первого курса партийной школы. Конечно, для сдачи зачетов он выбрал не самое удачное время. Но его настойчивое желание сдать зачет немедленно — понравилось мне.

— А литературу вы законспектировали?

Козлов с готовностью протягивает тетрадь.

Конспект написан неплохо, со старанием. Однако есть и неточности. Мы тщательно разбираемся в них.

— А ведь ты готовишься вступать в партию, друг Григорий. Как же так? Надо хорошо разобраться в этом разделе.

Разъяснив ему сущность разногласий, возникших на II съезде РСДРП между Лениным и Мартовым, я задаю Козлову еще несколько вопросов и, убедившись, что тему слушатель партшколы усвоил, поздравляю с зачетом, отметив про себя его старание.

Во время похода члены бюро проверяют, как идет самостоятельная учеба слушателей, не ограничиваясь контролем, а стараясь всесторонне помочь тем, кто занимается самостоятельно. В море на заседание партийного бюро уже были приглашены слушатели партшколы — молодые коммунисты. Они услышали от старших товарищей ценные рекомендации и советы. Члены бюро обсудили помещенную в газете «Правда» статью «Самообразование коммуниста».

Организация самостоятельной учебы в море выдвинула перед партийными активистами ряд вопросов.

Большое значение имеет здесь доброе слово. Очень важно вовремя отметить трудолюбие и старание тех, кто учится самостоятельно.

Учитывать специфику дальнего похода необходимо, но делать скидку на трудности нельзя. Это не только ухудшает качество усвоения материала, но и, что не менее важно, рождает безответственность, расхолаживает человека.

Вот один пример. Влетел ко мне в каюту, как всегда веселый и жизнерадостный, старший матрос Анатолий Белозерцев, выложил конспект по политэкономии, попросил разрешения сдать зачет. Однако записи, которые он сделал в своей тетради, были краткими и поверхностными. Да и оформлен конспект небрежно. Может быть, указать на недостатки и, учитывая трудности похода, примириться с таким конспектом? Но ведь Белозерцев — слушатель второго курса партийной школы. Он должен быть примером для остальных.

Глаза Белозерцева излучали немедленную готовность получить зачет. Но я не мог допустить этого:

— Неужели вам не стыдно показывать такой конспект? Договоримся: я его не видел и никогда ничего подобного у вас не увижу. Итак, в среду вас жду.

Белозерцев был явно смущен, но не обижен. Я видел — он понял свою ошибку, ему стыдно. Он сделался буквально пунцовым.

— В среду все будет как надо.

— Вот и хорошо. Приятно иметь дело с самокритичным человеком.

Свое слово старший матрос сдержал. Новый конспект был аккуратным и полным. И к ответу Белозерцев подготовился. Более того. После я видел, как Анатолий Белозерцев помогает своим товарищам, обучающимся на первом курсе партшколы, остерегая их от поверхностного изучения материала.

— Взялся за гуж, не говори, что не дюж, — наставлял он одного из них. — Если трудно — помогу. Не смогу я — сходим в партбюро.

Изучив тему, слушатели партшколы непременно сдают зачет. Зачет — это итог, а главное — стимул к дальнейшей работе.

Искренне радуют меня своими знаниями слушатели первого курса университета марксизма-ленинизма коммунисты мичман Виктор Гарницын и Станислав Петров. Они добросовестно изучают темы, успешно сдают зачеты.

— И когда он только все успевает, — говорят товарищи о Викторе Гарницыне. — И вахты, и занятия по специальности, и воспитание подчиненных, и работа в партийном бюро. И, наконец, учеба в университете марксизма-ленинизма…

Ответ простой: Гарницын очень дисциплинированный и организованный человек.

Вот наступает вечер. Мичман Виктор Гарницын устал после вахты, занятий по специальности, работ. А ночью ему снова на вахту. И все же он не спешит отдыхать. Достает учебник по истории КПСС, том произведений В. И. Ленина, общую тетрадь. Внимательно читает литературу, выписывает в тетрадь главное из того, что усвоил.

Так же настойчив и старшина команды торпедистов мичман Петров.

Далеко в океане идет наша подводная лодка. Одна за другой сменяются вахты. На борту проходят учения, тренировки. Упорно овладевают моряки своей специальностью. Но раз в неделю собираются по вахтам на политические занятия, которые проходят в форме живой беседы. В свободное время часто можно увидеть моряков, изучающих учебник по истории партии или произведения классиков марксизма-ленинизма. Море — не помеха для учебы.

СМЕШИНКА

Уже много недель, как покинули мы родную базу. Тысячи миль прошла подводная лодка, пронзая толщу Мирового океана. Десятки тысяч минут, миллионы секунд нанизались на невидимую нить ожидания. Давно уже стерлась грань между днем и ночью. Регулярно сменялись боевые смены, и круговорот жизни повторялся неизменно четким и строгим распорядком дня. Все шло размеренно, своим чередом.

Все по-прежнему добросовестно выполняли свои обязанности, но некоторые с усилием преодолевали апатию. И это тревожило.

Вот и сейчас, после просмотра кинофильма в кают-компании, когда все разошлись на отдых, я услышал за переборкой кряхтение и сопение. «Наверно, вестовой Юрий Семенищев, укладывается спать». И как бы в подтверждение услыхал его голос:

— Эх, старость не радость. Вот она, наша жизнь моряцкая. Полежим, что ли, пусть отдохнут старые косточки.

Я невольно усмехнулся. Юрий Семенищев, молодой, жизнерадостный, розовощекий парень, юморист и вдруг «старые косточки»! Семенищев, или, как его просто в команде звали, Семечкин, пользовался особой симпатией в экипаже. «Виной» тому были его добродушное лицо, веселый нрав и постоянная готовность к действию. Не знаю, кто первый придумал, но фамилия Семечкин ему очень подходила. Он даже откликаться на нее начал.

Помню, как-то на вечерней поверке, когда старшина дошел до его фамилии и дважды повторил «Семенищев» — молчал, хотя стоял почти рядом. И только, когда сосед толкнул его в бок и прошептал: «Семечкин, тебя вызывают», очнулся и четко ответил: «Я».

— Не спите в строю, — сделал замечание старшина.

Хороший спортсмен и организатор спортивных соревнований, культурного досуга, Семенищев был нужным и желанным в экипаже человеком. Особенно он был хорош на концертах, где неизменно читал стихи, как правило, — героические, о подводниках… Ходили слухи, что он и сам занимается стихотворчеством, впрочем, тщательно скрывая свое увлечение.

Вот каким был наш «Семечкин», как любовно звали его друзья. И вдруг… «Старость — не радость!» Тоскливая интонация, с которой были произнесены эти слова, совершенно лишила меня покоя.

И я зашел в кают-компанию. У правого борта, рядом с

радиоустановкой, сладко потягиваясь, стоял Семенищев. Он уже предвкушал близкий отдых и вид у него был умиротворенный и какой-то особенно домашний. Он как-то по-детски потянулся и сладко причмокнул. Увидев меня, Семенищев не растерялся, подтянулся и бодро отрапортовал:

День пролетел. Окончен бой,
И нам горнист сыграл отбой.

Семенищев любил говорить стихами и знал много наизусть.

— Откуда цитата?

— Не помню. Кажется, Алексей Лебедев, а, впрочем, не ручаюсь.

— А по-моему, это не Лебедев. Фамилия автора — Юрий Семенищев. Могу даже сказать, когда и на чем написаны эти стихи. У меня сохранилась салфетка, случайно оставленная на буфете. Почерк не вызывает сомнений.

— Да, было дело под Полтавой.

— Ну, положим не под Полтавой, а в Атлантике. А вот стесняться стихов не надо. Нам в походе они сейчас ох как нужны! А что, если нам объявить конкурс на лучшее произведение о походе?

Семенищев оживился, даже глаза заблестели.

— А что, верно. Думаю, многие примут участие. Опять же новый интерес в жизни появится. А то некоторые у нас не по годам апатичные стали.

— Да, на старые косточки, на жизнь нашу моряцкую жалуются, — не удержался я.

— Один ноль в вашу пользу, — рассмеялся Семенищев. — Только я это не серьезно, так, к слову пришлось.

— Я так и понял.

Спать уже не хотелось. Мы сидели с Семенищевым в кают-компании и разрабатывали условия конкурса. Решили стихами не ограничиваться. Пусть будут рассказы, очерки, боевые листки, рисунки, памятные значки и модели, но обязательно на тему похода. Вскоре условия были подработаны.

— Ну, встряхнем мы теперь публику, — радовался Семенищев. — Кстати, подоспела Малая подводная спартакиада, проведем КВН между боевыми сменами. Некогда будет скучать после вахты, да и жизнь потечет полнее. Да, мы вчера с торпедистом Васильевым решили готовить и выпускать юмористическую радиогазету «Смешинка».

— А чья идея?

— Васильева.

— Молодец Васильев. Думаю, что получится неплохо, особенно если будет и элемент самокритики.

Я имел в виду отдельные нарушения в службе со стороны Васильева, но простодушный Семенищев не понял намека и все принял в свой адрес:

— Будет и обо мне, я знаю несколько интересных моментов. Уж за это вы не беспокойтесь.

Я от души рассмеялся простодушию и незлобивости Семенищева: «Хороший парень!»

Семенищев, улыбаясь, продолжал:

— А знаете, так спать хотелось еще недавно, а вот сейчас ну ни чуточки не хочется. Совершить бы что-нибудь такое, если не героическое, то хотя бы интересное.

Он лукаво заглянул мне в лицо и уже просительно добавил:

— Может, попробуем и прикинем первую «Смешинку». А?

— А как же Васильев?

— Пока без него, с вами. Он не обидится, уверен. А потом уже с ним продолжим это дело.

— Ну давай.

И мы засели за выпуск первого номера «Смешинки», который должен был развеселить моряков.

НЕПТУН

О появлении Нептуна на корабле написано так много что вроде бы уже и добавить нечего. И все же.

В этом походе мы не должны были переходить экватор и Нептун явился к нам не традиционно. Сделать его приход тайным на подводной лодке дело немыслимое, но для многих это событие все же стало неожиданностью.

В десять часов утра в центральном отсеке на переговорном устройстве загорелась лампочка и раздался характерный звуковой сигнал. На связь вызывал кормовой отсек.

— Слушаю, — переключил нужный тумблер командир.

— Товарищ командир, — донесся голос начальника химической службы капитана-лейтенанта Николаева. — В кормовом отсеке отшлюзовался Нептун с Русалкой. Они следуют в центральный.

— Есть. Оказать ему все почести по пути следования.

Отсеки продублировали приказание и последовательно доложили о движении Владыки морей и океанов.

Наконец переборочная дверь из соседнего отсека открылась, сначала в отверстие продвинулся трезубец, потом корона и вот уже сам Нептун во всей своей красе вступил в центральный отсек. И хоть славно поработали корабельные умельцы, наряжая его, все же все узнали в грозном царе химика Антона Гедревича. В Русалке, грациозно извивающейся и почему-то игриво подмигивающей командиру левым глазом, опознали электрика Сан Саныча Бахарева.

Видимо, при перемещении по отсекам он зацепился за что-то, потому что кусок русалочьего хвоста был оторван и в прорехе просматривались тощие лодыжки Бахарева. Но это вовсе не смущало Сан Саныча. Он прекрасно вошел в свою роль и даже почему-то пытался отнять трезубец у Нептуна. Но тот не совсем милостиво отодвинул Русалку плечом, стукнул трезубцем о палубу и хрипло возгласил, обращаясь к командиру:

— Кто такие и куда изволите следовать?

— Мы люди советские, — подтянувшись и торжественно возвышаясь над всеми, ответствовал командир, и его слова услышали на всем корабле. — Подводники-североморцы. Следуем по заданию Родины в места отдаленные.

— Наслышан о вас, — кивнул головой Нептун и еще раз ударил трезубцем о палубу, а точнее о ногу Сан Саныча, настойчиво пытающегося вклиниться в разговор. Бахарев дернулся и ойкнул:

— Разрешите и мне сказать, — склонившись в полупоклоне, обратился он к Нептуну.

— Не твое женское дело встревать в наши мужские дела, — гаркнул неожиданно Нептун. — Нишкни!

Все заулыбались, а трюмный Третьяков прыснул в кулак, отчего был удостоен высочайшего пинка Нептуна.

Командир посмотрел вопросительно на меня. Сценарий явно нарушался. Что будет дальше — предсказать было трудно. Бахарев был в ударе. Но я доверился находчивости Гедревича и успокаивающе махнул рукой командиру, мол, не волнуйтесь.

Церемония продолжалась.

— Наслышан о вас, — повторил Нептун. — Знаю, вы хорошие мореходы и славные люди. Даю вам добро на следование в моих владениях. Отныне попутные течения и ветры будут сопровождать вас во всем длительном плавании. Вот вам моя охранная грамота, — протянул он лист командиру.

— Русалка, — дернул он Сан Саныча за кружевной ворот в тот момент, когда Русалка пыталась узнать у кока Портареску, что сегодня на обед. — Не суетись. Приступай к своему делу.

— Должен вам сообщить радостную весть, — Нептун вновь повернулся к командиру. — Ваше командование в попутным дельфином передало мне пакет с письмами. Русалка, вручи!

Распахнув полу царской мантии, он передал Русалке небольшой саквояжик, в котором все тотчас же признали докторскую сумку. На сумке красовалась надпись: «Мировой Океан, борт подводной лодки» и указан наш номер.

Сан Саныч, улыбаясь, принялся расстегивать сумку, но замок заело.

— Вот гадство, — возмутилась Русалка тонким фальцетом.

Пришлось вмешаться Нептуну:

— Не туда жмешь, милочка, — поправляя отклеивающуюся бороду, шикнул Нептун. — Дай сюда.

Он нажал какую-то кнопку, и сумка раскрылась. В ней лежала толстая пачка писем.

Русалка, эффектно выставив вперед правую ногу и откинув слегка назад туловище, вытащила из сумки первое письмо:

— Артюхову Григорию Егоровичу, прошу.

Мичман Артюхов недоверчиво принял письмо, но, взглянув на почерк и обратный адрес, вспыхнул от удовольствия:

— Это надо же!

— Барашков, Гринчук, Жуков, — бесстрастно выкликивал Сан Саныч. — Донцов, Бахарев…

Тут он запнулся и еще раз с удивлением вслух прочел адрес на конверте.

— Бахарев? Ну да, Бахарев. Так это ж мне, — улыбнулся он и, откинув сумку, стал лихорадочно распечатывать письмо.

— Стоп, — осадил его Нептун. — Так не годится, милая, — и, вырвав из рук Сан Саныча письмо, наставительно добавил: — Продолжай.

Бахарев умоляюще посмотрел на него, но Гедревич и бровью не повел:

— Продолжай!

Бедный Сан Саныч. Интересная церемония превратилась дли него в пытку. Он моментально ускорил темп:

— Козлов, Малинников, Мамедов, Наумов, — сыпал он, как из пулемета. — Демидюк, Воронкин, Гедревич…

Он машинально протянул письмо вздрогнувшему Нептуну, но тотчас же отдернул руку и спрятал письмо за пазуху.

— Письмо сюда, — грозно рыкнул Нептун.

Но Сан Саныч не дрогнул. Он закатил глаза и пропел:

— О, царь морской, не отвлекай свой взор на пустяки, все в свой срок настанет.

— У-у, — простонал Нептун.

Но вот розданы письма. Получили почти все, за исключением нескольких прибывших на лодку за два дня до выхода взамен заболевших и отсутствующих по семейным, обстоятельствам штатных членов экипажа. На остальных удалось, заранее списавшись с родственниками, заполучить заветные письма и до поры до времени спрятать их в сейф. Знали о письмах только командир и я.

Письма эти читались бессчетное количество раз, зачитывались до дыр и потом, наверняка, становились своего рода семейной реликвией. Они поднимали настроение, а стало быть, работали на боеготовность.

Праздник Нептуна закончился вручением грамот молодым подводникам, впервые вышедшим в длительное плавание. Здесь отступлений от сценария не было.

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»

Много бесед, лекций, диспутов провели мы в море: о любви, о дружбе, о подвиге, о верности присяге…

Был и такой тематический вечер — «Широка страна моя родная».

На подводной лодке в то время служили представители двенадцати национальностей: русские, украинцы, эстонцы, литовцы, молдаване, азербайджанцы, армяне, узбеки, казахи, татары, башкиры, чуваши…

И каждый считал, конечно, свою республику — лучшим местом в мире. Потому-то на этом вечере от выступающих отбоя не было: всем хочется вспомнить о своем доме.

Виноградарь Иван Портареску рассказывает о Молдавии, как поэму слагает:

— У нас лучший в мире климат. Тепло, но не знойно. Влажно, но не дождливо. Ветры есть, но ураганы — редкость. А какой урожай! А какие гостеприимные люди! Приезжайте в гости, всех угостят молодым, ароматным, молдавским виноградным вином.

— Вах, зачем говоришь, Молдавия лучше всех, — кипятится Мамедов. — Ты был в Баку? Ты знаешь, что это за город? Наверное, думаешь, только нефть? Нет, у нас все есть и даже больше и лучше, чем в Молдавии. Но в гости к тебе приеду, Иван.

Аго Санник — эстонец. Он не кипятится. Говорит спокойно, но веско:

— У нас нет винограда и нефти. Но мы много ловим рыбы. Балтийское море не хуже Каспия. И климат хороший, нет такой духоты, как в Баку. Видели бы наши леса и озера! Более красивых мест, чем у нас, я еще не встречал.

— Я живу в Ульяновске, — начал Александр Буранов. — Город старый, ему больше трех веков. Родина Ленина! Побывать у нас надо всем обязательно.

— Расскажи подробнее о ленинских местах, о сегодняшнем Ульяновске, — просит рулевой-сигнальщик Геннадий Турков.

Буранова не перебивает никто. Всем интересно знать, какой он, сегодняшний Ульяновск.

Ярко и образно рассказывали об Украине Николай Фоя и Георгий Штепа.

Украинцев на лодке много. И потому рассказы Фои и Штепы, красочные и живые, с меткими украинскими словечками и выражениями, активно дополнялись другие ми земляками.

Потом, собравшись все вместе, они запели «Распрягайте, хлопцы, коней».

Не отстали от них и белорусы. Здесь ведущий — химик, ветеран подводной лодки, мичман Антон Гедревич. Он был в ударе. Его земляки, матросы Кулешов и Ковалевич, прочитали собственные стихи о родном крае.

Узбек Касымов не ограничился гимном Ташкенту.

— Я из кишлака, потому спою о кишлаке.

Он взял самодельный дутар, с которым не расставался, подтянул струну и сказал, что будет петь своя песню в переводе на русский. Перевод был с ошибками, но никто не обратил внимания на эти детали.

— Сам играю, сам пою, — объявил Касымов и запел гортанным тенором.

А у нес кишмиш,
Груши, виноград.
Приезжайте к нам в кишлак,
Будем очень рад.

Касымова вызвали на бис, и он с достоинством повторил свое сочинение.

Этот удивительный вечер закончился исполнением песни «Широка страна моя родная», после чего по боевым сменам просмотрели кинофильм «Цирк».

Интересно провели мы диспут: «В чем романтика ратного труда?» и тематические вечера — «Никто не забыт, ничто не забыто», «Два мира — две идеологии».

А КВНы. Очень интересно проходили они на подводной лодке. Сколько юмора и изобретательности, эрудиции и находчивости обнаруживали моряки. Состязание обычно проходило в кормовом отсеке. На старт выходили команды боевых смен, и «схватка» начиналась. Коки готовили для победителей огромный пудовый пирог. Пирога, конечно, хватало для всех, но вручался он победителям.

Помню финальную схватку между юмористами первой и третьей боевых смен. Бедное жюри не знало, кому отдать предпочтение, настолько изобретательны и остроумны были все, а особенно капитаны команд — Геннадий Тяжелов и Вячеслав Базилевский. В этот день в корабельной газете появился большой репортаж а места «боев». Были в нем и такие строки:

…Сколько в этом попурри
Выдумки и вкуса.
Сбилось бедное жюри
С боевого курса.

Надо подводить итог —
Вроде все едины:
Резать призовой пирог
На две половины.
Кок довольный, весь в муке,
Сделал вывод личный:
«Дело тут не в пироге —
Отдых был отличный…»

Проведение КВН надолго отвлекло людей от мыслей о береге и не только в момент проведения самого состязания, но за много дней до этого — ведь люди готовились к «схватке».

Одними заботами, одним стремлением жил сплоченный многонациональный экипаж — выполнить задачу успешно и возвратиться в родную базу с чувством исполненного долга. А мероприятия, о которых я здесь поведал, способствовали нашему успеху.

МАЛАЯ ПОДВОДНАЯ СПАРТАКИАДА

Моряки любят спорт. Выносливых, сильных, ловких уважают на флоте. А в руководящих документах сказано: «Физическая подготовка — неотъемлемая часть боевой подготовки».

И мы гордимся тем, что впервые в истории длительных походов подводных лодок провели спартакиаду, назвали ее — Малой подводной. Потом это вошло в традицию не только на нашей лодке.

Не раз замечал, что после нескольких недель плавания у моряков, особенно молодых, появляется своего рода психологический надлом, понижается бдительность, возникает раздражительность.

Вот как раз в это время и намечено было начать соревнования. Нужна была встряска. И подводная спартакиада помогла.

Но как в неимоверной тесноте отсеков лодки все же провести спартакиаду, и что в нее включить? Об этом мы думали на берегу и в море.

И постепенно рождалось «Положение о Малой подводной спартакиаде». Его основные требования: соревнование проходит между боевыми сменами, участвовать должны все, без исключения (если кто-то не хочет, то смене даются штрафные очки: одно очко — за моряка срочной службы, два — за сверхсрочника, три — за офицера). Но зато за участие офицера или сверхсрочника второй возрастной группы участнику давался коэффициент — два, третьей группы — три. Личное первенство определялось в каждом виде по наименьшей сумме очков. За лучший результат, первое место, — одно очко, второе — два и так далее. Кто не участвовал, получал последнее место плюс одно, два или три штрафных очка в зависимости от звания.

Долго мы думали, а что же можно внести в программу состязаний, и остановились на следующих видах: растяжение эспандера, подтягивание на перекладине, подъем переворотом на перекладине, приседание на одной ноге, отжатие от палубы на руках, удержание положения «угол» в упоре на руках, жим гири весом шестнадцать, двадцать четыре и тридцать два килограмма (по выбору). Кроме того, в спартакиаду вошли первенство по шашкам и шахматам (команда пять человек от смены). То есть то, что можно организовать в условиях плавания.

На проведение состязаний в каждом виде давалось три-четыре дня с разрешением в течение этого времени любому желающему улучшить свой результат. А потом уже подводился

итог.

Таким образом, спартакиада растягивалась на несколько недель. Этим достигались два важных момента: во-первых, мы не давали участникам перегрузок, а во-вторых, — продлевали дух соревнования, его эмоциональное воздействие на всех.

А воздействие спартакиады переоценить трудно.

Помню начало ее. Основным местом проведения был избран отсек электриков. Там, было, скопились и выступающие и болельщики. Пришлось ограничить доступ в отсек — не более пяти выступающих. Но так как растяжение эспандера, а это был первый вид соревнований, не требовало специальных приспособлений, как, например, подтягивание на перекладине, то решили проводить параллельно состязания и в корме. Турбинисты, в свою очередь, предложили для выступлений и свой отсек.

Итак, спартакиада началась сразу в трех местах, почти одновременно.

Сведения о результатах стекались в центральный отсек.

Первым вышел на старт наш доктор, Егорыч. Все знали, что он особенно силен в гимнастических упражнениях и в этом номере среди лучших увидеть его не ожидали. Однако он сразу же опроверг это мнение.

Начал Егорыч легко. Первые двадцать движений сделал играючи, без напряжения.

— Ему, конечно, легко, — заметил высокий и длиннорукий торпедист матрос Поторока. — Рост малый. Эспандер почти не надо растягивать.

— Да, с такими ручищами тебе не легко, — посочувствовал электрик матрос Сонин. — Зато силища-то какая. Тебе не в пять нитей эспандер нужен, а в десять, по крайней мере.

А Егорыч уже перевалил «за тридцать». Усталость наступила мгновенно. Еще тридцать четвертый раз был сравнительно легким, а потом только три движения добавил он к результату.

— Овчинников — тридцать семь раз! — зафиксировал окончательный результат судья, капитан 3 ранга Анатолий Жуков. — Кто больше?

— Разрешите мне, — выступил вперед Поторока.

Ему хотелось немедленно доказать, что и он не лыком шит.

— Или обойду доктора, или эспандер разорву!

Эспандер буквально гудел в мощных руках торпедиста. Казалось, вот-вот лопнет. Но нет, выдержал.

— Тридцать два, — бесстрастно зафиксировал судья.

Поторока был явно огорчен своим результатом.

— Не огорчайся, друг, — успокоил его старшина команды

мичман Петров. — За обедом как следует покушаешь и побьешь рекорд.

Худощавый и казалось бы совсем хрупкий рядом с огромным Поторокой, химик Блинов растянул эспандер тридцать пять раз, вконец повергнув торпедиста в уныние.

В это время доложили с кормы — матрос Макаров показал результат сорок один раз, а в турбинном отсеке старший матрос Заболотный растянул эспандер сорок три раза.

Страсти накалялись. В боевых листках появились первые отклики на спартакиаду и фамилии лучших и худших. Мотористы нарисовали мощную фигуру матроса Булгакова, требующего у судьи пятый эспандер. Остальные четыре уже лежали порванные у ног богатыря. Булгаков довел рекорд до сорока пяти раз.

Но вот в центральном отсеке появился сияющий Виктор Гарницын. На вопрос: «Как успехи?», он ответил стихами из боевого листка, который только что вывесил его редактор матрос Друзяка:

…А в отсеке-то турбинном
Пермяков рекорды бьет.
Не эспандере пружинном
Сольный номер выдает.

Результат Пермякова — сорок девять раз в первый день спартакиады не превзошел никто.

А назавтра всех удивил рулевой Александр Буранов.

С виду вроде бы совсем не богатырского сложения, невысокий, жилистый, он растянул эспандер шестьдесят четыре раза и стал первым чемпионом Малой подводной спартакиады. По сумме очков вперед вырвалась вторая боевая смена, намного обойдя своих соперников. Мне в этом виде с результатом сорок два раза досталось только десятое место.

«Отмечены» были и самые низкие результаты. В боевом листке рядом с Бурановым изобразили тощих Выголова и Белозерцева. Они тянули один эспандер вдвоем, ухватившись с разных концов и напрягая последние силы. У обоих был самый низкий результат — шесть раз.

Целый месяц продолжалась борьба. Появились новые чемпионы. Ими стали: Егорыч — в подтягивании на перекладине и удержании положения «угол» в упоре на руках, мичман Тяжелов — в приседании на одной ноге, капитан-лейтенант Потапов — в отжатии на руках от палубы, Бондарев, Портареску — в жиме гири.

Впереди оставался еще один важный спортивный день —

побитие рекордов спартакиады. К нему готовились многие.

Ход состязаний широко освещался в радиогазете «Подводник» и в боевых листках.

По итогам соревнований определились «Чемпионы Малой подводной спартакиады» в каждом виде программы и «Абсолютный чемпион» по сумме очков во всех видах спартакиады. Звания закрепили приказом по кораблю, чемпионы были награждены грамотами с изображением Нептуна и ценными призами, призеры — грамотами.

Спартакиада дала значительную психологическую разгрузку, повысила тонус подводников, заметно приостановила ослабление мышц, неизбежное в условиях длительного похода.

ОДНОСМЕНКА

— Что, в очередной рейс по отсекам отправился? — улыбается командир. — Спал бы хоть эту смену. Я пройду и все проверю.

— Да разве дело в этом. Мне и самому необходимо знать, чем дышат люди: второй месяц похода пошел. Для молодых это — срок.

— Да и для старых немало. Ну что же, счастливо, комиссар! — понимающе кивает командир.

Ежедневно, минимум два раза за боевую смену, обхожу корабль. Смен — три. Значит — не меньше шести раз бываю в отсеках. А если учесть движение туда и обратно, то и того больше. Где перекинешься словом, где улыбкой, а где и застрянешь надолго.

— Внимание в отсеке, — скомандовал старшина 2-й статьи Штепа, первым заметивший меня.

Электрики — любопытный народ. Здесь многие интересовали меня своей яркой индивидуальностью. Ну вот хотя бы взять тех, кто находится сейчас на вахте.

Командир отсека офицер Жуков. Смуглый черноволосый красавец, серьезный, быстро загорающийся какой-нибудь идеей, волевой и энергичный. Мичман Незнаев, старшина команды, опытный специалист, но человек… В общем, требует особого контроля. Старшина 2-й статьи Штепа, основательный, неторопливый, очень надежный, на глазах растущий специалист. Старший матрос Базилевский — натура тонкая. Легко раним, но и быстро преодолевает обиды, корабельный поэт, активнейший участник всех общественных мероприятий. Матрос Минаков, маленький крепыш, призер первенства флота по боксу, очень открытый и веселый парень, но немного легкомысленный.

Нравится мне дружба в этой команде, стремление быть передовыми. Это все от Жукова. Его рука.

На самом видном месте в отсеке боевой листок с девизом:

«В поход ушел атомоход, ему мы обеспечим ход».

Неожиданно раздались звонки аварийной тревоги. В первом отсеке выбило прокладку пресса горизонтальных рулей. Какой-то разгильдяй плохо ее затянул. Плотный, приземистый старшина команды торпедистов мичман Петров, грудью принял на себя струю гидравлики.

— Убрать регенерацию, — кричит он матросу Галайде.

Галайда и сам стремглав бросается к установке и оттаскивает ее подальше. Попадание жидкости на пластину регенерации может привести к пожару, и медлить нельзя ни секунды. Потому так и стремителен обычно спокойный и даже неповоротливый Петров.

Через несколько секунд у пресса уже трудятся рулевые во главе с боцманом Харьковенко. Им помогают торпедисты. Взаимовыручка — непреложный закон жизни на подводной лодке. Недаром прославленный подводник-североморец, Герой Советского Союза Магомед Гаджиев сказал:

> «Нет нигде такого равенства перед лицом смерти, как на подводном корабле, где все или побеждают или погибают».

Командир электромеханической боевой части офицер Починщиков, как всегда, на самом ответственном участке. От него сейчас зависит, насколько скоро будет устранена неисправность.

— В заводских условиях на эту работу отпускается не меньше тридцати часов, — качает он головой.

Через шесть часов боцман доложил командиру:

— Товарищ капитан первого ранга, пресс горизонтальных рулей в исправности. Прошу особо поощрить старшего матроса Сошина.

В очередном приказе командира, объявленном по трансляции, все участники аварийной работы поощрены, а старшему матросу Сошину представлен короткосрочный отпуск. Для матроса это самое желанное поощрение. Сошин взволнован:

— Когда поеду? — обращается он к боцману.

Тот доволен работой подчиненного и благодушно отвечает:

— Зачем тянуть, Сошин? Вот сейчас отшлюзуется в отсеке дельфин, посадим тебя на него и айда, до самой Москвы быстренько домчит.

Сошин вздыхает. До конца похода еще много времени. А и там не сразу отпустят. И все же хорошо — впереди отпуск.

Смелым и решительным действиям рулевых и торпедистов, их дружбе и взаимовыручке посвящена сегодня вся радиогазета, в отсеках выпущены боевые листки, боевой смене за вахту поставлена оценка «пять»! Кок Иван Портареску испек огромный пирог, который едят всем отсеком, угощают и «соседей». Подводники народ щедрый. Они привыкли все делить поровну: и хлеб, и воду, и воздух.

— Спасибо, комиссар, за воспитание людей, — сказал мне сегодня вечером командир. — Хороший у нас коллектив

сложился.

— За что же мне спасибо? Думаю, в гораздо большей степени заслуживают вашей благодарности командиры боевых частей, особенно Починщиков и Виноградов.

— Пусть так, — кивает командир. — И все же — спасибо.

АЛЕКСАНДР КЛИМОВ

— У-у-ф, як в Сахаре, — отдувается турбинист Николай Друзяка, вытирая пот ветошью. Ветошь весьма сомнительной чистоты, но он этого даже не замечает.

— Сейчас сменюсь с вахты и — в душ, забортной солененькой водичкой ополоснусь, рушничком махровым погоняю по спине и на боковую.

— Ну, Коля, и горазд же ты спать, — удивляется трюмный машинист Александр Климов. — Так, глядишь, и увольнение в запас проспишь.

— Ни, — возражает Друзяка. — Ни як я не можу этого зробить. Дивчина мене пид Полтавой гарна ждет.

Климов и Друзяка одногодки. Вместе пришли на подводную лодку, вместе несут вахту, хоть и обязанности разные, вместе любят поговорить о службе, о доме, о любви.

— А у тебе, Сашко, дивчина е?

— Нима, Микола, — неожиданно для себя тоже по-украински отвечает Климов.

Вахта уже подходит к концу. В турбинном отсеке жара. Работает турбина, а холодильная машина маленько подкачала. Все ходят в трусах и майках. Это так называемое «разовое» белье, выдаваемое подводникам на поход.

— Что-то у нас пару многовато, — недоумевает мичман Гарницын. — Ну-ка, Друзяка, осмотри, да повнимательней весь отсек.

Минуты через две доносится тревожный крик Друзяки:

— Товарищ мичман, тут якась дыра зробилась на трубопроводе.

Старшина команды турбинистов, мичман Гарницын, очень опытный подводник, он моментально определяет, где течь.

— Вот, черт возьми, — ругается он. — В самом неподходящем месте. Это уж по закону подлости. Во, хорошо, Климов здесь. Это ведь по твоей линии.

Климову все понятно. Тут же он бросился к месту течи. На подводной лодке все системы и трубопроводы отданы в заведование трюмных.

Александр Климов невысок, худощав, жилист. Чувствуется, что спортивный парень. Но вода поступает, в отсек в самой гуще переплетений трубопроводов. Как туда пролезть?

— Да-а, задача, — тянет Гарницын. — Ума не приложу, как быть.

Но Климов — человек действия. Ни слова не говоря, он уже

пробирается к месту течи. Там не просто жарко. Там — горячо! И Климов чувствует, как в спину ему упирается какое-то пышущее жаром колено. Стиснув зубы, Климов пытается не касаться спиной, но не тут-то было. Он сжат трубопроводами, как тисками. «А-а-а, потерплю, — мычит он и, еще немного подавшись вперед, наконец-то дотягивается правой рукой до течи.

— Разводной ключ, — просит он. — Здесь, оказывается, сальник подтекает. Нужно было повнимательнее посмотреть перед походом. Ведь можно было тогда же и заменить.

Минута за минутой длится нестерпимая пытка. Временами Климову кажется, что он вот-вот потеряет сознание от боли. И в эту минуту он вспоминает отца. В том далеком сорок первом, трижды раненный, он не покинул поле боя, не бросил свой пулемет, выстоял. «А ведь ему, — пронзает Климова мысль, — было куда тяжелей, да и по возрасту в ту пору он был моложе меня. Так неужели ж я сдамся? Нет, ни за что!»

Когда, набив сальник и поджав его до отказа, Климов вылез из этой преисподней, его качало, перед глазами плыли красные круги, тошнота от перегрева подступала к горлу.

Догадливый Друзяка тотчас же набросил на него мокрую простыню и подтолкнул в бок:

— Иди, иди, Сашко, полежи на койке.

Шатаясь, Климов дотащился до кормового отсека и буквально рухнул на койку. Спину ломило и жгло.

«Что там, со спиной? — не успел подумать он. — Да, ладно, пройдет».

В следующую минуту он уже погрузился в тяжелое забытье. И снилось ему, что кто-то поставил ему на спину раскаленный утюг. Он силится сбросить утюг и — никак.

Боль не прошла и потом, когда он проснулся. Однако к врачу Александр не пошел. Более того, когда подошло время, снова заступил на вахту.

Только многоопытного Егорыча, нашего корабельного врача, провести трудно. Узнав обо всем, он-таки докопался до подробностей и немедленно разыскал Климова.

— Ты — молодец, — приветствовал он трюмного. — Как чувствуешь себя?

— Отлично, — стараясь отвечать пободрее, отозвался Климов.

— Ага, так и должно быть, — вроде бы согласился Егорыч. — Я тоже думаю, что отлично, — улыбнулся доктор. — Ну, ну, пусть так, — добавил он и слегка похлопал Климова по спине.

Александра от неожиданности так и передернуло.

— Ну, подними рубаху, — скомандовал Егорыч. Спина

Климова была вся в красно-белых пузырях.

— Марш в санчасть, и без разговоров. Герой.

— Да я… — начал было Климов.

Но Егорыч так посмотрел на него, что тот понял — дальнейший разговор бесполезен.

Три дня спина горела, и Климов с трудом передвигался и спал. Потом стало легче.

— Пришел бы сразу, — назидательно выговаривал Егорыч, — обошелся бы одним днем. Здоровьем дорожить надо. И учти, оно не только тебе принадлежит. Понял?

— Так точно, товарищ майор!

— Вот то-то, что точно. А отцу напишем о твоем подвиге.

В этом походе мы приняли Климова в партию. Голосовали единогласно.

Благодарственное письмо в Караганду на имя Григория Степановича Климова ушло сразу же по приходу в базу. Через десять дней был получен ответ.

«Дорогие мои сыны — друзья Александра!

До глубины души тронут Вашим вниманием. Будьте достойны подвига Ваших отцов и дедов. Зорко охраняйте наши рубежи.

Желаю Вам, дорогие мои подводники, обязательно быть бодрыми и здоровыми.

Счастливого Вам плавания! Большого успеха в службе!

С уважением к Вам офицер запаса

Григорий Климов».

НА ПИРС ШВАРТОВЫ БРОШЕНЫ

Как ни продолжителен был поход, но финиш уже близко.

Гигантская дуга нашего пути вот-вот должна сомкнуться. По правому борту показались очертания знакомых побережий.

— Прошли мыс Север, — глядя в перископ, отметил командир.

Всплыли в полночь в заданной точке и донесли по радио об успешном окончании плавания.

Ответ был коротким:

— Следовать в базу.

Отдраили верхний люк, и густой свежий воздух Заполярья хлынул в отсеки. Он был насыщен йодом, солью, морем. Мы жадно глотали его пьянящий настой и никак не могли надышаться. На близких подступах к центральному отсеку уже скопилось много желающих хотя бы на миг взглянуть на мир, от которого мы столько долгих дней были оторваны и к которому мы наконец-то возвратились.

Когда я поднялся наверх, то заметил, что мостик и весь корпус подводной лодки покрыты желтоватым налетом океанской живности — микроорганизмов. Когда командир размашистым движением провел указательным пальцем по слегка скользкой поверхности надстройки, на этом месте тотчас же вспыхнуло слово: «Родина».

Насколько оно емкое, это слово, мы чувствовали сейчас особенно остро.

— Родная база, — взволнованно .выдохнул стоящий слева Семенищев. — Здравствуй, это мы!

И я невольно улыбнулся, вспомнив, как тот же Семенищев, впервые попав на Крайний Север, сказал о нашей бухте, встретившей его особо ярой пургой:

— Ну и местечко. Наверно, во всем мире неуютней нет.

А теперь — «родная база»!

Как же надо стосковаться по земле, чтобы об этих голых, продутых ледяными ветрами скалах сказать так нежно.

Подводники поднимались наверх небольшими стайками, чтобы хоть несколько минут полюбоваться студеным морем. Проходя мимо вахтенного офицера в центральном посту, они перед вертикальным трапом, ведущим в боевую рубку, четко называли свои фамилии:

— Бондарев, Месяц, Фролов, Яхваров…

Вахтенный офицер отвечал коротко: «Добро» и отмечал про себя, сколько и кто наверху, регулируя смену желающих

«подышать по-настоящему».

…Несмотря на раннее время, пирс был заполнен встречающими. Подводная лодка развернулась в сторону берега и под острым углом к плавпричалу пошла на швартовку.

И в этот момент оркестр грянул «Варяга». Музыка звучала торжественно и призывно и я бы даже сказал — победно!

— Подать носовой! — перекрывая гром оркестра, прозвучал в мегафон зычный голос командира.

Бросательный конец метнулся к пирсу, и вскоре уже огон носового швартова надежно был накинут на кнехт и закреплен.

— Гюйс поднять! Флаг перенести!

Вот уже металлический трап, поданный с плавпричала, лег на верхнюю палубу лодки. Не дожидаясь, пока его закрепят, командир сбежал по нему на пирс удивительно легко и, стараясь не показать усталости, бедро сделал несколько шагов навстречу адмиралу, четко вскинул руку к пилотке и отрапортовал:

— Товарищ адмирал! Подводная лодка выполнила поставленную вами задачу, личный состав чувствует себя хорошо, материальная часть в исправности.

Адмирал распахнул объятия и на мгновение прижал командира к себе.

— Спасибо, Владимир Алексеевич, мы не сомневались в этом. Поздравляю с благополучным возвращением и правительственной наградой. Постройте экипаж на пирсе.

Потом адмирал приветствовал нас и сказал много добрых слов в адрес экипажа.

— Уверен, что вы и впредь будете выполнять поставленные задачи так же успешно, как выполнили эту!

Началась береговая жизнь.

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ

МОРЕ

Море я увидел впервые почти полвека назад. Помню, поезд долго вез нас с севера на юг к новому месту работы мамы — на Черное море. Помню, мы с братьями засыпали и просыпались с единственной мыслью: «Какое оно, теплое, сказочное, на берегу которого мы будем теперь жить?»

— Завтра, — сказала мама. — Завтра вы увидите его.

В то утро мы встали пораньше и — сразу к раскрытому окну: не прозевать бы! Уже ощущалось дыхание цветущего юга. Но за окном бежали — лес и горы. Горы и лес. Мы нетерпеливо и напряженно вглядывались в даль.

И все же оно открылось внезапно — за поворотом дороги. И прежде чем я успел поразиться его необъятности, вдохнуть его солнечную свежесть и осознать, что это наконец-то оно, долгожданное, опережая мою радость, в соседнем купе кто-то звонко крикнул:

— Море!

Так это оно! Такое огромное! Ничего подобного мы в жизни не видели. Саша, мой братишка, — мы с ним близнецы — потрясенно шепчет:

— Море…

И оглядывается на меня. Его светлые кудряшки развеваются, а глаза… голубовато-серые, как эта безмерная морская гладь, расстилающаяся перед нами в утренней дымке. Сердце мое переворачивается от какого-то неведомого восторга.

— Вот и Черное море, дети! — взволнованно восклицает мама.

— И совсем не черное, — спорит Саша. — Оно светлое.

Потом, потом я увижу его и черным, и грозным, и исступленным, услышу его штормовые басы и гулкие волны рвущегося у скал прибоя. Но как передать словами то ошеломляющее чувство — от морской безбрежности, ясности, безмятежности, величия, осененных белоснежным крылом парусника. Издали он кажется влитым в зеркало моря. Нет таких слов у меня и сегодня!

Но порой, когда я оглядываюсь на прожитые годы, наполненные суровым моряцким трудом, вспоминаю службу, нести которую довелось на всех флотах и морях нашей Родины, на надводных и подводных кораблях, на парусниках и атомоходах, в самых отдаленных глубинах Мирового океана, не раз показавшего нам, морякам, свой крутой нрав, то мое первое, «детское» море вдруг снова засияет из прошлого нежной

дымчатой голубизной. И этот свет упадет на живое лицо, моего брата Саши, которому через десятилетие будет суждено погибнуть в своем первом бою на Великой Отечественной. И в этом свете я опять увижу маму совсем молодой, хрупкой, глядящей на мир удивленно и с надеждой на близкое счастье, еще ничего не знающей о предстоящих испытаниях, о безмерной горечи непоправимых утрат, неумолимости времени…

Я БУДУ МОРЯКОМ

Мы жили в Батумском ботаническом саду, где в австралийском отделе расположился маленький уютный домик метеостанции. Здесь работала мама.

Домик стоял на горе, и прямо от окон крутой зеленый склон сбегал к морю. Его отдаленный рокот стал частью нашей жизни.

Начальник станции, Константин Михайлович Ажаев, пожилой, высокий, худощавый, в неизменном морском кителе и пенсне, в молодости был моряком и участвовал в Цусимском сражении. Он по-отечески относился к нам, жалел, что мы растем без отца, и в трудные минуты подбадривал:

— Держись, ребята! На море и не такое бывает…

И рассказывал нам о своей судьбе, о Цусиме…

А потом произошло событие, которое очень многое определило в моей жизни.

К нам в гости приехал Миклухо-Маклай! Нет, конечно, не знаменитый путешественник, а его внучатый племянник, востоковед, давний мамин знакомый.

Не в пример подтянутому, педантичному Константину Михайловичу, он был сухопутен с головы до пят. Легкий полотняный костюм, сандалии и соломенная шляпа создавали классический облик беззаботного дачника. К тому же он был близорук и рассеян и поначалу показался мне не от мира сего. Но поразительная память и богатое воображение делали его совершенно не похожим ни на кого. И рассказчик он был блестящий. И главное — он, представитель старинной морской семьи, отменно знал прошлое русского флота.

Рассказывая морские истории, Николай Дмитриевич на глазах словно бы вырастал и даже делался шире в плечах. Глаза его горели, голос срывался. И, слушая его, я живо представлял себе стремительную атаку русских кораблей под командованием адмирала Ушакова, героический штурм Корфу. Гангут, Чесма, Синоп… Все это были для меня не просто географические понятия. Я как будто бы сам стал участником незабываемых событий, связанных с ними и символизирующих славу русского флота.

Но особенно поразил меня рассказ о последних минутах броненосца «Адмирал Ушаков», которым в Цусимском бою командовал дед Николая Дмитриевича, капитан 1 ранга Владимир Николаевич Миклухо-Маклай.

Броненосец сражался один против отряда японских кораблей, имевших преимущество в скорости хода и дальнобойности

артиллерии. Он был, по существу, беспомощен перед врагом. Японские крейсера расстреливали его с жестокой методичностью…

Пробоина в правом борту… Вышла из строя пожарная магистраль… Повреждена кормовая артиллерийская башня… Из последних сил отбивается «Адмирал Ушаков», но он уже обречен. И все-таки символом несгибаемости русских моряков гордо реет на грот-мачте Андреевский флаг!

Японское море поглотило броненосец и его отважного командира, не покинувшего корабельный мостик….

Как сейчас, я вижу — мы сидим на пустынном пляже, в рядом гремит море, и белый флаг, поднятый на спасательной вышке, говорит о том, что купание запрещено. Волны с гулом ударяют в скалистый выступ Зеленого мыса, и их грохот напоминает артиллерийские залпы. Я слышу глухой, взволнованный голос Николая Дмитриевича. Я глубоко потрясен. Холодок восторга обжигает сердце.

Есть мгновения, которые решают нашу судьбу. И в девять лет я принимаю решение: «Буду моряком!»

Спасибо вам, милый, сухопутный Николай Дмитриевич!

ФЛОТСКАЯ ФОРМА

Передо мной на столе лежит пожелтевшая от времени фотография. На ней — худенький смуглый мальчик в военно-морской форме. Он смотрит пристально на меня, как будто хочет сказать: «Что, не узнаешь?» Внимательно вглядываюсь, ищу знакомые черты и не нахожу, их. А ведь это — я. Мне четырнадцать лет. Только вчера получил эту форму. День ушел на подгонку и вот…

— Вам сколько фотографий? — вежливо спрашивает фотограф, пожилой, невысокого роста, в чесучовой куртке. — Три хватит?

Но, заметив, как я вспыхиваю от смущения, торопливо добавляет:

— Ах нет, конечно же, шесть штук. Не так ли?

— Если можно, — заикаясь, говорю я и чувствую, становлюсь совсем пунцовым, — то двенадцать.

— И то правильно, — одобряет фотограф. — Двенадцать — хорошее число, дюжина.

Он долго колдует у фотоаппарата, большого деревянного ящика, привинченного к треноге, и наконец обращается ко мне:

— Смотрите в объектив, не шевелитесь.

Я замираю, кажется, он вот-вот скажет: «А сейчас отсюда вылетит птичка». Но пожилой фотограф серьезен. Он плавно снимает колпачок с объектива и через секунду-другую театральным жестом водружает его обратно.

— За фотографиями завтра, молодой человек, с пятнадцати до восемнадцати.

Итак, я уже в военно-морской школе. Иногородние живут в кубриках, отведенных для юнг на втором этаже, а мы, горожане, пока дома, что меня радует. Еще бы! Ведь можно утром, когда соседи собираются на работу, пройти на виду у всех в морской форме, с до блеска надраенной бляхой, в бескозырке, стараясь принять независимый вид, как будто ничего особенного не случилось.

— Эх ты, да ведь это ж соседский Мишка! — удивленно восклицает Тамара Петрова, мать моего товарища по школе, Леньки, или, как все его зовут, Ляки. — Уж не в море ли ты собрался, парень?

— Нет, тетя Тамара, — солидно отвечаю я. — Пока не в море, но-о-о…

Я даю понять, что и до этого уже совсем недалеко.

— Ишь ты, — весело всплескивает она руками, — этакую

шантрапу в море берут.

Делая вид, что последних слов я не слышал, убыстряю шаг и выхожу на улицу.

Нет, что ни говори, а морская форма — это блеск. Вот только одна деталь меня крайне смущает. Это — ленточка на бескозырке. Она и красивая, и с четкой золотой надписью по околышу: «Военно-морская спецшкола», и лишь одного нет — лент. Тех двух, крылатых, с золотыми якорями, что вьются за плечами и обращают на себя внимание любопытных прохожих, малышни к конечно, девушек. А вместо них сбоку, у правого уха, тщательно приглажен, чтобы не оттопыривался, черный муаровый бантик.

И не надо слов и заверений. Всем понятно, что это идет юнга.

Мы спали и видели бескозырки с настоящими лентами — и самым изобретательным и нетерпеливым правдами и неправдами удавалось раздобыть ленты, на которых гордо сверкали имена прославленных кораблей флота: «Аврора», «Октябрьская революция», «Марат». Когда мы выходили в город в увольнение, то надевали их поверх штатных. Удалось и мне достать красивую ленту с надписью: «Морпогранохрана НКВД». Лента была длинная, и это вызывало у меня особую гордость.

УЧЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Вот уже неделю только и разговоров было, что о выходе в море. Поход на учебном корабле «Правда» предстоял невеликий: Баку — Махачкала — Баку. Но для нас это было событие. Ночь перед отплытием спал плохо. Поход! Это не то, что прогуляться на теплоходе по Черному морю с мамой из Батуми и Сочи в комфортабельной каюте. Здесь нам предстояло быть не пассажирами, а членами экипажа.

Накануне нам — Володьке Бокову, Сереге Крупину и мне — уже посчастливилось побывать на корабле. Мы доставили туда кое-какое имущество. Затаив дыхание, поднялись по трапу на палубу корабля, подчеркнуто лихо отдали честь военно-морскому флагу.

— Подождите, ребята, — сказал нам вахтенный у трапа. — Я сейчас вызову боцмана, он разберется с вами.

Боцман не замедлил появиться. Это был невысокий, широкоплечий главный старшина. Лицо немного рябоватое, глаза пристальные и даже какие-то въедливые, вроде бы он насквозь хотел просмотреть.

Володька Боков, он был за старшего, выскочил вперед и, смешно выпятив тощую грудь, отрапортовал:

— Товарищ главный старшина, мы привезли имущество.

— Та-а-а-к, — протянул боцман. Он оглядел наши хлипкие фигуры, новую робу, которая сидела на нас колом, обидные бантики на бескозырках и, вздохнув, сказал:

— Да-а, перевелись на флоте богатыри.

Мы скромно потупили взоры, понимая, что это, увы, так и есть. И никакие мы еще не моряки.

— И все у вас такие? — поинтересовался боцман.

— Никак нет, — отчеканил Серега. — Есть и помельче.

— Вот как? — поразился боцман. — Значит, еще помельче есть. А вы — это наиболее крупные, что ли?

— Да… почти.

Сережино «почти» сводило на нет его гордое «да». Боцман усмехнулся:

— Ну что ж, юнги, спасибо за имущество, до встречи. Рассыльный, — обратился он к молодому матросу с красной повязкой на рукаве, — проведите этих юношей по кораблю и доставьте вниз, к машине. Особенно не задерживайте, их ждут.

— Есть, товарищ главный старшина! — щелкнул каблуками матрос.

— И много вас будет, орлы?- — повернулся к нам

рассыльный.

— Да человек, наверно, восемьдесят, — ответил Серега.

— Ого, в кормовом кубрике тесновато будет. Ну да ладно, вы маленькие, вместитесь, — рассыльный рассмеялся собственной шутке. — И кстати. Меня зовут Василий Князев, я штурманский электрик. Ну, мы еще познакомимся поближе. А сейчас, братва, айда за мной.

Вид у Василия Князева был очень деловой. Он явно наслаждался своей ролью.

В течение десяти минут он почти бегом провел нас по всему кораблю, на ходу отрывисто бросая:

— Это шкафут, дальше полубак. Вот брашпиль… якорное устройство, грузовая стрела…

И хоть ничего сверхъестественного на корабле не было, мы шли за Князевым как завороженные, потрясенные огромностью корабля, его сложностью и значительностью. Вспомнились слова командира роты: «За время похода вы должны будете досконально изучить корабль». «Да тут на всю жизнь хватит изучать», — думали мы. И, словно угадав наши мысли, Князев сказал:

— Корабль сложен по устройству, но мы, опытные моряки, поможем вам разобраться во всем.

— Товарищ матрос Василий Князев, — обратился к нему Серега, — а боцман — он очень строгий?

— У-у-у, — прогудел Князев, — боцман серьезный мужик. Моряк настоящий. К тому же человек геройский. Впрочем, скоро сами узнаете это…

В школе мы ходили именинниками и с независимым видом делились впечатлениями о корабле, как бы между прочим упоминая его размеры, осадку, водоизмещение и другие данные.

Товарищи здорово нас зауважали, и только скептик Боб Савкин сказал с деланным равнодушием:

— Маловат корабль-то. Я думал больше будет…

Утром на корабль шли строем, с песней. В нашей роте был лучший запевала в школе. Валька Таганов. Старшина роты Яшумов, лишь только вытянулись мы из ворот, тотчас же дал команду:

— Таганов, запевай.

Валька солидно прокашлялся и затянул:

Якорь поднят, вымпел алый
Плещет на флагштоке,
Краснофлотец, крепкий малый,
В рейс идет далекий.

В восемьдесят мальчишеских голосов рота грянула:

Э-эх, краснофлотец, крепкий малый,
В рейс идет далекий.

Прохожие останавливались и, улыбаясь, смотрели в нашу сторону, а малышня валом валила за строем. В перерывах между песнями впереди идущий, барабанщик Васька Зацветаев, лихо рассыпал барабанную дробь.

Хорошо идти под барабан. Нога так сама и печатает шаг. А всем строем — так и вообще внушительно получается. А песня какая! Настоящая моряцкая!

А в открытке из Сиднея
Напишу две строчки:
«Неба южного синее
Глаз твоих цветочки».

Очень мы любили эту песню. А еще любили: «Ты, моряк, красивый сам собою. Тебе от роду двадцать лет…»

Старший роты Яшумов сиял, как надраенный бачок. В эту минуту он гордился нами, своими воспитанниками.

На подходе к пирсу нас встречал командир роты, огромный, уже пожилой и сухопарый мужчина. Увидев его, Яшумов громко скомандовал:

— Строевым!

Мы тотчас же перешли с походного на строевой, четко отбивая такт.

— Смирно! Равнение на-лево! — гаркнул Яшумов.

Стройными рядами проходили мы мимо командира роты, усердно отбивая шаг, и бескозырки подпрыгивали у нас на головах, а руки, прижатые к туловищу, с трудом удавалось удержать в неподвижности.

Командир роты улыбался. Он был доволен.

— Вольно! — повторил за командиром, а точнее, по-флотски отрепетовал командиру Яшумов, и мы вновь перешли на походный шаг, украдкой, быстрыми движениями поправляя сползающие бескозырки.

Перед трапом корабля мы перестроились в одну шеренгу и, как горох, забарабанили по ступенькам.

— Бегом по трапу! — поддал командир роты.

«Горох» посыпался еще чаще. Мы стремительно выскакивали на палубу и выстраивались там в две шеренги.

Командир корабля молча обошел строй юнг. Затем возвратился к середине строя, повернулся лицом к нам и, приложив руку к головному убору, поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи юнги!

— Здравствуйте, товарищ капитан третьего ранга! — четко ответил строй.

— Завтра — в море, — обратился к нам командир. — Сейчас руководитель практики и боцман покажут вам кубрик и ознакомят с корабельными правилами. Желаю успеха в плавании!

Так начался наш первый в жизни день на военном корабле.